
ЮРИЙ
ДМИТРИЕВ
ТРИНАДЦАТЬ
ЧЕРНЫХ
КОШЕК

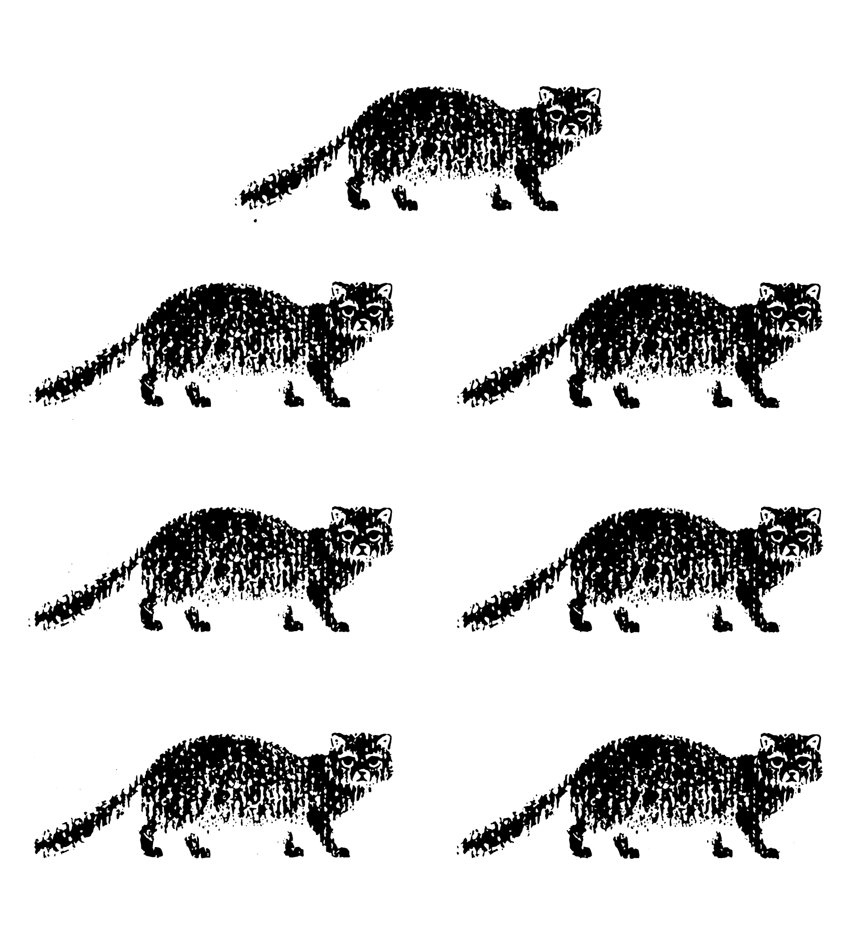
Юрий
Дмитриев

ТРИНАДЦАТЬ ЧЕРНЫХ КОШЕК

Д

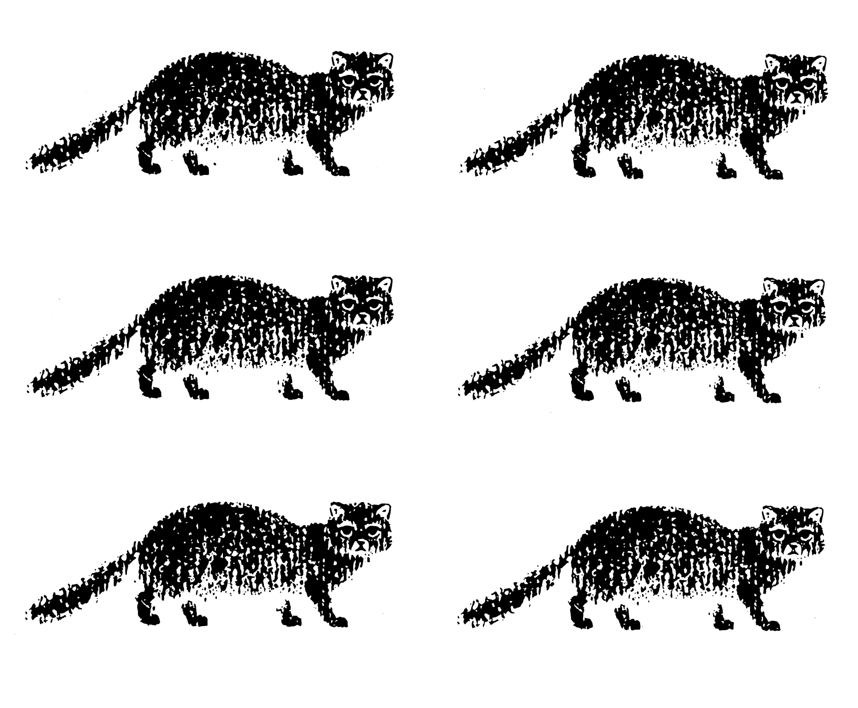
БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Юрий Дмитриев

Художник А. Райхштейн

ТРИНАДЦАТЬ ЧЕРНЫХ КОШЕК

Москва «Детская литература» 1988

ББК 86
Д 53

Научный редактор
и автор предисловия
доктор философских наук
А. БЕЛОВ

Познавательное издание

Д $\frac{4802000000—251}{М101(03)\text{-}88}$ 021—88

ISBN 5—08—001228—5

Предисловие,

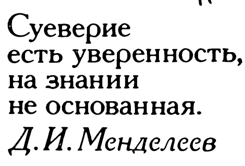

в котором говорится,

о чем эта книга и для чего она написана

Суеверие
есть уверенность,
на знании
не основанная.
Д. И. Менделеев

Эта книга о животных, о чем нетрудно догадаться по ее названию. Но не только о них. Вы непременно обратите внимание и на то, что в названии есть и число тринадцать. Не двенадцать, не четырнадцать, а именно тринадцать. А оно издавна считается несчастливым, сулит будто бы различные неприятности, его называют даже чертовой дюжиной. И конечно, попало

оно в название книги не случайно, ибо книга эта не только о животных, но и о людях. О тех, которые находятся во власти суеверных представлений, в том числе и связанных с животным миром.

Вам, конечно, приходилось встречать людей, которые, завидев перебегающую дорогу черную кошку, предпочитают повернуть назад, чтобы избежать возможных напастей. Или людей, которые пугливо вздрагивают от крика совы, карканья вороны, с тревогой вслушиваются в кукование кукушки, якобы отсчитывающей оставшиеся годы жизни. Множество суеверий породила человеческая фантазия. Одни из суеверий остались в прошлом — люди сумели понять их нелепость, другие продолжают жить и поныне, хотя, казалось бы, очевидно, что они не менее нелепы, чем все остальные. О суевериях и повествует автор книги, раскрывая всю их вздорность и показывая причины возникновения ложных представлений, явившихся плодом невежества наших далеких предков.

Представьте себе жизнь первобытного человека. Это была очень тяжелая жизнь, проходившая в постоянной борьбе за существование. Древние люди ничего не знали о мире, который их окружал. Он был наполнен для них непостижимыми загадками. Наши далекие предки не ведали о том, почему сменяются времена года, почему после дня следует ночь, почему идет дождь, светит солнце, почему с наступлением холодов природа сбрасывает зеленый свой наряд, а потом вновь надевает его, когда становится тепло. Долгое время человек не умел разводить огонь, считать, определять время. Поистине сто тысяч «почему» задавал он, стремясь постичь мир, но чаще всего не находил на них правильного ответа.

Вспомните, как не просто решить заданную учителем сложную задачу. Сколько ошибочных ответов приходит в голову, прежде чем удается найти один правильный. Так было и с первобытными людьми, перед которыми жизнь буквально каждый день ставила все новые задачи. Они искали ответ и ошибались, порождая ложные представления, которые впоследствии и получили название суеверий.

В книге, которую вам предстоит прочитать, рассказывается о том, как возникли различные связанные с животным миром поверья. Автор раскрывает их исторические корни, сбрасывая мистический покров с суеверных пред-

ставлений. Он выявляет ошибки, допущенные людьми в процессе познания живой природы, которые привели их к ложным выводам и суеверным взглядам.

Суеверия имеют общие корни с ранними формами религии, возникшими на заре человеческого существования: это анимизм, тотемизм, магия и фетишизм. Я расскажу вам немного о каждой из них. Анимизм — вера в душу и духов, он был порожден представлением о том, что человек состоит из двух самостоятельных сущностей: души и тела. Не понимая, чем порождаются чувства людей, их способность мыслить, рассуждать, разговаривать с окружающими, наши далекие предки приписали это душе, которая будто бы заключена в тело. Со смертью человека, как они полагали, душа покидает тело, отлетает от него, продолжая свое существование. А сделав такой вывод, первобытные люди одушевили по своему образу и подобию и все предметы и явления, причем не только живой, но и неживой природы. Родилась вера в то, что духи живут в воде и на земле, в растениях и камнях, в любом предмете, который попадал в поле зрения.

А о животных и говорить не приходилось. Древние были убеждены, что они, подобно людям, обладают сознанием, более того, своим языком, что многие из них мудрее, находчивее, хитрее человека. Ведь сколько сил и ловкости надо было проявить, чтобы поймать быстроногого оленя, очень осторожную рыбу или птицу. А ведь в ту пору не было ни огнестрельного оружия, ни современных сетей, которыми сейчас пользуются охотники и рыболовы.

Еще одна ранняя форма религии — тотемизм. Это вера, что та или иная группа людей связана родственными узами с животными и растениями, а также (реже) с явлениями природы и неодушевленными предметами. Были племена и роды, которые якобы вели свое начало от змеи или крокодила, от кенгуру или тюленя. Но непременно от животного, обитавшего в тех краях, где селились люди, с которым в какой-то степени была связана жизнь этих людей.

Очень много всяких поверий сложилось на почве тотемизма. Первобытные охотники, например, считали, что, съев сердце льва, они станут такими же сильными и могучими, как это животное, а вкусив мяса змеи — обретут ту мудрость, которую ей приписывали. Такими же наивными были коллективные обращения к животным с прось-

бой о помощи, защите, покровительстве. Древние верили, что можно уговорить их помочь, например, в охоте.

Одна из ранних форм религии — магия — возникла из убеждения, что с помощью особых колдовских действий и ритуалов можно воздействовать на сверхъестественные силы, во власти которых якобы находятся судьбы людей. К таким сверхъестественным силам относили таинственных духов живой и неживой природы.

И наконец, надо упомянуть о фетишизме, поклонении отдельным предметам, которые в глазах первобытного человека обретали священный смысл. Складывалась, например, у охотников удачно охота — они вспоминали, что путь их пролегал мимо громадного валуна. И у них возникала мысль, что именно валун принес удачу. И уже в следующий раз, перед тем как отправляться на промысел, перед валуном совершался колдовской ритуал, делались жертвоприношения. Валун становился объектом поклонения.

Все это сегодня, конечно, может вызвать улыбку. Но не забывайте об условиях жизни древних людей, когда они использовали каждую, даже мнимую возможность для того, чтобы обеспечить себя пищей, теплом и безопасностью. Не забывайте и о том, как скудны были их знания о мире.

Разумеется, человек до сих пор остался бы в плену дремучего невежества, если бы он не делал и верных наблюдений. Но они тонули в массе ложных, которые закреплялись в сознании, передавались из поколения в поколение. Понадобились тысячелетия, чтобы стала очевидной несостоятельность многих суеверных представлений.

Но так уж устроена жизнь, что суеверия оказываются удивительно живучими. Во-первых, потому, что и сейчас еще научные взгляды, доказывающие их ложность, не стали достоянием всех людей. Во-вторых, потому, что есть люди, которые, хотя и считают себя вполне современными, все-таки не могут избавиться от подтачивающего их сомнения: «А вдруг что-то есть...» Они даже готовы вместе со всеми посмеяться над суевериями, но сами-то лучше вернутся назад при встрече с черной кошкой.

Вполне закономерно может возникнуть вопрос: в какой связи между собой находятся религия и суеверия. Ведь служители всех религий осуждают суеверия, публично выступают против них. Это действительно так. Духовенство стремится отмежеваться от суеверий, противопоставляя

«ложной» вере «истинную». Но в действительности вероучение любой религии имеет общие с суевериями истоки, общие корни. И как справедливо замечал французский писатель Виктор Гюго, «религия шествует в сопровождении всевозможных суеверий».

Книга, которую вы раскрыли, поможет вам совершить не только увлекательное, но и познавательное путешествие в историю. Вы узнаете многое из того, что до сих пор было вам неведомо. Но чтобы понять, как возникли суеверные представления и как могли они пройти свой многовековой путь, надо взглянуть на прошлое не с высот тех знаний, которыми располагает ныне человечество, а попытаться проникнуть в духовный мир далеких наших предков, понять ту обстановку, в которой им довелось жить и бороться за свое существование, и строй их мышления.

Следует учитывать и то, что люди минувших эпох находились под влиянием религиозного миропонимания, они были не в силах сбросить с себя давивший на них груз предрассудков, примитивных взглядов на окружающую действительность. Они были убеждены в реальном существовании духов, а затем и богов, других сверхъестественных сил, от которых якобы зависело их благополучие. Именно в этом и следует искать объяснение тому, что ими легко усваивались и поддерживались те по-детски наивные представления, которые мы сегодня относим к суевериям.

Хочу обратить внимание и на следующее. Во все времена человек с большой добротой относился к меньшим нашим братьям (это, кстати, наложило свой отпечаток и на многие связанные с животными поверья). Добротой проникнута и книга Юрия Дмитриева. Разоблачая различные суеверия, будь то приметы или иные поверья, автор учит трезвому, непредвзятому взгляду на животных, требующих к себе и внимания, и бережного отношения со стороны человека, ибо животный мир — это частица того сложного и многообразного мира, в котором нам выпало жить. Ну а что касается суеверий, то нужно смелее отбрасывать их, потому что они мешают видеть природу такой, какова она есть, засоряют сознание людей, подменяют знания небылицами, пришедшими к нам из глубины веков.

А. Белов,
доктор философских наук

Часть первая

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Предисловие к первой части

О суевериях вообще

ИЗВЕСТНО, МАЛЕНЬКИЙ ребенок, едва начавший говорить, уже задает вопросы. С каждым днем их количество увеличивается. У некоторых особенно любознательных малышей появляется столько самых разнообразных вопросов, что взрослые нередко не успевают отвечать на них. Психологи, которые, кстати, подсчитывают и анализируют вопросы детей, утвержда-

ют, что это естественно: вступающему в огромный мир человеку все непонятно, все интересно, все хочется знать. Пытливость мысли, любознательность людей выросли, по определению академика И. П. Павлова, из ориентировочного рефлекса.

В своем детстве человечество, видимо, было так же любознательно, так же пытливо, как ребенок.

Ежедневно первобытный человек сталкивался с различными явлениями природы. Он наблюдал восход и заход солнца, радугу, разливы рек, видел звезды и молнию, слышал гром. Он ходил по земле, пил воду, охотился на зверей и птиц. Он жил в реальном мире, который не мог, но, очевидно, очень хотел понять. Ему, вероятно, необходимо было знать обо всем, что он видит. Иными словами, у него, как говорят ученые, была «жажда причинности».

Людям «свойственно добираться до причин всего, что делается вокруг них, они лучше придумают ложную, мнимую причину, чем останутся в безоружном неведенье»,— писал А. И. Герцен. Это было присуще и первобытным людям.

Люди далекого прошлого, видимо, представляли себе достаточно хорошо свои возможности. Во всяком случае, они знали, что небо и землю, море и горы обыкновенный человек создать не может. Другое дело животные! Хотя человек уже давно и часто успешно охотился, животные оставались для него таинственными и непонятными. В необыкновенных возможностях животных, в их сверхъестественных свойствах человек не сомневался.

Роль животных (и отчасти и растений) в жизни людей была огромна, а на протяжении многих тысячелетий — определяющая: они служили источником их существования. «Животные и растения, наполняющие всю жизнь охотника-собирателя, становятся предметом суеверных чувств и представлений, как нечто близкое, родное человеку»,—писал профессор С. А. Токарев.

И именно поэтому животные становятся героями многих мифов, которые С. А. Токарев называет произведениями народной фантазии, порожденной любознательностью человеческого разума, явившихся наивной попыткой «объяснить то или иное явление окружающей действительности».

Один из крупнейших мыслителей — философ-революционер Г. В. Плеханов писал: «Человека поражает изве-

стное — все равно: действительное или мнимое — явление. Он старается объяснить себе, как оно произошло. Так возникают мифы... Миф есть рассказ, отвечающий на вопросы: почему? и каким образом? Миф есть первое выражение сознания человеком причинной связи между явлениями».

У всех народов мира существуют мифы о сотворении Земли и всего, что на ней имеется, различными зверями и птицами, рыбами, пресмыкающимися, земноводными. В этих мифах животные выступают как прародители людей и их покровители, как защитники и помощники.

«Культурные герои» — мифологические персонажи, которые вводили в человеческий обиход какие-нибудь обычаи или давали людям культурные блага, тоже часто были животными.

Многим народам представлялась в облике животного душа человека.

Когда после длительного дорелигиозного периода у человека появились боги, большинство из них первоначально имели облик животных. Но даже когда боги в представлении людей окончательно приобрели человеческий облик, животные не ушли из религиозных верований: одни посвящались богам и считались священными, другие оставались рядом с богами в качестве их помощников.

О некоторых формах особого отношения людей к своим соседям по планете будет рассказано в этой книге. Но именно о некоторых, потому что число примеров самого разного отношения к животным, самых разнообразных представлений об их значении в жизни отдельных людей и всего человечества едва ли не беспредельно. А рассказывается об этих определенных отношениях для того, чтобы показать некоторые истоки существующих или еще недавно существовавших связанных с животными предрассудков и суеверий. И тем самым доказать несостоятельность их.

Но у книги есть и другая задача.

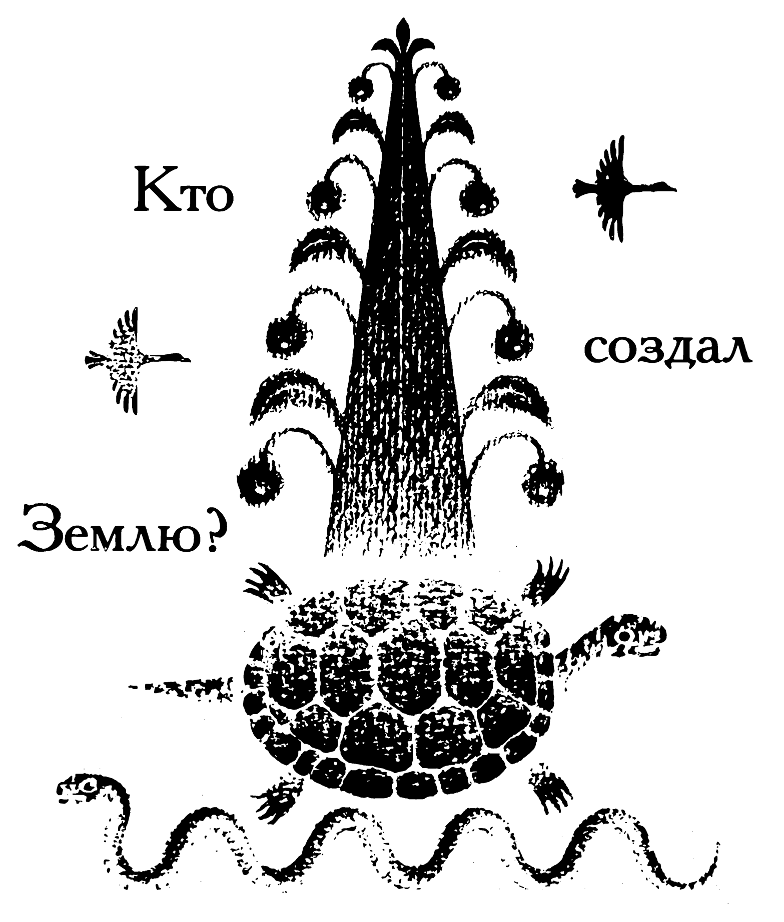
До сих пор немало животных незаслуженно окружено дурной славой: одних считают вредными и опасными, других — «недобрыми вестниками». Таких животных боятся, избегают, часто относятся к ним активно-отрицательно и нередко уничтожают их. Между тем эти животные не только безвредны, но и, наоборот, приносят людям

большую пользу. Например, охраняют от вредящих насекомых поля и огороды, спасают урожай, поддерживают необходимое биологическое равновесие, не позволяют распространяться многим опасным болезням. Поэтому очень важно, чтоб люди перестали верить дурной славе, окружающей некоторых животных, и знали бы о них правду. Тогда поймут люди, что жабы, или, допустим, летучие мыши, или, скажем, совы — не враги, а друзья и их надо беречь, охранять, защищать. Иными словами, такие знания помогут исключительно важному делу — охране живой природы.

А поскольку, как мы уже говорили, многие предрассудки и суеверия зародились очень давно, пришли к нам из далекого прошлого, мы с него и начнем — ведь, чтоб понять настоящее, надо хорошо знать прошлое.

Кто создал Землю?

Люди далекого прошлого не знали ответа на этот вопрос. Но ведь мир кто-то создал?

«У всех племен существовало представление о том, что в древние мифологические времена все было не так, как теперь»,— отмечал С. А. Токарев. Правда, о том, каков этот прошлый мир, единого мнения не было. И у всех народов имелись свои версии того, как «свершались необычные, чудесные дела» (С. А. Токарев).

Но необычные дела должны вершить, естественно, и необычные существа. Не боги, нет, о них люди не имели тогда никакого представления. Но в какие-то силы люди все-таки верили. Иногда эти силы были бесплотными, неопределенными, иногда принимали облик человекоподобных существ, чаще имели вид получеловека-полуживотного, а еще чаще выступали в облике зверя, птицы, рыбы, земноводного, пресмыкающегося.

Почему именно животным (или сверхъестественным существам в облике животных, или животным, наделенным сверхъестественными свойствами) уделялось столько внимания, мы уже говорили. А сейчас посмотрим, как это все происходило.

В мифологии многих народов огромное место занимает вода, и в частности Мировой океан — основа или, точнее, первооснова всего. Хотя с водой в представлении народов были тесно связаны многие животные, теснее всего с ней, естественно, связывали рыб. Поэтому с них и начнем.

Но надо сразу оговориться: к рыбам в те очень далекие времена относили и китов, и дельфинов. Простим эту маленькую неточность: ведь люди и много-много столетий спустя не знали, что киты и дельфины — не рыбы. А поскольку мы сейчас как бы смотрим на мир глазами наших очень дальних предков, то не станем придираться и будем на сей раз тоже считать китов и дельфинов рыбами.

Так вот, эти самые киты и дельфины (а у других народов, действительно, рыбы) выполняли очень ответственную роль — держали на своей спине Землю. В этом когда-то были глубоко убеждены многие народы, в том числе народы, жившие на территории Сибири и Кавказа. А буряты даже знали такие подробности: рыба — опора Земли — плавает в океане, и, когда она делает резкие движения, происходит землетрясение. Кахетинцы — жители Закавказья — тоже верили в рыбу-опору и тоже считали, что ее покачивание вызывает землетрясение. А это, в свою очередь, обещает хороший урожай.

По мнению народов, живших в районе Алтая, Землю поддерживала не одна, а сразу три рыбы. И если хотя бы одна опускала голову, начиналось наводнение.

Некоторые племена, жившие на территории Древнего Ирана, считали, что Земля стоит на быке, который, в свою очередь, держится на трех рыбах. По мусульманским ве-

рованиями, Земля находилась на рыбе, плавающей в море.

«Земля на трех китах стоит, кит-рыба под Землей дрожит»,— говорится в одном из древнерусских литературных памятников. В другом тексте сообщается, что бог сотворил Землю «на трех китах великих и на тридцати малых китах».

Рыбы не только поддерживали Землю — они, по представлениям многих народов, и создали ее: когда-то существовал только безбрежный океан, и рыбы, достав со дна ил, сделали из него Землю. Однако этим не исчерпывается роль рыб в сотворении мира и установлении порядка на нем.

Существовали предания, в которых рассказывалось о том, как рыбы служат солнцу: вверху (то есть на небе) солнце путешествует в ладье, а вот внизу (когда заходит и опускается за горизонт) оно разъезжает на рыбе.

Существовало немало мифов о роли рыб в спасении человечества. Особенно во время всемирного потопа (еще бы — кругом вода, как тут обойтись без рыб?!).

Мифы о потопе — в самых разных вариантах — издавна существовали у народов, населявших Малую Азию и Закавказье, Сирию и Палестину, Иран, Индию и другие страны. И во всех мифах рыбы активно действовали. Например, у индийцев существует такой миф: первочеловек Ману (откуда он взялся, в мифе не рассказывается) поймал рыбу. Рыба попросила первочеловека выпустить ее. В награду она пообещала Ману потом спасти его. Ману выполнил просьбу рыбы, а та сдержала слово: во время всемирного потопа «отбуксировала» корабль Ману к единственной не залитой водой горе. Таким образом рыба спасла первочеловека, а значит, и все человечество.

Но тут мы забежали вперед. Сейчас ведь речь идет о мифах, повествующих о том времени, когда не только потопа или горы — Земли еще не было, она находилась на стадии сотворения. И сотворили ее, как рассказывают некоторые легенды, рыбы. Но оказывается, не только они.

Впрочем, если уж быть по возможности точным, то надо признать: по мнению многих народов, Землю вообще никто не создавал — просто то, что мы называем Землей, спина огромной змеи Унгуд, существовавшей всегда. Так считали представители некоторых австралийских племен. Примерно такого же мнения были и сербы. Змея, на спине

которой держится Земля (или то, что мы называем Землей), фигурирует и в мифах древних египтян. В легендах других народов утверждается, что Земля — это спина гигантской лягушки или жабы.

Однако большинство народов были убеждены, что Землю все-таки кто-то создал. Но вот кто?

Землю создала змея вместе с мамонтом — гласит предание эвенков. Змея даже имя имела — Дябдяр, а мамонт, насколько нам сейчас известно, был безымянным. И жили они в воде, так как земли нигде не было. Но вот мамонту и змее надоело мокнуть, мамонт запустил свои «рога», то есть, очевидно, бивни, в воду и стал оттуда вытаскивать землю. Змея принимала ее и разравнивала. Потом таким же образом мамонт достал из воды небо, воздух — и вместе со змеей они сотворили мир.

Другая эвенкийская легенда говорит, что сначала все-таки существовал островок, но такой маленький, что ни о какой жизни на нем не могло быть и речи. Тогда мамонт стал добывать бивнями из воды землю, а змея разминала и утрамбовывала ее.

Есть у эвенков и еще одна легенда, в которой змее (ее звали Кулин) и мамонту (имя его было Сэли) отведена иная роль: они подрались на Земле, которую достали из воды лягушка и гагара, и из-за этого образовались горы и долины.

В древнем Иране многие тоже были убеждены, что Землю создала змея. Правда, вместе с черепахой. А аборигены Австралии считают, что только черепаха «высидела» Землю. И даже знают имя этой черепахи — Бедал.

И живущие за много километров от Австралии североамериканские индейцы гуроны тоже верили, что именно черепаха создала Землю и держит ее на себе. Правда, немаловажную роль отводят индейцы и жабе: когда черепаха приказала собравшимся животным достать со дна Землю, сделать это смогла только жаба. Землю, которую доставала жаба, клали по краям панциря черепахи. И земля быстро увеличивалась в размерах.

Некоторые племена, населявшие теперешнюю Индию, тоже считали черепаху одной из главных фигур в мироздании. Вообще-то, говорит легенда, Землю на своих плечах держат слоны (их, кстати, семь!), но сами слоны стоят на спине черепахи, а та, в свою очередь, на змее.

У алтайцев было свое мнение по поводу происхождения Земли: они были убеждены, что ее создала лягушка. И даже якобы точно знали, как это произошло. Нéкто Чачан-Шукты и Очурманы (кто они такие и откуда взялись — нам неизвестно) решили создать Землю. Для этого один спустился в воду, а другой уселся на лягушку. Опустившийся в воду стал доставать со дна землю и подавать второму, который укладывал ее на спину лягушки. И укладывал до тех пор, пока не образовалась Земля — та самая, на которой мы все живем.

Вообще надо сказать, что в легендах о сотворении мира лягушкам отводилась важная роль. Так, мы уже говорили, что некоторые древние народы считали, будто Земля покоится на спине гигантской лягушки, а по верованиям обских угров, железная лягушка живет в корнях мирового дерева, стоящего в центре Вселенной, и держит его. Примерно такая же легенда существует у индейцев куна из Центральной Америки.

Существует немало и других мифов, где в создании Земли или в ее «благоустройстве» участвует лягушка. Но в этих мифах она связана с водой даже больше, чем с землей.

Во всех мифах, о которых мы говорили, и во многих, о которых мы не упоминали (мифов ведь огромное количество), рассказывается, что Земля была сотворена из воды или плавала в воде — на спине рыбы, например, или все той же лягушки. А откуда взялась вода? Возможно, создала ее опять-таки лягушка. Во всяком случае, существует немало мифов, в которых лягушка повелевает водами, например, поглощает их в период засухи и освобождает с приходом весны. У австралийцев и китайцев, у индейцев Северной Америки и у древних египтян имелись мифы, где лягушка выпивает всю воду на Земле или устраивает потопы, когда ей вздумается.

Вода у многих народов была символом жизни, плодородия, лягушка же ассоциировалась с водой. Видимо, этим в какой-то степени и объясняется ее популярность.

Впрочем, имеются легенды, в которых говорится, что мир был создан лишь после усмирения змей, постоянно извергавших массы воды, заливающей все вокруг. Есть и иная версия: жизнь на Земле стала возможна лишь тогда, когда кто-то победил злую змею, не отдававшую воду людям.

Например, по поверьям африканцев и австралийцев (удивительное совпадение легенд!) именно змеи, похитившие воду, не позволяют превратить бесплодные пустыни Африки и Австралии в плодородные долины. И не случайно до недавнего времени у многих африканских и австралийских племен существовали обряды (может быть, существуют кое-где и сейчас), связанные с этими поверьями: во время засухи, чтобы вызвать дождь, люди произносили заклинания, колдовали над пойманными змеями, чтобы заставить их отдать воду.

Есть и другие легенды, где змеи тоже олицетворяют воду. Однако в этих легендах змеи не являются отрицательными персонажами. А в некоторых легендах даже наоборот — змеи выступают в положительной роли. Ведь радуга, считающаяся хорошим предзнаменованием, ассоциируется, связывается в воображении у многих народов со змеями. В Индии у одного из племен радуга и змея обозначаются одним и тем же словом — «лур-бинг». «Илардану» — то есть «радуга-змея» — называют радугу малайцы. Многие австралийские племена тоже считали радугу гигантской змеей, а древние китайцы были убеждены, что это — гигантская змея, склонившаяся к земле и пьющая воду.

Итак, мир сотворили либо рыбы, либо лягушки, либо змеи? Нет, оказывается, и птицы были причастны к сотворению мира. В некоторых легендах даже рассказывается, как это произошло. Вот, например, как представляли себе это событие жители одного из районов Древнего Египта — Гернополя.

...Бескрайняя водная гладь, абсолютный мрак и абсолютная тишина... Но однажды над этой водной гладью поднялся холм с сидящей на нем лягушкой. (Да, все-таки и тут лягушка!) Однако главная фигура здесь не она, а яйцо, которое лежало рядом. Из этого яйца вывелся гусь — Великий Гоготун. Едва появившись на свет, он сразу закричал, и с этой минуты исчезла в мире тишина. И с этой минуты исчез мрак — гусь, подобно Солнцу, осветил все вокруг. Потом гусь стал создавать обитателей Земли — людей и животных.

У австралийцев существовал миф о двух братьях — птицах Бунджил и Палиан, которые вели между собой ожесточенную войну. Один брат создал Землю и людей, де-

ревья и зверей, другой — воду и всех ее обитателей.

Меланезийцы тоже верили в то, что создали мир птицы. И тоже птицы-братья. Только один брат был мудрый и добрый — он создавал плодородную землю, а другой был глупый и злой — он эту землю портил.

И полинезийцы считали творцом мира птицу. Имя ее было Таароа, она снесла яйцо, и из этого яйца был создан мир.

Очень любопытный миф был распространен среди некоторых племен североамериканских индейцев. В нем говорилось о том, что Земля своим появлением обязана двум голубям. Птицы все время летали над бескрайней водой, но в конце концов то ли устали летать, то ли просто пришла пора создавать Землю, но так или иначе, они нырнули, достали со дна горсть песка и сотворили земную твердь.

У индейцев других североамериканских племен тоже есть миф о сотворении Земли птицей. Но не голубем, а вороном.

Первое время ворон был один на всем свете. Когда начался потоп, птица спаслась, взлетев на небо и уцепившись клювом за облака. А когда вода схлынула, ворон спустился и занялся ее осушением. Потом поднял с земли луну и забросил ее на небо. Но так как земля была очень зыбкой, болотистой, несмотря на осушительные работы птицы, пришлось ей создавать прочную земную твердь. Затем ворон сотворил людей, добыл для них пресную воду, а огонь украл у злого волка.

У коряков и чукчей тоже есть легенды, которые утверждают, что Вселенную и людей создал ворон, при этом он научил их охотиться и ловить рыбу, а также дал им оленей.

В преданиях многих народов, повествующих о сотворении мира, вороны и орлы играли огромную или даже основную роль. Правда, ненцы и буряты считали, что к сотворению причастны и гагары. Легенды алтайцев и манси утверждали, что мир создал гусь, по преданиям эвенков и хантов, все сделала утка, а по преданиям коми — главная заслуга в этом принадлежит голубю.

Говоря об этих мифах, мы употребляем сейчас современные названия птиц, которые появились гораздо позже. Люди очень далекого прошлого часто прочно связывали птиц с небом. Это отразилось в словаре языка многих народов. Например, в финском языке «небо» и «орел» обозначаются одним словом. У якутов слово «хотои» имеет

значение и «небо» и «птица». У североамериканских индейцев молния называлась «гром-птица», и так далее.

И понятно: человек смотрел в небо, видел необъятную синь и плывущих там птиц, иногда видел тучи, из которых вылетала молния. И в своем сознании он соединял все это.

Когда появились названия птиц, человек стал приписывать различные действия не птицам вообще, а конкретным птицам (воронам, голубям, гусям и так далее). Но до этого еще долго птиц — персонажей мифов и легенд — просто разделяли по величине, внешнему облику и окраске оперения. Во многих мифах символическое значение, по-видимому, играло контрастное оперение птиц. Как, например, в легенде, родившейся на севере нашей страны, где главными героями являлись белая и черная птицы.

...Вначале была только вода. И две эти птицы. Белая летала над водой, а черная плавала по воде. Белая попросила черную нырнуть и достать со дна ил. Черная сделала это, но отдала не весь ил — часть его утаила. Белая птица начала произносить заклятия, и от этого ил стал расти. Тот, который оставался в клюве черной птицы, тоже стал расти. И начал душить ее. Белая закричала, чтобы черная выплюнула ил. Та выплюнула, но поздно: этот ил уже не мог превратиться в хорошую, добрую землю — из него получились горы и камни.

О противоборстве двух начал — доброго и злого — рассказывается и в легендах других народов. И всегда доброе начало олицетворяет белая птица, злое — черная.

Итак, согласно многим древним преданиям, творцы Земли или даже Вселенной — рыбы и пресмыкающиеся, земноводные и птицы. Но оказывается, не только они. Существует немало легенд, в которых рассказывается о создании мира зверями. Так, калифорнийские индейцы считали, что мир создал луговой волк койот и лиса. Другие племена индейцев были согласны, что койот участвовал в создании Земли, а вот лисица тут ни при чем: по мнению этих индейцев, напарником койота являлся заяц.

А некоторые австралийские племена были убеждены, что Земля и все, что на ней есть, появилось только благодаря кенгуру. И даже точно знают, как все это произошло.

...Жил-был Великий Кенгуру. И напали на него однажды очень злые и кровожадные дикие собаки. Понял Великий Кенгуру, что не спастись ему от собак, что разорвут они

его на части. И тогда он решил (недаром же этот Кенгуру был Великим!): пусть из его частей будет сотворен мир.

Дикие собаки действительно разорвали на части Великого Кенгуру. И там, где упала его печень, вырос холм, из шкуры образовались скалы, кости Великого Кенгуру превратились в камни, а из этих камней появились люди.

В мифах некоторых африканских племен упоминается чудесная корова, которая создает мир и все живущее в этом мире.

В Древнем Египте имелось много разных версий о создании мира (мы еще будем говорить об этом), среди них есть и такая. Сначала в мире был хаос. Из него появилась корова (позже, сохранив свой облик, она стала богиней неба Нут). Корова родила золотого теленка (солнечное божество Ра). Из этого теленка, вернее, из его тела возникло все сущее — все части Вселенной, изо рта вышли боги, а из глаз — люди.

Скандинавы тоже были убеждены, что в сотворении мира принимала участие гигантская корова Аудумла.

Можно перечислить немало животных, которые, по мнению разных народов, самостоятельно или совместно создавали Землю. Это и бобры — любимые персонажи легенд некоторых племен индейцев, это и медведи — очень уважаемые многими народами звери, и волки, в данном случае совсем не отрицательные, и даже верблюды, чьи горбы у некоторых людей ассоциировались с горами. В общем, участие зверей в сотворении мира, по убеждению людей тех далеких эпох, не вызывала сомнения.

Ну, раз животные сотворили Землю, то они должны были ее усовершенствовать, навести на ней порядок, создать подходящие условия для жизни. Вот как происходило, например, по мнению североамериканских индейцев племени крик, создание дня и ночи.

...Собрание зверей, на котором решался вопрос, чему быть на Земле — вечному дню или вечной ночи, проходило очень бурно. Еще бы: одни животные, предпочитавшие жизнь в темноте, требовали, чтобы все время была ночь, и изо всех сил доказывали, что ночь гораздо лучше дня. Другие животные, наоборот, так же активно требовали, чтобы все время был день.

Неизвестно, чем бы кончился этот спор, не подай свой голос бурундучок по имени Чу-тлок-чу. Он указал на енота

Вытко, точнее, на его хвост. И все увидели, что на пушистом, красивом хвосте енота чередуются белые и черные кольца. Бурундучок сказал, что как чередуются кольца на хвосте енота, так и день должен сменяться ночью, а ночь — днем.

Звери подивились мудрости Чу-тлок-чу и постановили, чтобы день следовал за ночью и ночь за днем через одинаковые промежутки времени. А председатель собрания медведь Нокози позавидовал мудрости Чу-тлок-чу и царапнул его когтями по спине. Именно поэтому, считают индейцы, у всех бурундуков до сих пор полосатые спинки.

Существует легенда и о другом, не менее важном моменте в истории Земли. Ее рассказывают алгонкины — индейцы Северной Америки.

Оказывается, всю Землю сначала покрывал глубокий снег, все воды сковывал лед. Это было очень плохо. Но тут нашелся добрый зверек — ласка,— который прогрыз небесный свод, и оттуда хлынули на Землю теплые ветры и солнечные лучи. Расстаяли льды и снега. А ласка раскрыла клетки и выпустила на свободу птиц. И еще много добрых дел сделала ласка для жителей Земли. Но жители небесной страны очень рассердились на ласку, стали ее всячески преследовать и в конце концов убили.

Есть еще бесчисленное количество мифов и преданий о происхождении Земли, дошедших до нас из глубины веков, и во многих из них главными были животные или какие-то сверхъестественные силы, имеющие облик животных.

Но если древнего человека интересовало происхождение мира и он искал ответ на этот вопрос, то не могло не интересовать его и собственное происхождение. Возможно, это интересовало его еще больше: ведь наш далекий предок был существом очень практичным и, как заметил Аристотель, интересовался в первую очередь тем, что его окружало. Самым ближайшим его окружением были люди. Откуда же появился человек? Кто он?

«Я тот, кого танцую»

Древний человек не оставил ни книг, ни рукописей, ни каких-то иных памятников письменности, которые помогли бы современным ученым понять его психологию, пролить свет на его мировоззрение. Казалось бы, внутренний мир нашего предка скрыт от нас прочно и навсегда. И тем не менее

мы сейчас знаем не только о том, как жил древний человек, но и что порой чувствовал, как вел себя в определенных ситуациях, как отвечал на некоторые волнующие его вопросы.

Мы уже говорили про мифы, повествующие о сотворении мира. Множество мифов, дошедших до нас, рассказывают и о том, как древний человек представлял собственное происхождение. Но не только мифы помогли ученым проникнуть в тайны мышления первобытного человека.

Есть такая наука — этнография. Она изучает быт и нравы, обычаи и обряды людей. Ученые-этнографы — хотя именоваться так они стали сравнительно недавно, потому что этнография как наука оформилась в XIX веке,— знали о связанных с животными обрядах, существовавших до недавнего времени у разных народов (а кое-где они существуют и до сих пор). Знали, но до поры до времени каких-то серьезных выводов не делали. Всерьез задумались ученые об этом лишь в конце XVIII века, когда вышла в свет книга Дж. Лонга «Путешествие и странствие индейского купца и переводчика».

Дж. Лонг ребенком попал в Северную Америку, был усыновлен индейцами, долго жил среди них, хорошо изучил их быт, нравы, обычаи и подробно рассказал об этом в книге. В частности, он рассказал, что индейцы считают своими предками растения, горы, ветер, море, но чаще всего — животных. Индейцы племени оджибве, воспитавшие его, употребляли понятие «ота-тем», или «от-там», что означает «его род». Отсюда и произошел термин «тотем». И хотя вскоре выяснилось, что наиболее ярко тотемы и тотемизм представлены не в Америке, а в Австралии, где современные ученые насчитывали более 700 тотемов (из них лишь 56—скалы, горы, реки, деревья, а остальные — животные), и эту страну даже стали называть «страной классического тотемизма», термин, появившийся благодаря племени оджибве и Лонгу, остался и приобрел более широкое значение.

Впрочем, трудно точно сказать, где был в свое время особенно развит тотемизм. Современные ученые считают, что тотемы имелись у всех древних народов, населявших нашу Землю. Иное дело — как давно это было и в какой степени тотемизм сохранился. В одних случаях сейчас наблюдаются лишь слабые отголоски тотемизма, в других

он до сих пор ярко проявляется или, по крайней мере, проявлялся до недавнего времени. Например, у жителей Гавайских островов, которых еще в начале прошлого века было около 150 тысяч. Существовал тотемизм и у коренного населения Новой Зеландии — там в середине прошлого века жило 120 тысяч маори. И на острове Таити, где во время Кука было свыше 100 тысяч коренных жителей, и особенно у коренного населения Тасмании, которое к моменту открытия этого острова находилось на последней стадии древнекаменного века, то есть отставало от европейских народов на 30—35 тысяч лет. К несчастью, тасманийцы были полностью истреблены колонизаторами столетие назад. Однако специалисты — этнографы и историки — успели в той или иной степени познакомиться с этим народом, обряды которого давали представление о быте и обрядах наших очень далеких предков. Даже в XIX веке в Австралии существовали племена, находившиеся на стадии общинно-родового строя. А коль скоро это так, появилась возможность узнать детали жизни людей далекого прошлого — правда, в известном приближении, потому что даже самые отсталые современные племена прошли большой путь исторического развития. Однако цивилизация почти не коснулась их. «Несомненно, что из всех ныне существующих народов австралийцы сохранили в наибольшей чистоте свои древние религиозно-мистические верования»,— писал профессор С. А. Токарев. Вот почему изучение этих племен и получаемый в результате их изучения этнографический материал «служит надежным источником для понимая воззрения древних людей»,— отмечает советский этнограф З. П. Соколова.

Ритуальные танцы и песни, мифы и сказки, переходящие из поколения в поколение, свободные от литературного наслоения цивилизованных народов, открыли перед нами удивительный мир древнего человека, помогли узнать, как древний человек отвечал на очень важный для себя вопрос: откуда появились на Земле люди?

Итак, мы сейчас знаем: наши очень далекие предки верили, что определенные группы людей происходят от определенного мира животного или растения. Знаем мы и то, что древний человек не поклонялся своему тотему, не обожествлял его. Уважать — да, уважал, охранять — охранял. Но поклонения в прямом смысле слова не было.

Известно нам и то, что тотемизм — явление не простое, что с ним связано множество самых различных обрядов — о некоторых мы будем говорить. Но далеко не все еще ясно. Ученым, например, не ясно, как вообще возник тотемизм. Ответа нет, хотя существует более 50 различных теорий относительно возникновения тотемизма.

Не прояснен до конца и такой вопрос: как люди выбирали себе тотем, почему «вели свой род» от того или иного, а не от другого животного?

Одно время ученые предполагали, что тотемными становились те животные, которых люди особенно боялись. Такого зверя в «предки» выбирали с надеждой: мол, если ты «предок», то ничего плохого своим «потомкам» не сделаешь. Но вскоре ученые поняли ошибочность этой теории: в «стране классического тотемизма» — в Австралии — вообще нет хищных животных, опасных для человека. Часто не выбирали люди в тотемы и каких-то особенно значительных — могучих или красивых животных. В той же Австралии у некоторых групп тотемами нередко были маленькие птички, ящерицы, даже насекомые (в Австралии жили «Люди Длиннорогого жука»).

В Африке, где имелись и могучие животные, и опасные хищники, жило племя пигмеев, считавшее себя потомками муравьев, а название африканского племени Байсесе переводится, как «Народ Мухи цеце».

В Северной Америке были группы индейцев, которые называли себя «потомками москитов», и племена, «ведущие свой род» от скатов, сардин, лососей.

Почтительное отношение к рыбам характерно для народов Кавказа. Там существовала легенда о прародительнице («Матери-рыбе»), которая дала жизнь людям. В Африке жили бенуаны — «Народ Рыб».

Но больше всего, насколько нам сейчас известно, рыб-тотемов было у народов, населявших Сибирь, Урал, русский Север. Согласно древним верованиям хантов, селькупов, манси, их племена «вели свое происхождение» от налимов, щук, окуней.

В Австралии и Центральной Африке рыб-тотемов было меньше. Зато были змеи. Современному человеку даже трудно представить себе, сколько людей на Земле когда-то считали змей своими предками (а потом стали и обожествлять). Это аборигены Австралии и пигмеи Центральной

Африки, индейские племена пуэбло, живущие в Северной Америке, и фессалийцы — жители одной из областей Древней Греции, некоторые индийские племена дравидов и другие. И всюду к змеям относились очень почтительно, всюду в их честь устраивались обрядовые праздники. У индейцев пуэбло и пигмеев змея была любимым, самым популярным и, конечно, положительным персонажем мифов и сказаний.

Вообще-то земноводным и пресмыкающимся повезло — они были тотемами у многих народов или племенных групп. Например, некоторые австралийские племена считали своими предками ящериц, у дравидов, кроме змей, тотемами были черепахи. Черепахи были тотемными животными и у индейцев гуронов. Существовали и другие племена, называвшие себя «Людьми Черепахи» и «Людьми Змеи» (или «Людьми Великой Змеи»), «Людьми Ящерицы» и «Людьми Лягушки». Немало было и «Людей Крокодила».

«Отцом» и «дедушкой» называли крокодилов некоторые племена дравидов и племена, населявшие Судан.

А у меланезийцев — жителей островов пролива То́рреса — крокодилы настолько почитались, что для них сооружались специальные тотемные святилища, их изображения были на священной стене, за которой устраивались обрядные танцы.

Раз существовали тотемы рыбы, змеи, ящерицы, лягушки, крокодила, как же не быть птицам? И они, конечно, были. И в больших количествах. В Америке, например, индеец «не считался добропорядочным, если не происходил... от хищных зверей, таких, как медведь... или от орла»,— свидетельствовал Гарсиласо де ла Вега — один из первых писателей, рассказавших о Южной Америке. Правда, среди тотемных животных индейцев Северной, Центральной и Южной Америки были не только хищные — кондоры, ястребы, орлы. Имелось немало племенных групп, которые считали своими родоначальниками ворона, колибри, попугая, гуся, филина, пингвина.

Много тотемов птиц имелось и у австралийцев. Популярны были черный и белый какаду, клинохвостый орел, эму, ворон, индюк.

Птицы-прародители были у народов, населявших некогда Европу. Например, у одного из италийских племен тотемом считалась сорока, у другого — дятел.

Почитание птиц было широко распространено и в Азии, особенно среди народов Севера: некоторые племена называли себя «Тетеревиные Люди», «Гусиные Люди», «Люди Журавлей».

Об отношении к тотемам свидетельствует советский этнограф Г. Н. Прокофьев. Он спросил как-то представителя одной из народностей Севера, почему люди не уничтожают кедровок, ведь эти птицы, поедая в большом количестве кедровые орешки, лишают белок корма и, следовательно, сокращают количество зверьков. А значит, мешают охотникам. В ответ Прокофьев услышал: «Как его будешь убивать, ведь это мой брат».

Наверное, Прокофьев разговаривал с представителем рода, считавшего тотемом кедровку. И примечательно, что разговор этот происходил в двадцатых годах нашего века. Можно вообразить, как относились к птице в далеком прошлом!

У якутов особым почтением пользовался орел. Люди, считавшие своим тотемом орла, так и назывались: «Произошедшие от Орла». Естественно, что представители этого рода не могли убивать орлов. Даже случайное убийство этой птицы строго наказывалось.

Конечно, тотемами были и звери. Например, кенгуру и опоссум у австралийцев, волк у древних италийцев и многих индейских племен, бык и буйвол, лев и тигр, олень и антилопа, заяц и медведь у народов Азии и Африки. Были бобры у индейцев и вепрь у древних германцев. А индейское племя черноногих считало тотемами собак.

Большинство тотемов — дикие животные. Но с появлением домашних рождались и новые тотемы. Пример тому лошади, которые попали в Америку вместе с испанскими завоевателями. Поначалу один только вид этих животных заставлял американских аборигенов бросать оружие и бежать с поля боя. Но умные и проницательные индейцы быстро поняли, какое это благородное животное. И очень скоро включили его в круг почитаемых. Некоторым племенам лошадь особенно полюбилась, и они сделали ее своим тотемом, стали называть себя «Люди-Кони». У других племен лошадь стала духом-покровителем. Индейцы создавали так называемые тайные союзы для охраны своих родовых традиций. Союзы обычно носили имена животных. В частности, многие объединялись в «Союз Коня».

Любопытное братство знахарей-врачевателей и ветеринаров существовало среди индейцев, живших на равнинах Северной Америки. И их покровителем был конь. Он якобы являлся во сне посвященному в этот союз и обучал его искусству врачевания, рассказывал о целебных травах, показывал магическую «пляску коня».

Естественно, что эти люди считали себя в близком родстве с лошадьми, их «потомками».

И все «потомки» уважали, почитали своих «предков». Мы уже говорили — именно почитали, а не обожествляли. Оказывали всяческие знаки внимания, на которые были способны. И верили, что «предки» или «родичи» отвечают им добром на добро, что тотем помогает избежать опасности или, во всяком случае, предупреждает о ней. Например, австралийцы, ведущие свой род от кенгуру, считали, что «предок», прыгая навстречу своему «потомку», сообщает ему об опасности.

Почитание выражалось не только в запрещении убивать или ловить тотемных животных и в их охране. В честь тотемов устраивались празднества, сопровождавшиеся ритуальными плясками. Еще в прошлом веке, по свидетельству известного английского путешественника и исследователя Африки Давида Ливингстона, обрядовые танцы были столь распространены, что представители разных африканских племен могли не спрашивать друг друга: «Кто ты?» или: «Откуда ты?»

Достаточно было спросить: «Кого ты танцуешь?» — и ответ («страуса», «лягушку», «змею» или «верблюда») будет исчерпывающим: сразу станет ясно, где живет этот человек и из какого он племени.

«Не обижайся, что я тебя убил»

Древний человек был существом практичным. Да и как не стать практичным, если надо постоянно заботиться о пропитании. А главной пищей охотничьих племен было мясо животных. И нередко как раз тех животных, которые считались «предками». Ученые предполагают, что некоторые племена даже выбирали себе «предков» по принципу их «съедобности». (Многие племена не смели убивать своих тотемных животных. Но были и такие, о которых мы сейчас говорим.) Мы, естественно, не имеем возможности установить,

что думали по этому поводу первобытные люди, как могли уважать своих «предков» и одновременно поедать их. Но они, вероятно, не находили в этом противоречий. Возможно, считали даже так: раз животное-«предок» дало жизнь племени или роду, оно обязано поддержать эту жизнь, то есть кормить своих «потомков». Помогала вера в то, что убитое животное, если соблюдать все правила охоты и выполнять обряды, снова возродится.

Впрочем, у разных племен и народов в этом смысле отношение к «предкам» было неодинаковым. У одних племен существовали пищевые запреты — не разрешалось поедать тотемическое животное ни в коем случае, у других были просто ограничения — запрещалось поедать тотемное животное в больших количествах (но нельзя и совсем не есть тотем: утратится связь с ним). Существовали племена, которые не имели права убивать тотемное животное — за них это делали другие. Но мясо убитого «предка» его «потомки» охотно поедали.

Были племена, у которых запреты распространялись лишь на определенные части животного, другие племена мясо убитого животного поедали, но его шкуру или кожу использовать не имели права. А полинезийцы, считавшие своими «предками» крокодилов и черепах, не убивали крокодилов, а черепах убивали при каждом удобном случае и не чувствовали при этом угрызения совести.

Но если находили умершую черепаху, ей устраивались пышные похороны, как и случайно убитому (например, в порядке самообороны) крокодилу.

Кстати, такой обычай — торжественно хоронить мертвый тотем — был у многих народов. Якуты, те самые, которые считали, что происходят от орла, найдя его мертвым, обязательно клали в специально устроенный на дереве лабаз. В Южной Аравии жило племя, считавшее своим тотемом газель. Найдя мертвую газель, люди этого племени не только торжественно хоронили ее, но и в течение недели носили по ней траур. Так же поступали представители одного из африканских племен, считавших тотемом гиену. Поедать мясо этого тотема запрещалось.

Правда, имелись возможности обойти запреты. Так, один из родов южноафриканского племени пигмеев считал себя в кровном родстве с антилопами («Люди Антилопы»). Поэтому они не могли убивать антилоп, а тем более поедать

их мясо. Но другой еды часто не бывало. И «Люди Антилопы» знали, как поступить, чтобы и самим быть сытыми и не обидеть своего «предка»: в котел, где варилось мясо антилопы, клали особый камень и кору определенного дерева. В этом случае убитый «предок», по мнению пигмеев, прощал своих «потомков».

Были племена, которые без всяких ограничений охотились на своих «предков». И наконец, были такие, которые не только охотились на своих «предков», но и устраивали специальные праздники — обряды «умножения тотема». Вот, например, как происходил такой праздник у австралийского племени, считавшего своим «предком» орла.

На щиты, символизирующие гнезда, усаживались мужчины племени. Они размахивали руками, изображая взмахи крыльев птиц. Затем, продолжая махать «крыльями», они соскакивали с «гнезд» и начинали кружиться, сталкиваясь друг с другом, вырывая друг у друга изо рта «мясо» — особые комочки, сделанные из травы и шерсти. Кружились долго. Считалось: чем дольше танец, тем больше будет пищи.

Другие племена не ограничивались только танцами, у них обряд «умножения тотема» был более основательный. Например, «Люди Эму» не только танцуют, обряженные в костюмы из перьев, и очень умело подражают движениям этих птиц, но и вскрывают себе вены на руках и поливают кровью землю. Когда кровь засыхает, «Люди Эму» черной или белой краской рисуют на этой земле перья, клюв или кости эму и снова танцуют вокруг рисунков.

У австралийских племен, ведущих свое происхождение от кенгуру, еще сравнительно недавно существовал такой обряд. Мужчины собирались у особого холма, где, как считалось, обитали духи этого животного. Вождь раскрашивал вертикальными линиями скалистый выступ на холме, причем красная краска символизировала мех животного, белая — кости. Затем самые молодые из собравшихся вскрывали себе вены и под пение остальных мужчин, которые в это время «выгоняли духов кенгуру», поливали изображение кровью.

У эвенков и поныне существует «праздник пузырей». Правда, сейчас он стал чисто символическим. Но до недавнего времени люди верили: если в лунки, проделанные во льду тюленями, опускать пузыри, то количество тюле-

ней значительно увеличится и охота будет удачной.

Даже у тех народов, которым разрешалась охота на тотемных животных, бытовало немало обрядов и обычаев, направленных на то, чтобы не обидеть своих съедобных «предков». Например, ханты считали себя «Людьми Щуки». Но щук, как и других рыб, они ловили и съедали безо всякого угрызения совести. Однако, чтобы съеденный «предок» знал, как к нему относятся «потомки», в каждом доме хранилась высушенная голова этой рыбы. Стояла или висела она на почетном месте, и, давая какое-нибудь обещание или произнося клятву, хант целовал морду щуки. Нарушить эту клятву или обещание было уже невозможно — ведь человек поклялся именем «предка».

Ханты хранили голову щуки, а индейцы, населявшие берега Британской Колумбии, чтобы не ссориться с «предками» (а своими «предками» индейцы считали лососей), строго следили, чтобы кости и внутренности съеденных рыб были выброшены в море. Тогда «предки» не только не обидятся, а, напротив, снова позволят себя поймать. Сжигать же кости рыб считалось просто кощунством. Так думали и индейцы племени оттава, так считали и гуроны.

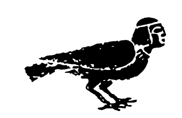
Множество рисунков, статуэток, захоронений медвежьих костей, найденных в разных странах, свидетельствует о том, что почитали этих животных издавна. Но в то же время и на медведей активно охотились. Поэтому существовали особые ритуалы, связанные с этими животными. Например, эвенки после убийства медведя доставляли тушу в селение, а съев мясо, не менее торжественно раскладывали кости и шкуру на особых возвышениях. Манси, съев мясо медведя, ставили череп животного на почетное место в своих жилищах. Возможно, так же поступали и люди очень далекого прошлого. А может быть, они поступали так же, как североамериканские индейцы, «ведущие свой род» от медведей.

Прежде чем отправиться за медведем, индейцы долго постились, а накануне охоты приносили жертвы тем зверям, которых убили раньше. И только после этого отправлялись на охоту. Она была трудна и опасна. Но, убив зверя, индейцы не спешили возвращаться, хотя, возможно, в селении их очень ждали изголодавшиеся соплеменники. Охотники садились на землю рядом с медведем, раскуривали трубки, и самый старший вставлял раскуренную труб-

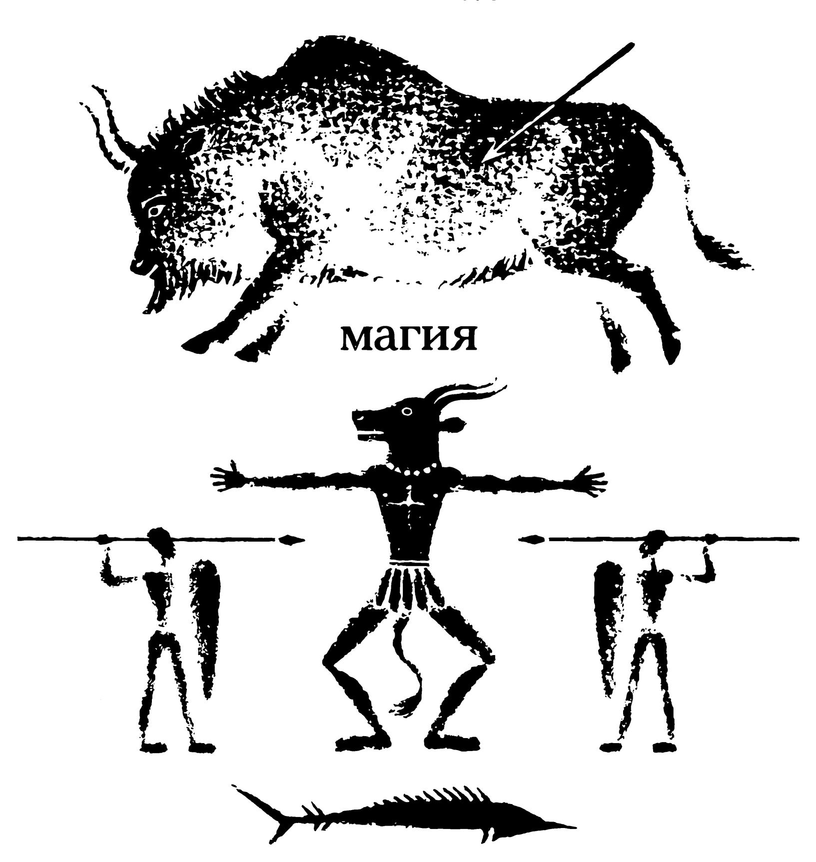
ку в оскаленную пасть убитого зверя. Индейцы терпеливо ждали, пока медведь «выкурит» трубку, потом долго объясняли медведю, почему они его убили, потом еще дольше просили прощения за это, умоляли не сердиться, не обижаться и не портить охоту в будущем.

Возможно, было именно так, возможно, несколько иначе. Но, безусловно, даже к убитому животному люди испытывали почтение. Как, впрочем, и другие народы, вынужденные охотиться на своих тотемных животных. Мало того, иногда охотники уверяли убитое животное, даже если оно не было их тотемом, что убийство произошло случайно. В доказательство они «нападали» на непосредственных виновников случившегося и якобы жестоко расправлялись с ними. Так поступали, например, представители некоторых племен, живших в Конго и охотившихся на слонов.

У другого африканского племени существовал обычай судить человека, убившего льва. Суд был, конечно, фиктивный, но происходил в «присутствии» убитого зверя, чтоб зверь сам мог убедиться: обидчик наказан, а все остальные люди очень сожалеют о случившемся.

Так появилась магия

Ну, вот мы подошли к еще одной стороне отношения древнего человека к животным — обману. Увы, ничего не поделаешь: обманывать, конечно, нехорошо, но другого выхода у древнего человека часто не было. Ведь если бы конголезцы не

обманывали убитого слона — могли бы произойти большие неприятности: дух убитого мог рассердиться и наказать людей. Мало ли у него средств? Натравит, например, разъяренное стадо слонов на селение людей. Или просто скажет слонам, какие нехорошие люди тут живут, и уйдут слоны подальше. И охота будет у людей неудачной, и помрут они с голоду.

Вот и вынуждены были люди идти на разные уловки.

Индейцы, о которых мы уже говорили, считали, что медведь простит их, если у него попросить прощения и дать выкурить трубку. Конголезцам же казалось, что слон не поверит им на слово, и примерно наказывали его обидчика, а австралийцы, охотившиеся на страусов эму, не надеялись даже на силу примерного наказания и вынуждены были прибегать уже к прямому обману.

Убив страуса, охотник что есть силы бежал к своей деревне, бросая по пути пучки перьев из хвоста убитой птицы. Охотник был уверен, что бегущий за ним дух то и дело останавливается, разглядывает перья и решает: весь ли это страус или только часть его? Сообразив, что это обман: перед ним только часть птицы,— он бежит дальше, снова останавливается у пучка перьев, опять думает... А охотник тем временем успевает прибежать в деревню, куда дух почему-то не осмеливается явиться.

Впрочем, обманывать животных люди начали задолго до того, как в их воображении появились духи.

В прошлом веке ученые сделали замечательное открытие: во Франции впервые была обнаружена пещера, на стенах которой имелись творения первобытного человека — его рисунки животных. Рисунки были так мастерски исполнены, что ученые поначалу даже не хотели верить в их подлинность. Считали, что рисунки созданы не за 50—20 тысяч лет до новой эры, а гораздо позже.

Когда же подлинность рисунков была доказана, начались споры о том, что двигало рукой первобытного человека, что заставляло его рисовать, что хотел он сказать ими?

Сначала решили, что картины — что-то вроде появившихся гораздо позднее икон. Ученые исходили из того, что первобытные люди очень почитали животных и, изобразив их на скале или стене пещеры, совершали перед этими изображениями какие-то религиозные обряды.

Однако вопрос об иконах довольно скоро отпал. И вот

почему. На иконах, как правило, изображаются боги, святые и прочие легендарные персонажи, которым человек поклоняется. Но люди-то, жившие во времена создания наскальных рисунков, не поклонялись животным, не боготворили их. Мы уже говорили об этом.

Значит, поклонение, а стало быть, иконы отпадают.

Тогда, может быть, другое? Например, у первобытного человека было кое-какое эстетическое чувство, возможно, ему хотелось, как мы теперь говорим, выразить себя в рисунках. Что ж, мысль вполне допустимая. Тем более что многие картины ярко раскрашены. А чтобы сделать в то время краску, надо было проявить изобретательность и потратить много сил: растереть или растолочь минеральные красители, смешать их с жиром и костным мозгом животных.

Но вот еще одна загадка: изучая наскальную или пещерную живопись — так стали называть рисунки первобытного человека, которые после находки во Франции стали находить в разных странах и даже на разных материках,— ученые обратили внимание, что некоторые животные на рисунках убиты, другие — ранены или рядом с ними были изображены орудия охоты: каменные топоры, дротики, стрелы.

Поначалу специалисты решили, что первобытный художник, изображая поверженных зверей, хотел запечатлеть сцену, свидетелем или участником которой был накануне. То есть охоту. Но потом, благодаря изучению ритуалов и обычаев племен, находящихся на низком уровне развития, ученые пришли к выводу: событие, изображенное художником в момент создания картины, еще не произошло. А рисовал он сцены охоты потому, что был убежден: изображенное сегодня на стене пещеры или на скале событие обязательно произойдет завтра в действительности. Этот вывод подтвердили наблюдения за австралийскими аборигенами. Накануне охоты на кенгуру они рисовали на земле животное, танцевали вокруг изображения и прокалывали его копьями, «ибо в представлении примитивных народов,— писал известный немецкий историк Ю. Липс,— не существует никакой разницы между предметом и его изображением. Для них животное и его изображение — тождественны. Согласно их верованиям, им удается убить животное уже накануне, когда они прока-

лывают его изображение, и охота, которая совершается на другой день, представляет собой уже простую формальность».

А бразильские индейцы племени борро еще совсем недавно перед охотой на ягуаров всю ночь пели песни, в которых рассказывалось, какой хороший зверь ягуар и какую он приносит людям пользу. Рано утром охотники собирались перед нарисованным на земле зверем и начинали плясать. Затем в ягуара летели копья. И только когда кто-нибудь попадал в глаз нарисованного зверя, индейцы отправлялись на охоту. Теперь они были уверены: то, что произошло с нарисованным зверем, повторится с настоящим!

Нечто похожее было и у эвенков. Охотник делал из дерева или глины фигурку лося или оленя, мастерил маленький лук и стрелы и уходил в тайгу. Изображение животного он ставил в нескольких шагах от себя и стрелял в него из лука. Если фигурка падала, значит, охотника ждала удачная охота.

Если фигурка не падала после выстрела, то охотник делал изображение собаки и наказывал ее (она виновата — плохо помогала на охоте). И снова стрелял.

На Камчатке у местных жителей существовал обычай перед охотой мастерить из травы чучело медведя или волка, начинять это чучело жиром, «убивать» и съедать «убитое животное». Там же, на Камчатке, имелся другой обычай — делать чучело кита и привязывать его на спину женщине. С привязанным чучелом она ползала вокруг костра, а охотники нападали на нее. «Убив» кита, они позволяли детишкам разрывать чучело.

Вот еще несколько примеров.

...Два человека с укрепленными на головах длинными острыми рогами и привязанными сзади хвостами выскочили на поляну. Чутко прислушиваясь к чему-то, то и дело оглядываясь, они стали прыгать, подражая движению антилоп. Вдруг на краю поляны слегка зашевелились кусты. И тотчас же люди-«антилопы» бросились в лес. Однако путь им преградили охотники с копьями. «Антилопы» отпрянули, но на поляне появились новые охотники. То подпрыгивая, то отступая, они приближались к «антилопам». И в такт этим движениям покачивалось их примитивное, но грозное оружие. А «антилопы» все быстрее

и все отчаяннее метались в сужающемся кругу охотников. Они действительно были похожи на антилоп — стройные, быстрые, ловкие. Вот одна из «антилоп», наклонив рогатую голову, ринулась на охотников, надеясь вырваться из круга. Но ее встретила щетина копий, и «антилопа» отступила. И снова, танцуя, приближаются охотники. И опять яростно нападают на них «антилопы». Вот кто-то бросил копье (на этот случай у охотников копья с тупыми наконечниками). «Антилопа» увернулась, и второе и третье копье тоже пролетели мимо. А «антилопы» продолжают яростно атаковать своих преследователей. Вдруг один из охотников, метнув копье, поскользнулся. Он замешкался лишь на секунду, но «антилопам» этого было достаточно — они прорвали кольцо и скрылись в лесу. И сразу же. прекратив танец, все охотники повернулись к неудачнику. А тот, закрыв лицо руками, ждал своей участи: он знал, что последует суровое наказание, ведь теперь охота будет явно неудачной, все племя останется без еды...

Таким образом готовились к охоте жители Южной Африки — бушмены. Но это была не тренировка, а главная охота. Люди рассуждали так: если она окончилась удачно, то и охота на настоящих антилоп будет удачной. Если же антилопы уйдут от охотников, то, значит, завтра на промысел отправляться нет смысла.

Так считали не только бушмены, но и американские индейцы племени манданов: они надевали маски, изображавшие головы бизонов, привязывали бизоньи хвосты и исполняли танцы, в которых старались подражать движению этих животных. Потом на «бизонов» нападали охотники. «Убив» тупой стрелой «бизона», они «разделывали его тушу» и начинали преследовать следующего. Это тоже была «предварительная охота», такая же, как у охотников, изображавших животных на стенах пещер. Только более усовершенствованная: первобытному охотнику не важно было, что нарисованный зверь не убегает, не защищается, вообще не двигается. Однако позже на это стали обращать внимание, появились песни, танцы, особые обряды, которые должны были, по мнению людей, подготовить удачную охоту. Люди твердо верили, что именно эти действия помогают добыть зверя, перехитрить его, пересилить, обмануть.

Мы не знаем, как именовали свои охотничьи ритуалы

древние люди. Но впоследствии они стали называться магией, точнее — охотничьей магией[1].

Однако вернемся все-таки к наскальной живописи, потому что она помогла узнать еще многое.

Чем больше находили ученые картин первобытных людей, чем тщательнее их исследовали, тем больше удивлялись и восхищались талантом художников. Но удивляло и другое: на большинстве наскальных рисунков, оказывается, отсутствовало изображение оружия. Так, может быть, это не сцены будущей охоты? Нет, все-таки это были они.

Сравнительно недавно ученые пришли к выводу, что первобытные люди изображали животных не только для того, чтобы предстоящая охота была удачной. Но и для того, чтобы все будущие охоты были такими же. Изображение зверей на скалах, по мнению первобытных охотников, поможет возродиться убитым, и таким образом охотничьи угодья не будут опустошаться.

Охотничьи обряды были очень разнообразны, но суть их сводилась к одному: сделать охоту как можно более удачной, добыть больше пищи.

Промысловая магия была распространена и среди племен, занимавшихся ловлей рыбы. Ведь ловить рыбу — дело тоже нелегкое для первобытных людей. Поэтому, кроме обрядов, показывающих почтительное отношение к рыбам, люди пользовались и другими магическими приемами. Например, североамериканские индейцы гуроны, чтобы заручиться расположением рыб, заставить их идти в сети, прибегали к уговорам. У гуронов были даже специальные люди, которые уговаривали рыб. Хороший «уговорщик» очень ценился соплеменниками и пользовался большим почетом. Французский миссионер Сагар, долгое время жив-

[1] Охотничья, или промысловая, магия была не единственной. В разные времена появились и другие виды магии: лечебная, военная магия (заклинания над оружием и воинственные пляски, обеспечивавшие победу над врагом); вредоносная, она же черная, она же злая магия (колдовство, манипуляции над какими-то предметами, принадлежащими врагу, с помощью чего можно было «нанести порчу» ему, погубить его); любовная магия (различные действия и обряды, имеющие целью приворожить любимого или отворожить нелюбимого); земледельческая магия — она появилась позже других. Цель ее — путем молитв, заклинаний, различных обрядовых процедур получить хороший приплод скота, собрать богатый урожай.

ший среди гуронов, рассказывал об одном знаменитом проповеднике, который каждый вечер в присутствии всех жителей поселения и при полном их молчании обращался к рыбам с пламенными речами, постоянно убеждал их, что гуроны не сжигают рыбьи кости. «На эту тему он распространялся с особой елейностью,— свидетельствовал Сагар.— Он упрашивал, заклинал, приглашал, умолял рыб прийти в сети, быть мужественными, ничего не бояться: ведь они оказывают услуги своим друзьям, которые относятся к ним с уважением и не сжигают рыбьих костей».

Проповеди и заклинания были вообще очень распространены среди народов, занимающихся рыболовством. Так, индейцы из Британской Колумбии не только бросали кости и внутренности рыб в море, но перед ловлей много раз хором сообщали рыбам: «Вы, рыбы, наши вожди!»

В Австралии женщины, сидя в лодках, пели песни и уговаривали, просили рыб идти в сети, которые закидывали в это время мужчины.

Индейцы, живущие на Аляске, тоже называли рыб «вождями» и в честь первого пойманного палтуса устраивали специальный праздник. Праздники в ознаменование начала сезона или в честь первой пойманной рыбы издавна устраивались у многих народов, занимавшихся рыболовством. Кое-где существуют и сейчас. В частности, индейцы из Калифорнии, чтобы обеспечить хороший улов в начале хода рыбы, исполняют «лососевый танец» и «ни один индеец не имеет права ловить лососей до исполнения танца и в течение десяти дней после его исполнения, хотя бы семья его умирала с голода»,— писал известный английский ученый Дж. Фрезер.

Впрочем, некоторые народы считали, что никакие танцы и заклинания не помогут, если плохо обойтись с первой пойманной в начале сезона ловли рыбой. А вот если обойтись с ней хорошо, рыба расскажет остальным, какие прекрасные люди живут на этом берегу, и все рыбы с удовольствием устремятся в сети. Поэтому первую рыбу с соответствующими напутствиями отпускали.

Однако поведение рыб, как полагали люди, зависит не только от уговоров, песен и плясок и даже не только от вежливого и почтительного обращения с первой пойманной рыбой. Нередко случалось, что это на остальных рыб не действовало. Тогда прибегали к другим способам.

Например, делали из дерева или камней фигурки рыб. Ханты перед началом лова мастерили из березы большую рыбину и устанавливали ее на берегу реки, головой в ту сторону, куда рыба шла весной. Все это, по мнению людей, должно было приманивать рыб и обеспечивать удачную охоту на них. Но бывало, что рыба ни за что не хотела идти в сети. Не шла она и когда первую пойманную рыбу с почестями выбрасывали обратно в море, не поддавалась она и на уговоры, не действовали на нее танцы и песни, не соблазняли приманивания. Она не принимала подарков. (А такие обычаи тоже существовали: некоторые индейские племена перед началом рыбной ловли нагружали каноэ ракушками, служившими им чем-то вроде денег, украшали лодку цветами и пускали по воле волн — отдавали в распоряжение рыб как компенсацию за нанесенный в прошлом году урон). И тогда оставалось одно: усыплять бдительность рыб. Вот это уже была не только хитрость — это уже был настоящий обман. Но что делать людям, если рыбы оказывались такими упрямыми?! И индейцы, жившие в Калифорнии, исчерпав все другие средства, шли на прямой «подлог». Для удобства ловли рыб индейцы обычно сооружали специальные помосты. Но никогда не строили их из деревьев, подобранных на берегу реки: ведь рыбы могли увидать людей за этим занятием и понять, что замышляют они. Поэтому деревья для строительства таких помостов индейцы доставляли с вершины самой высокой горы, находившейся в окрестностях. На следующий год деревья надо было снова приносить с горы: прошлогодние-то уже были «рассекречены» и старые рыбы успели рассказать молодым, для чего эти деревья служат людям.

Люди далекого прошлого наделяли животных многими качествами, которых не было у них самих. Так, например, айны, живущие на Дальнем Востоке, считали, что рыбы способны услышать людские разговоры, причем на большом расстоянии. Поэтому, отправляясь на промысел, они строго-настрого запрещали женам, остававшимся дома, разговаривать между собой: рыба услышит и исчезнет.

Исчезнет рыба якобы и тогда, когда увидит, что человек вносит в дом ее сородичей. Поэтому первых пойманных рыб айны (этот обычай существовал и у других народов) проталкивали в отверстие, проделанное в невидимой со стороны реки стене жилища.

Поскольку животные обладали способностью все видеть, все слышать, все понимать, с этим приходилось постоянно считаться. И не только не вносить добычу в дом на глазах у родичей этой добычи, но и вообще стараться не произносить имена животных. Имена одних животных не следовало произносить потому, что они могут услышать и спрятаться от охотника, имена других — потому, что это может приманить их: услышат свое имя, явятся неожиданно и нападут на ничего не подозревающих людей. Поэтому финны, например, не произносили вслух «рысь», а говорили — «лесная кошка». Марийцы называли лося «длинные ноги», а зайца — «серый». Эстонцы именовали зайца «длинноухий». Славянские племена звали лося «сохатый», зайца — «косой», волка — «серый». У других народов волк именовался «пастухом», «дядей», «длинным хвостом» и «одноногим». А медведя так боялись, что на территории теперешней России даже настоящее имя его забыли. Предполагают, что настоящее имя нашего медведя — «орктос». «Медведь» же — всего лишь кличка («ведающий, где мед»), так же как «топтыгин», «косолапый», «хозяин», «мишук». И все это люди придумывали лишь для того, чтобы медведь не понял, о ком идет речь, не пожаловал в гости.

Вера в необычные качества животных (то есть во всевидение, всеслышание, всепонимание) питалась не только воображением древнего охотника или рыболова — она имела и «реальное подспорье». Ну, в самом деле: охотник или рыболов все свое умение, всю энергию, весь свой ум отдавал промыслу. Он был вынослив (охота в трудных условиях часто продолжалась много дней), терпелив (подолгу мог выслеживать добычу или сидеть в засаде), изобретателен (его силки и ловушки были гениальными по тому времени устройствами). И тем не менее зверь часто уходил от человека, разгадывая секреты. Значит, делал вывод охотник, звери все-таки умнее и хитрее людей. Кроме того, зверям, наверное, помогали их «хозяева» — «звериные духи».

«Хозяева» эти имели разный облик — они могли быть и зверями и людьми (впрочем, некоторые народы считали, что животное — это особой породы люди. Знаменитый Дерсу Узала говорил, что тигр похож на человека, только рубашка другая). Иногда «звериные духи» могли по же-

ланию менять свой облик — представать перед людьми в человеческом или животном обличье, как это делали, по убеждению индейцев племени дакота, «хозяева» бизонов. Но уж если «хозяева» выступали в звериной ипостаси, то всегда были и огромными и могучими. Так «хозяин» бобров у североамериканских индейцев был величиной с хижину, «хозяин» всех медведей, по представлениям хантов и айнов, был похож на большую гору.

Но, помимо величины и силы, «хозяин» обладал необыкновенным умом. И самое главное, был наделен неограниченной властью над животными: захочет — будет удача у охотников, не захочет — чего бы они ни предпринимали, удачи им не видать. Поэтому следует «хозяев» задабривать всячески, устраивать в их честь праздники, приносить жертвы и делать подарки.

В то же время необходимо было искать новые способы перехитрить зверя или птицу. Но главной оставалась вера в магическое средство или прием, который мы сейчас называем «подобное — подобным».

Люди по-прежнему считали: если они нарисуют животное или исполнят танец, изображая движениями зверя или птицу, а затем «убьют» это животное, то они обеспечат себе успех в охоте. А если они поставят на берегу изображение рыбы, сделанное из дерева, значит, приманят им подобную же живую рыбу. Они считали также, что можно перехитрить животное, показав ему его изображение, и таким образом заманить, куда требуется. Например, чукчи привязывали к сетям фигурки тюленей и верили, что эти фигурки созовут больших, настоящих тюленей. А эвенки выставляли около домов специальные доски с изображением тех животных, на которых они готовились охотиться или которых собирались ловить.

Убеждение, что подобным можно вызвать подобное, было распространено не только среди охотников или рыболовов. Например, в Африке воины верили: съеденное сердце льва делает человека смелым и сильным. И наоборот, съевший мясо трусливого животного сам становится трусом. Так, по крайней мере, думали воины Мадагаскара и некоторых других стран: ежи там считались трусливыми животными.

В африканских странах бытовало поверье: тот, кто съест мясо летучей мыши, будет отлично видеть в темноте, станет

таким же проворным, сумеет так же бесшумно двигаться. Поэтому охотники этих стран очень любили мясо летучих мышей.

В Азии, там, где водились куланы, существовало твердое убеждение, что мясо этих сильных, выносливых животных делает такими же и людей. Поэтому молодым воинам давали есть мясо куланов.

А древние греки были уверены, что человек, съевший мясо соловья, навсегда лишится сна. Логика опять та же — «подобное — подобным»: поскольку считалось, что соловей никогда не спит, значит, это свойство может передаться человеку. В Древней Греции существовало и другое поверье: если человек с седыми волосами съест яйцо ворона, то волосы его потемнеют, приобретут цвет вороного крыла. Аналогично этому и вера в то, что если желчью орла смазать глаза плохо видящего человека, у него станет орлиное зрение.

Это один из главных принципов магии: «подобное — подобным».

Есть и другой принцип — «от части к целому». Например, среди некоторых племен было распространено мнение: если человек спрячет в волосы кусочки крысиной шкурки или клочки ее шерсти и произнесет соответствующее заклинание, то станет таким же увертливым, как крыса.

С представлением «от части к целому» в значительной степени связаны долго существовавшие пережитки тотемизма. Люди считали, что тотем способен уберечь от различных неприятностей. Но не могли же они постоянно носить с собой зверя, птицу или рыбу! А вот, допустим, ухо зайца носить с собой можно. И хвост волка, и лапу лисицы, и перо какой-нибудь птицы, и кость рыбы. И люди носили эти предметы и верили, что талисманы или амулеты спасут, помогут в трудную минуту.

Вполне вероятно, что охотничья или промысловая магия — например, пляски перед охотой, когда охотники подражали движениям животных,— «предварительная охота», маскарадные костюмы, сделанные из шкур животных, на которых собирались охотиться,— все это рождено верой в сверхспособности животных, представлением о том, что животных надо перехитрить или задобрить. Однако можно предположить и другое: в основе всех этих ритуалов лежит вера в то, что «подобное вызовет подобное».

Может быть и третье объяснение: для того чтобы хорошо «танцевать животных», подражать их движениям, надо было тщательно наблюдать за этими животными. И люди наблюдали, узнавали их повадки. А это помогало не только в танцах, но и в охоте.

«Предварительная охота» была своеобразной отработкой приемов мастерства, как мы сказали бы теперь.

Наконец, маскировка. Многие охотники облачались в звериные шкуры, украшали себя перьями не только во время магических или обрядовых танцев. Например, бушмены, охотясь на антилоп, надевали на голову особые шапки, сшитые из шкур этих животных. Скрываясь в высокой траве — видна была лишь замаскированная голова,— охотник осторожно подползал к пасущемуся стаду, не вызывая подозрения, хотя антилопы — животные очень чуткие. Однако благодаря маскировке и умелым движениям охотнику удавалось приблизиться к животным на расстояние выстрела из лука.

Еще большего мастерства требовала охота на страусов. Тут охотники не ограничивались головным убором — они делали целое чучело страуса, причем довольно правдоподобное. В шею чучела вставляли палку. Привязав его себе на спину, то и дело шевеля палкой и имитируя движения птицы, охотник чуть ли не вплотную приближался к ним: чучело настолько естественно наклоняло голову, щипало траву, оглядывалось вокруг, что пасущиеся страусы не подозревали об обмане.

Североамериканские индейцы, охотившиеся на бизонов, часто надевали на себя волчьи шкуры — видимо, бизоны опасались волков меньше, чем людей. Эвенки во время охоты на оленей надевали оленьи шкуры, а чукчи при охоте на тюленей не только маскировались и имитировали движения, но и использовали особые скребки, производящие звуки, похожие на те, которые издают ползущие по льду животные.

Однако реальные причины, заставлявшие людей наблюдать за животными или подражать им, постоянно забывались. Немаловажную роль в этом сыграло развитие промыслового культа с его сложной системой взглядов на духов-хозяев, изменение обрядности. Внимание человека было резко переключено с реальных животных на мифических духов-хозяев этих животных.

Духи-покровители

и «волшебные» бубны

Да, трудно приходилось древнему человеку. Мало того, что животные, по его представлениям, были умными, хитрыми, обладающими сверхъестественными способностями, они еще имели и надежных защитников — духов-хозяев и духов-покровителей. Конечно, человек делал все, чтоб

перехитрить животных, задобрить их хозяев. Но все-таки этого, очевидно, казалось недостаточно: ведь у животных имелась сверхъестественная защита, а у человека — нет.

Правда, были тотемы. И на определенном этапе развития людям этого хватало. (Или они удовлетворялись верой в покровительство своих предков, поскольку ничего другого не имелось). Во всяком случае, первобытный человек верил, что предки так или иначе заботятся о своих потомках — предупреждают об опасности, оберегают от каких-то неведомых сил, не позволяют умереть с голоду. Верили в то, что не только живой, но и убитый тотем, если с ним обойтись соответствующим образом, не изменит своего благосклонного отношения к людям. Люди верили, как уже говорилось, что части тотемных животных помогут уберечься от неприятностей.

Но так было до тех пор, пока люди жили большими семьями, пока первобытнообщинный строй оставался крепок и незыблем.

Однако пришло время, и первобытнообщинные отношения начали ослабевать, распадаться, постепенно из больших групп стали выделяться малые семьи, а значит, индивидуализировался и труд людей, и их мировоззрение.

Распад первобытного коллективизма, кровородственных отношений был, конечно, значительным шагом вперед в развитии человечества. Но с другой стороны, люди стали чувствовать себя более беспомощными перед силами природы. «Общий предок» — тотем уже не удовлетворял, а люди по-прежнему нуждались в какой-то, как замечает З. П. Соколова, «особой, сверхъестественной защите».

Такую защиту люди видели в духах-покровителях или духах-хозяевах. И были эти духи в представлении людей по большей части опять-таки животными (или имели облик животных). Правда, у некоторых народов Западной Африки духами-покровителями могли быть и объекты неживой природы, но это скорее исключение, нежели правило.

Человечество еще не ушло от тотемизма, точнее — не отошло от него на сколько-нибудь значительное расстояние, а в ряде случаев он продолжал существовать наряду с новой формой отношения людей к животным. Эта форма в общем-то очень схожа с тотемизмом. Но если тотем — «общий предок» группы людей, то дух-покровитель — личный покровитель одного человека... «Общего предка» люди

получали как бы в наследство, личного же надо было приобрести. Как это делалось, ученые узнали, познакомившись подробно с бытом и обрядами коренных жителей Америки: именно там вера в личных духов-покровителей сохранялась довольно долго, хотя свойственна была едва ли не всем народам мира.

Самое главное: чтоб получить личного духа-покровителя, надо было его увидеть. Точнее, надо было, чтоб он предстал перед человеком, показался ему. Добивались этого люди по-разному. Индейцы Северной Америки, например, считали, что надо разжалобить духа. Поэтому, когда подходило время приобретения покровителя, то есть когда мальчику исполнялось 14—15 лет, его подвергали тяжелым физическим испытаниям. В лучшем случае мальчика отправляли в прерии, где он проводил все время в одиночестве, мерз и ничего не ел до тех пор, пока во сне или в полубредовом от голода состоянии не видел какое-нибудь животное.

Нередко юношу жестоко избивали, и истязания продолжались до тех пор, пока в его замутненном от боли сознании не возникал образ какого-нибудь зверя или птицы.

Южноамериканские индейцы верили, что для получения личного духа-покровителя надо поститься, а кроме того, принести в лесу жертву — петуха или собаку.

Правда, и у индейцев, и у других народов были и иные способы вызвать духа-покровителя, заставить его появиться перед людьми. Например, обрядовые танцы. Танцоры заворачивались в шкуры зверей или украшали себя перьями птиц, надевали маски, прикрепляли рога или прицепляли хвост и по многу часов исполняли пляски своих любимых животных, надеясь этим приманить кого-нибудь из них.

В некоторых случаях, если дух-покровитель упорно не желал являться к своему будущему подопечному, его можно было перекупить у кого-нибудь.

Получив личного духа-покровителя, юноша приобретал все «права гражданства», то есть становился полноправным членом племени. До этого он считался еще ребенком, несовершеннолетним и не мог пока делать многое из того, что разрешено мужчинам: участвовать в ритуальных обрядах, трудной и опасной охоте и так далее. Но глав-

ное — приобретение духа-покровителя делало человека в его собственных глазах сильным и неуязвимым. Ведь дух-покровитель и оберегал теперь его, и помогал.

Человек же, в свою очередь, должен был оберегать своего духа, при случае — защищать, а у многих народов не разрешалось подопечному есть мясо своего духа-покровителя.

Однако все это, как мы знаем, распространялось и на «общего предка» — тотемическое животное. Но если тотем люди уважали и почитали, то личному духу-предку поклонялись. Тут уже появился культ животного. Тотем был лишь далеким предком, а дух-покровитель являлся частью самого человека, его двойником. И существовало твердое убеждение: со смертью животного-покровителя умрет и его подопечный — человек. Не случайно же слово «нагуа», взятое учеными на вооружение, на языке южноамериканских индейцев означает «животное — двойник человека».

Но как ни тесно были связаны люди со своими духами-покровителями, непосредственно общаться с ними не могли. Конечно, человек мог встретить зверя или птицу, которых считал покровителем. Но кто знает, тот ли это, допустим, волк, та ли самая это сова? Ведь волков или сов много, а покровительствует данному человеку какой-то один зверь или птица. Так что такие встречи нельзя было считать встречами с духами-покровителями.

И тем не менее люди, якобы общавшиеся с духами, были. Конечно, люди не простые. Назывались эти люди шаманами, которые, по определению С. А. Токарева, будто бы «обладают сверхъестественной способностью вступать в прямое общение с духами, приводя себя в состояние исступления».

Шаманизм, то есть вера в шаманов, был широко распространен во всем мире. Люди, общавшиеся с духами, у разных народов назывались по-разному. Например, племена, жившие на острове Суматра, называли их дикунами, американские эскимосы — ангенами, у бурятов они звались бо, у якутов — ойуун и так далее. Но в русский язык, а затем и во все другие вошло тунгусское название — шаман, что в переводе означает «возбужденный, исступленный человек». Оно стало международным научным термином.

Другое название шаманов, пришедшее из языков народов Южной Сибири,— «кам» образовало глагол «камлать», то

есть исполнять шаманский обрядовый танец. Этот термин тоже стал общепринятым.

Шаманизм, по словам русского этнографа Н. Н. Харузина, является «первобытным проявлением стремления человека войти в общение со сверхъестественными силами». И характерно (а для нашей темы — главное), что силы эти были животными, или имели облик животных, или, может быть, это точнее, были животными-духами. И от силы и могущества этих животных зависела сила самих шаманов (у большинства североамериканских индейцев, например, духами шаманов были медведи). От духа-покровителя зависела и специализация шаманов.

Дело в том, что шаманы часто имели как бы узкую специальность. Большинство специализировалось на врачевании (у индейцев оджубуев даже был «великий шаманский союз» врачевателей). Но кроме этого, считалось, что многие шаманы могли предсказывать судьбу и гадать, влиять на погоду, а у народов, чья судьба зависела исключительно от охоты, в руках шаманов был и промысловый культ, или промысловая магия.

Люди верили, что шаманы лично или с помощью своих духов-покровителей договаривались с духами-хозяевами животных и от них зависела охота, удача или неудача, а фактически — жизнь племени или рода. Среди эскимосов Западного полушария была распространена такая легенда.

Когда-то злой отец за какую-то небольшую провинность выбросил свою дочь из лодки. Девушка пыталась ухватиться за борт, но отец отрубил ей пальцы. Из отрубленных пальцев появились в море тюлени, киты и другие морские животные. Сама же девушка превратилась в моржиху и стала морским божеством. Эскимосам, живущим на Ба́ффиновой земле, известно даже ее имя — Седна. К ней-то и отправляются шаманы канадских эскимосов и просят послать людям удачу. Если Седна в хорошем настроении и ей была заранее принесена жертва, то она поможет, если в дурном — плохо дело...

По убеждению эскимосов, шаманы во время камлания отправляются к божеству лично. В других случаях шаманы отправляют своих духов-помощников.

Духи-помощники — это тоже привилегия шаманов. Мало того, что у них есть личный и очень могучий дух-покровитель, мало того, что он может общаться с ним или с

другими сверхъестественными силами, у него еще большой штат духов, которых он использует по своему усмотрению.

Животные-помощники были самые разные. Это и выдра у шаманов североамериканских индейцев, и олени, зайцы, волки, филины, сивучи у нивхов, и орлы, вороны, беркуты у узбеков, олени и маралы у алтайцев, и белый верблюжонок у казахов, моржи, медведи, волки, вороны у чукчей, и гуси у долган. Практически любое животное, вплоть до насекомых, например кузнечик у некоторых африканских племен, могло быть помощником шамана.

Общение шаманов с духами происходило по-разному: дух-покровитель мог вселиться на какое-то время в тело шамана или наоборот — душа самого шамана на время переселялась в тело животного-покровителя или помощника. Могло быть и так: духи просто являлись и какое-то время пребывали рядом с шаманом, а потом отправлялись выполнять его поручения. Но только происходило это во время камлания.

Однако, прежде чем совершить свой первый ритуальный танец и пообщаться с духами-покровителями и духами-помощниками, шаман проходил специальную подготовку.

Прежде всего ему надо было заиметь духа-покровителя. Правда, в большинстве случаев молодые шаманы получали его по наследству от отцов и дедов. У них же они проходили школу, помогая при камланиях и выполняя другие обязанности, связанные с шаманством.

Но в других случаях духов надо было действительно приобрести. Дело это не простое. Эскимосы, например, считали, что свободных духов нет — все они принадлежат кому-нибудь. Освобождаются только после смерти владельца, и надо ждать этого момента.

Правда, как сообщает один американский исследователь, есть и другой способ приобрести духов — купить их. В начале века была даже твердая цена на них: 150—200 долларов за штуку.

У некоторых народов будущий шаман должен был ждать своего часа — момента, когда дух придет к нему. Иногда в ожидании духа человек долго постился, жил отшельником, регулярно произносил заклинания, выполнял положенные ритуальные обряды.

Но в любом случае: получил ли шаман духа в наследство, купил ли его или увидел во сне — он еще не сразу

начинает шаманить. Проходит некоторое время (иногда даже два-три года), пока шаман окончательно подготовится к общению с духами. За это время он приобретает шаманские атрибуты — посох или палку, колотушку, соответствующий костюм и головной убор, а главное — бубен. У разных народов шаманы имели разные бубны — с узкими и широкими ободами, легкие и тяжелые, круглые и овальные, расписанные магическими знаками-символами духов-животных или безо всяких украшений, но всегда это был самый главный шаманский атрибут. С помощью бубна шаман разговаривал с духами, на нем скакал, куда требуется, бубен же служил ему и музыкальным инструментом, под звуки которого он совершал камлание.

За время подготовки к шаманской деятельности новоявленный шаман изучал голоса и повадки зверей и птиц, их движения. Поскольку среди шаманов было много людей талантливых, то, как свидетельствуют очевидцы, «разговаривая» со своими покровителями или помощниками, они очень точно подражали их движениям и голосам.

Обучались шаманы и различным фокусам, чревовещанию. Среди шаманов, как бы они ни назывались и где бы они ни жили, писал профессор С. А. Токарев, «было немало людей, пользовавшихся шарлатанскими приемами».

Но большинство шаманов искренне верили в свои сверхъестественные способности. И вели себя часто так, как вряд ли мог бы вести себя обычный человек, даже талантливый артист.

Причина этого в том, что «чаще всего становятся шаманами нервные, легко возбудимые люди,— свидетельствовал известный исследователь народов Севера Тан-Богораз,— многие были почти истеричны, а некоторые буквально полусумасшедшие».

Именно поэтому шаманская профессия в большинстве случаев была наследственной. «Это явление, несомненно, связано с предрасположенностью к нервным заболеваниям» (С. А. Токарев).

Возможно, шаман начинал камлание, когда чувствовал приближение приступа истерии, возможно, он постепенно возбуждал себя движениями, ударами по бубну, криками. Но так или иначе, его поведение было необычным в это время и внушало зрителям почтение и суеверный страх.

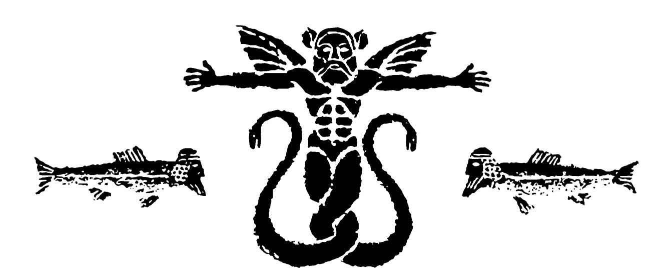
...Горит костер. И его пламя выхватывает из темноты

напряженные лица сгрудившихся людей. По другую сторону костра — шаман. Он сидит неподвижно. Никто не знает, о чем он думает, никто не знает, сколько он будет так сидеть. Но люди молча ждут. Они будут ждать: шаман сидит неподвижно — значит, так надо. Костер почти догорел. И тут шаман медленно поднял голову... Взял бубен. Удар, другой, третий... Шаман встал. Странная и страшная тень упала на землю за его спиной. Шаман взмахнул руками, и тень превратилась в огромную черную птицу. Шаман задвигался — птица полетела. Загремел бубен. Все громче и громче гремит он. И все быстрее и быстрее двигается шаман. Развевается одежда, звенят и гремят нашитые на ней подвески. Бубен то умолкает, то снова начинает звучать — глухо и устрашающе. И вдруг птица исчезла — завыл волк... Шаман заговорил с духом. Послышался другой голос — кто-то обратился на непонятном языке. И снова вой волка. Закричал ворон — еще один дух услышал шамана и ответил ему. Ухнул филин — четвертый дух... А шаман, оседлав бубен, уже мчится на нем, как на коне. И вдруг полетел, почти не касаясь земли,— он, точнее, его дух переселился в лебедя, и по точным движениям шамана зрители поняли это. Опять закричал на непонятном языке и вдруг прыгнул. Раз, другой, третий... да так высоко, как не прыгнет ни один человек. Гремит бубен, кричит, скачет, почти летит над землей шаман, раскинув руки, падает, встает, снова кружится в безумном танце, издавая нечленораздельные звуки... И вдруг, подпрыгнув в последний раз, замертво падает на землю. Глаза его закрыты, в уголках губ белая пена... Камлание окончено, разговор с животными — духами-помощниками и духом-покровителем — состоялся. Люди получат то, что хотят... А шаман, возможно, еще долго будет отлеживаться после этого камлания. Так или приблизительно так было и очень давно и сравнительно недавно в Америке, и в Африке, и в Азии, и в Австралии.

Но шаманизм — лишь одна из форм религии, тесно связанная с животными. Было еще немало форм, в том числе и такая важная, как анимизм. (О ней мы поговорим несколько позже.) Все это в конечном счете привело человечество к богам. Однако и боги претерпели множество изменений, тоже прошли свой «путь развития». И на этом пути они были тесно связаны с животными.

Боги, идолы и змеи-горынычи

РЕЛИГИЯ УТВЕРЖДАЕТ: бог создал человека. Христианская и некоторые другие религии говорят еще более определенно: бог создал человека по своему облику и подобию. Мы сейчас знаем: бога создал человек. Точнее — богов. И создал их человек вовсе не по своему облику и подобию: многие боги поначалу были животными или имели облик животных. О каком едином боге-творце может идти речь, если богов были сотни, тысячи, а может быть,

десятки тысяч! Только в Древнем Египте, как подсчитали современные ученые, было более 5 тысяч богов, только в священной книге ариев, живших на территории современной Индии, упоминалось более 3 тысяч богов, у древних мексиканцев — тысячи, в Риме — 30 тысяч! А ведь свои боги существовали и у других народов — это ведь тоже сотни и тысячи богов. И подавляющее число этих богов имели облик рыб, змей, крокодилов, птиц, зверей...

Боги-животные были могущественными существами. У хантов, например, верховный бог имел облик щуки. Он жил в Обской губе, но распоряжался всем миром и, главное, речными и морскими рыбными запасами.

Очень могучая богиня Атаргат (Атаргатис) была рыбой с человечьей головой. Атаргат считалась настолько крупной фигурой в пантеоне сирийских богов, что вблизи Дамаска, который богиня, как гласит предание, и обосновала, ей было посвящено большое озеро. А на его берегу стоял роскошный храм рыбы-богини.

Еще более могущественным был вавилонский бог Эа — повелитель вод и заговоров (считался непревзойденным целителем). Он тоже имел облик рыбы с отдельными признаками человека. Из Вавилона, правда под другим именем, он перекочевал в религию некоторых переднеазиатских стран и там тоже занимал очень почетные места.

Мы уже говорили, что у народов Кавказа и Закавказья существовала легенда о «Матери-рыбе». Эти народы верили и в то, что после смерти человека душа его переселяется в рыбу и живет в воде.

Акул — рыб, внушающих многим ужас,— люди, конечно, не могли оставить без внимания. И не удивительно, что существовал культ этих рыб. Удивительно другое: опасные рыбы (во всяком случае, некоторые виды акул очень опасны) тем не менее были в представлении людей не злыми богами, а наоборот — олицетворяли добрые силы, как, например, у мальгашей, жителей острова Мадагаскар (акулы у них и тотемические животные, и божества). Но самыми большими почестями акулы пользуются у жителей Гавайских островов. По их представлениям акулы — самые могущественные боги. А король этих богов, или главный бог Кама-Хоа-Лии, может, если захочет, принять человеческий облик и жить среди людей. Но вообще-то он живет в огромном гроте где-то в районе Гонолулу и оттуда

наблюдает за всем, что творится в мире. И если надо, принимает соответствующие меры; если очень попросить Кама-Хоа-Лии, он может отомстить врагу, обидчику, защитить невинно страдающего; если зажечь большой факел и вылить в море сок растения алоэ, король акул спасет терпящих бедствие. Он повелевает остальными акулами, посылает их с различными поручениями, но всегда лишь для того, чтобы помочь людям.

Добрым божеством была акула Саме и у японцев. Она тоже помогала людям, но, правда, только тем, кто к ней относился с почтением.

А у других народов священными животными и добрыми богами часто считались змеи и крокодилы. Первые европейцы, проникшие в Центральную Африку, были поражены царившим там культом змей. Не было, пожалуй, ни одного путешественника, который не отметил бы этот удивительный, с точки зрения европейца, факт. Вот, например, что писал один из путешественников, посетивший в XVII веке центр змеиного культа — Дагомею: «...Змеи эти заползают в дома, позволяют себя брать в руки и нападают только на ядовитых змей, длинных, черных и тонких...» Речь тут идет, очевидно, о питонах, которые особенно почитались многими народами Африки. Почитание или преклонение было настолько велико, что человека, убившего питона (случайно или нарочно), запирали в доме, а дом поджигали. Смерти человек мог избежать только в том случае, если он самостоятельно, без посторонней помощи, выберется из горящего жилища — в этом случае считалось, что божество простило его.

Еще совсем недавно змеи в некоторых африканских странах имели (а кое-где имеют и сейчас) роскошные храмы, большой штат прислужников, причем прислуживать змеям считали счастьем даже очень знатные особы. В Дагомее главный, или, как он назывался, Великий, жрец священных змей был так же могуществен, как король страны.

В той же Дагомее существовал обычай «представления детей священным змеям»: новорожденного ребенка клали перед змеей, твердо веря, что змея ничего не сделает младенцу. И ведь такие «представления» делались не только питонам, но и ядовитым змеям.

Культ змей процветал и процветает в Азии и в Америке.

Например, в Шри-Ланке существует множество легенд о боге-змее Нейте. В Бирме изображение священных змей-богов встречается на стенах старинных замков, в их честь воздвигнуты роскошные храмы, причем некоторые сооружены сравнительно недавно.

Безусловно, культ змей вырос из тотемизма, безусловно, его породил и страх перед этими непонятными существами. И может быть, именно поэтому культ змей был так распространен в мире. Мы сейчас знаем, что один из главных богов у ацтеков — могучий и мудрый Кецалько́альт был змеей, точнее — пернатой змеей. Он имел множество храмов, в том числе и в Чолуле — древнейшем центре мексиканской культуры. Индейцы майя считали главным божеством тоже змею по имени Кукулькан.

Культ змей был распространен и в Китае, и на островах Тихого океана, а также и в Европе. Так, в Швейцарии, прибалтийских странах, в Австрии почитались ужи, которые часто жили в домах. Люди верили, что ужи не только не приносят вреда хозяевам дома, но, напротив, покровительствуют им, а на врагов дома могут напасть (в те времена ужей считали ядовитыми).

Однако змеи в мировой религии были далеко не всегда положительными персонажами или добрыми богами. Мы уже говорили, что у некоторых народов в легендах и мифах о сотворении мира змеи играли отрицательные роли. Известны и всякие змеи-горынычи, творящие черные дела. Часто в сказках эти существа рисовались совершенно фантастическими, мало походили на змей, но само название уже говорило о многом. Любопытное предположение о «происхождении» многоголовых горынычей высказал один советский ученый. Некоторые виды змей в определенное время собираются по нескольку штук, а иногда и по нескольку десятков и свертываются в плотный клубок, выставив в разные стороны головы. Увидев такое чудовище, мало кто отважится подойти близко, да еще рассмотреть этот клубок внимательно. Достаточно было увидеть его издали, а остальное дорисовывали страх и фантазия. Даже огонь, который извергало это чудовище, можно было при желании увидеть — тоненькие, яркие, вибрирующие язычки змей. И возможно, такие клубки породили легенды о многоголовых змеях, о чудовищном Тифоне, с которым Зевс вел долгую и упорную борьбу, породили

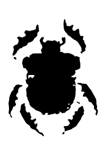
сказки о змеях-горынычах, с которыми сражаются доблестные богатыри, отрубая одну голову за другой.

Были мифические змеи и другого рода. Оказывается, существовали змеи, которые жили у знахарей и знахарок. Но только у тех, кто этого хотел. Желающие могли их либо вывести из петушиного яйца, либо купить. Да, эти змеи продавались, потому что никто не имел права держать их более трех лет. Считалось, что эти змеи приносят богатство. И в то же время народ как-то не очень верил, что богатство можно нажить таким легким путем. К тому же в деревнях или маленьких городах, где вся жизнь на глазах, никто не замечал, чтобы кто-то вот так молниеносно, ни с того ни с сего разбогател. Поэтому в легенде есть любопытная оговорка: богатство-то они могут принести, но небольшое, иногда даже не очень заметное.

Ну, раз уж мы говорим о легендарных змеях, как же не упомянуть о василиске?

«Под именем василиска,— писал Альфред Брем,— древние греки и римляне представляли себе змееподобное чудовище самого страшного вида и одаренного сверхъестественной силой. Он и рождается сверхъестественным путем, высиженный гадами, не способными к насиживанию, и был вреден для всего живущего, не исключая и человека. В его рождении участвовали петух, змея и жаба: петух клал уродливые яйца, а змея и жаба ими завладевали и высиживали. У василиска было крылатое туловище, на голове находилась корона, у него было четыре петушиных ноги, змеиный хвост, сверкающие глаза... Исходящий от этого животного яд, говорят, наполнял воздух и убивал все живущее: плоды сваливались с деревьев и сгнивали, трава засыхала, птицы падали мертвыми и даже лошадь со всадником погибали. И только петух мог справиться с ним — как только василиск слышал петушиное пение, он вынужден был скрываться».

Иногда в легендах василиск имел иной облик, но всегда был змееподобным. И ведь эти легенды держались сотни лет, а в средние века стоили жизни многим людям: хозяин петуха, снесшего яйца, подвергался гонениям церкви, его обвиняли в колдовстве или в общении с нечистой силой. Обвинить можно было голословно кого угодно — доказательств не требовалось: это чудовище могло и не показываться никому на глаза.

«Священный скарабей», «хранитель горизонта», «божественный Апис» и еще многие другие

Животные-боги или божества имелись у многих (если не у всех) народов мира. Тотемические животные, как правило, постепенно превращались в богов. Поначалу это были так называемые локальные боги, то есть боги определенных родов или племен. Однако проходили тысячелетия, жизнь на планете менялась, бесклассовое общество превращалось в общество классовое, территории, принадлежавшие отдельным племенам и народам, объединялись — обра-

зовывались государства. С появлением новых общественных формаций возникали и новые формы религии (а вместе с ними образовалась и особая категория служителей культа — жрецов), зарождались новые обряды, воздвигались новые храмы в честь богов. А богами по-прежнему были животные. Какое-то время они еще оставались местными, локальными. Но постепенно наиболее сильное племя, сильный род или народ подчинял себе соседние племена или народы, становился главенствующим. А вместе с этим и их божество (бывший тотем) становилось главным общегосударственным богом.

С развитием сельского хозяйства, скотоводства, с появлением домашних животных возникали и новые божества.

Любопытно в этом отношении «рождение» нового божества у южноамериканских индейцев. Во время одного из походов любимый конь испанского завоевателя Кортеса серьезно повредил себе ногу. Кортес оставил его в городе Тайясале на попечение правителя города, взяв с него клятвенное обещание, что о коне будут заботиться и оберегать его. Индейцы сдержали слово: коню отвели самое лучшее в городе помещение — роскошный храм и стали его усиленно кормить и ублажать. Индейцы лошадей не знали, не умели с ними обращаться, но считали их «знатными особами», поэтому засыпали храм, куда поместили коня Кортеса, благоухающими цветами, а самого коня кормили отборным мясом. В результате такой «заботы» конь умер с голоду.

Испуганный правитель города приказал изготовить из камня копию животного и вымаливать у него прощение. Конь был изготовлен и получил имя Цимин Чак, что означало «громовой тапир». (Тапиров индейцы хорошо знали, но никогда не слышали конского ржания, поэтому решили, что вызывает гром ржание этого необычного животного.)

С тех пор прошло более четырех веков, уже забыта история «рождения» этого божества, но многие индейские племена продолжают поклоняться лошади, точнее, Цимин Чаку, которого считают вторым по значению богом (первый — бог дождя).

Но конечно, не в Америке появился впервые культ коня — он возник в Европе, и гораздо раньше. На территории теперешней Украины, недалеко от того места, где

сейчас находится город Кременчуг, когда-то жили люди, ставшие первыми в мире коноводами. При раскопках в одном из поселений было найдено самое древнее ритуальное захоронение коня. Считают, что именно там в конце IV — начале III тысячелетия до новой эры возник культ лошади.

Культ лошади стал быстро распространяться, и всюду, где появлялась лошадь, «рождалось» новое божество.

Божествами становились не только лошади, но и другие домашние животные.

«Рождение» и «смерть», возвышение и падение богов-животных хорошо можно проследить на примере Древнего Египта, где за несколько тысячелетий до новой эры уже было очень распространено поклонение животным-богам (в науке эта форма религии получила название «зоолатрия»).

Сначала в Египте были боги, которым поклонялись жители отдельных городов или территориальных единиц Древнего Египта — номов: баран, кошка, крокодил, мангуста и так далее. В разные времена номов было от 36 до 50, поэтому и богов было много (помимо главных, имелись еще и второстепенные).

Это очень осложняло жизнь египтян. Мало того, что надо поклоняться своему богу,— необходимо и защищать его, мстить за него: ведь часто жители других городов или номов не уважали богов соседей. Со временем египтяне стали терпимее относиться к локальным богам, а многие из богов стали общегосударственными. Это были звери и птицы, земноводные и пресмыкающиеся, домашние животные и даже насекомые.

Среди шестиногих особенно почитался навозный жук скарабей. Или священный скарабей. Под этим именем он даже вошел в науку.

Сейчас вряд ли можно сколько-нибудь точно сказать, когда появился культ жука, кто заметил «необыкновенные» качества этого насекомого. Но заметили. Заметили, что в определенное время года жуки лепят шарики и упорно катят их, отыскивая какое-нибудь укромное место. Трудно приходится жуку — ведь шарик гораздо больше его самого. Иногда даже в несколько раз.

Уже одно это заставило египтян уважать скарабея: подумать только, какая сила, какое трудолюбие, какое упорство! Но имелись и другие причины, приведшие жука в

стан «священных»: жрецы заметили, что из этих шариков (а сделаны они были из малопривлекательного материала) появляются детеныши жука! Кроме того, жрецы насчитали у скарабея на каждой ноге по тридцать отростков — «пальцев»,— по числу дней месяца. Тоже ведь не случайно. Такое может быть лишь у священного животного. А шарики? Ведь они похожи на солнце — круглые, катятся — и олицетворяют самого великого бога Ра! Однако главным признаком святости было появление молодых жуков из шариков. Жрецы считали, что жуки собирают отбросы, нечистоты, чтобы создать будущего жука из праха земного!

Мы, конечно, не знаем и, наверное, никогда не узнаем, действительно ли верили жрецы в священность скарабея. Ведь достаточно было взять шарик, скатанный жуком, и разломить его, чтобы увидеть в нем яички жука. Из яичка появляется личинка, она питается материалом, из которого сделан шарик, растет, превращается затем в жука и появляется на свет уже «в готовом виде». Может быть, кто-то и изучил такой шарик. Но не обнародовал свое открытие — это было не в интересах жрецов. Однако у нас есть сведения, что люди уже тогда знали истину, знали суть «священности» скарабеев.

В прошлом веке немецкий ученый Г. Эберс нашел и расшифровал научный трактат, относящийся к XVI веку до новой эры. (В науке этот трактат называется «Папирус Эберса».) В трактате, наряду со многими интересными научными сведениями, имелся рассказ и о развитии жука скарабея. Но, видимо, «безбожные» открытия и наблюдения автора трактата не получили распространения. Во всяком случае, скарабей не был разоблачен и долгое время занимал одно из почетных мест среди священных животных Египта. Его изображали на памятниках и стенах храмов, его клали в усыпальницы вместе с мумиями умерших знатных людей, его самого мумифицировали. Чтобы иметь постоянно при себе священное животное, жуков стали делать из золота и драгоценных камней, на них вырезались имена фараонов и слова молитв.

Были в Египте, конечно, и священные змеи. Вместе с положительными («добрыми») богами в образе змей имелись и отрицательные. Так, например, бог-творец Амон — змея, вылезшая из первичного хаоса — это, конечно, персонаж положительный. А главный враг бога солнца Ра — огромный

змей по имени Апоп, каждую ночь выпивающий подземные истоки Нила — явно отрицательный («злой») персонаж египетской мифологии. Богиня плодородия Рененутет — змея положительная. А демон темноты Небежд, имевший облик змеи,— персонаж отрицательный.

Безусловно, одних змей-богов в Египте боялись, других уважали и почитали. Но почитание змей было пустяком по сравнению с тем, как почитали крокодилов.

Древнегреческий историк Геродот, побывавший в Египте в V веке до новой эры и древнегреческий географ и историк Страбон, посетивший Египет уже в I веке новой эры, писали о специальных бассейнах, в которых лежали огромные, украшенные серьгами и браслетами крокодилы. Кормили их «священной пищей», как писал Геродот, а Страбон даже называл то, что в его присутствии ели крокодилы: жареное мясо и лепешки; а пили они вино, смешанное с медом.

Высокочтимы были не только те крокодилы, которые содержались в бассейнах при храмах. Дикие крокодилы, жившие в реках, тоже считались неприкосновенными, ибо все они воплощали в себе бога Себека — повелителя рек. А от него во многом зависело благополучие людей: захочет бог — разольется Нил, и после спада воды останется на берегах плодородный слой ила; не захочет — разлива не будет, и плохо придется земледельцам.

Умерших или случайно убитых крокодилов бальзамировали и торжественно хоронили в специальных пещерах. Альфред Брем в записках о путешествии по Нилу рассказывал, что он посещал пещеры, где были тысячи мумифицированных крокодилов, пролежавших там многие века.

Однако священными крокодилы считались не всюду. Были в Египте области, где к крокодилам относились безо всякого уважения, даже считали их вредными и очень опасными. Не почитали крокодилов там, где священной была мангуста. Она прославилась своим умением сражаться с ядовитыми змеями. И хотя слава ее тут преувеличена, жители мест, где было много кобр, считали мангусту священной (там, в отличие от других областей, кобры не почитались). Но вот в Египте начали сооружать плотины, проводить каналы, и воды Нила пришли в бесплодные долины. Вместе с водой появились и крокодилы. Жители

этих долин, ставших с приходом воды цветущими краями, немедленно объявили крокодилов священными. (Ведь для них крокодилы стали символом воды, а значит, и символом плодородия.) Мангусты же, которые, по преданию, уничтожают яйца крокодилов, были объявлены вредными. Однако «смена богов» произошла не всюду — в других областях продолжали почитать мангуст и ненавидеть крокодилов. Религиозный фанатизм часто доходил до такого накала, что приводил к жестоким кровавым стычкам между сторонниками мангуст и крокодилов.

Самым могущественным божеством Египта был сокол. Когда-то ученые считали, что одна из причин, по которой египтяне выбрали на эту роль сокола, та, что он, мол, может смотреть на солнце не мигая. По представлениям древних, только боги могли смотреть на себе подобных не мигая. А поскольку солнце — бог, значит, и сокол — бог.

Сейчас ученые иначе объясняют «божественность» сокола.

Когда-то эта птица была тотемом людей, живших на территории одного из номов. Почитание сокола-предка постепенно переросло в его обожествление. Ном подчинял своему влиянию другие номы и давал им своего бога — сокола. Постепенно культ этой птицы распространился почти по всему Нижнему Египту. Однако в Верхнем Египте сокола богом не признавали — там был свой, в облике змеи.

В Верхнем и Нижнем Египте было тогда два разных государства. Фараоны, правившие этими государствами, враждовали, каждому хотелось быть властелином всей страны. Борьба за господство над всем Египтом отразилась в многочисленных легендах, мифах, рассказывающих о вражде между двумя божествами — птицей соколом, которого звали Гор (или Хор), и змеей по имени Сет. В конце концов оба царства объединились, и Гор стал главным божеством, великим богом солнца, повелителем всего Египта. Его изображали на саркофагах и на гербах, в честь него воздвигались великолепные храмы и приносились жертвы. В некоторых городах при храмах держали живых птиц, которым прислуживали жрецы. На воле же этих птиц тщательно охраняли — убийство сокола каралось смертью.

Сокол был одним из главных, но, конечно, не един-

ственным пернатым божеством Египта. Другим высокочтимым божеством была птица ибис. (Даже научное название этого вида — священный ибис.)

Ибис в Египте символизировал Тота — бога луны и письменности, покровителя всех наук и искусств (правда, иногда Тот принимал облик павиана).

Священный ибис — птица перелетная и в Египте появляется во время разлива Нила, а улетает, когда вода спадает. Река оставляет на берегах плодородный ил, и люди связали появление ибисов с благотворным влиянием наводнений: считали, что именно ибис заставляет Нил выходить из берегов.

Люди вообще часто путали причины и следствия или связывали совершенно различные, но совпадающие по времени явления. Именно так появились многие приметы, поверья, о которых мы еще поговорим. В данном же случае чисто временное совпадение двух явлений привело к убеждению в полезной деятельности птицы.

Естественно, за убийство птицы очень строго наказывали. В честь нее возводили храмы, а после смерти ибиса (если труп птицы попадал в руки людям) ее мумифицировали.

Как считают некоторые современные ученые, в Египте обожествлялись лишь те животные, которые приносили людям пользу (кое-кто из ученых полагает даже, что в самой основе культа лежит стремление охранять и спасать полезных животных). Но если в каких-то случаях так, очевидно, и было, то безусловно и другое: животным приписывались действия, совершенно им не свойственные. Ибис — характерный тому пример. До недавнего времени считали: изначально культ ибиса возник в связи с тем, что птица уничтожает змей и скорпионов. Даже в солидном труде, изданном в прошлом веке, отмечалось, что ибис «был одним из наиболее действительных благодетелей этой страны». Но ибис, как теперь хорошо известно, змеями и скорпионами не питается.

Ну, если ибис почитался как истребитель змей и скорпионов, как исцелитель болезней (это тоже числилось за ним), как покровитель человеческого рода, как борец с чудовищами и так далее, то шакал считался в Египте «хранителем горизонта». (В Древнем Египте хоронили покойников на западном берегу Нила, где за плодородной

полосой земли простирается пустыня — «край смерти». В пустыне жили шакалы — «владетели» и «хранители» этого края.)

Священной в Древнем Египте была и собака. Польза ее не вызывала сомнений: она помогала на охоте, помогала пастухам, охраняла жилище. Но было и другое.

Египтяне обратили внимание, что накануне ежегодного разлива Нила на горизонте обычно появлялась яркая звезда. Разливы Нила имели огромное значение для египтян — мы уже говорили об этом в связи с почитанием ибиса: вода оставляла на берегу плодородный слой ила — и люди получали хороший урожай. Поэтому к разливу реки заранее готовились, ждали его. А яркая звезда на горизонте как бы предупреждала людей о близящемся разливе. Естественно, что египтяне считали появление звезды божественным предзнаменованием.

В сознании людей образовалась связь между звездой, предупреждающей о разливе, и собакой, которая своим лаем предупреждает о чьем-либо появлении (может быть, поэтому у некоторых народов эта звезда называлась Псом, или Собакой, или даже Собакой Великаном). В Египте же собака стала символом бдительности.

Но это сама собака. А был еще бог-собака. Один из главных богов Египта Анубис — покровитель умерших. Он изображался человеком с головой собаки или шакала.

У нас нет возможности перечислить всех богов и божеств Древнего Египта — их было огромное количество. Тем не менее нельзя не упомянуть хотя бы коротко о коровах и быках.

По утверждению египетских жрецов, душа одного из основных богов египтян — бога Осириса — поселилась в быке, а душа его сестры Исиды — в корове. И не удивительно, что бык занял едва ли не первое место среди священных животных Египта.

У священного быка имелось несколько имен: каждый город, поклонявшийся быку, давал ему свое имя. (В Египте у многих городов наряду с общегосударственными богами были свои, особо чтимые боги-животные.) Наиболее известные имена священного быка — Мневис и Апис.

В Египте все быки пользовались особенным уважением. Однако священными считались только те, которые отвечали определенным требованиям (их было около тридца-

ти). Например, на правой стороне у него должно было быть пятно, похожее по форме на луну, а под языком — узел, который жрецы называли жуком. Шерсть у священного быка должна быть жесткой, черной или белой, на лбу — квадратный пучок белой шерсти, на спине — пятно, напоминающее по форме орла, конец хвоста должен раздваиваться. Не легко было найти такого быка! Но жрецы умели выходить из положения. И когда требовался бык со священными признаками, его отыскивали довольно быстро. То ли жрецы каким-то образом подделывали быка, то ли заранее находили животное со «священными» признаками и до поры до времени припрятывали его — мы не знаем.

Найденного священного быка с почестями препровождали в храм, где он проводил двадцать пять лет. Украшенный золотом, серебром, драгоценными камнями, он время от времени совершал прогулки по парку, устроенному специально для этого вокруг храма, питался только отборным зерном, купался в благовонных ваннах. Через двадцать пять лет быка умерщвляли — топили в бассейне.

Правда, в последнее время появились сообщения, что обнаружены захоронения священных быков, которые, как установили специалисты, доживали до более почтенного возраста. Возможно, это опровергает общепринятую до сих пор точку зрения о двадцатипятилетнем «царствовании» священных быков, а возможно, подтверждает, что жрецы и тут плутовали.

Но так или иначе, со временем быков топили. Жрецы облачались в траурные одежды и отправлялись на поиски нового «вместилища души бога». Но куда же девались трупы утопленных быков? Долгое время это не было известно ученым.

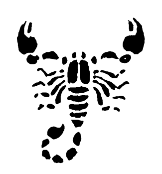
Но вот в 1851 году французский археолог Огюст Мариэтт занялся раскопками в долине Саккара, неподалеку от Каира. Археолог предполагал, что тут его могут ждать интересные события. Но то, что он нашел, превзошло все ожидания. Сначала из-под земли возникла целая аллея сфинксов. Затем был найден полуразрушенный храм, а у его подножия — вход в подземелье. Подземелье представляло собой трехсотпятидесятиметровый коридор, по сторонам которого, в особых нишах, находились колоссальные — длиной в четыре, шириной в два,

высотой в три метра — саркофаги из красного и черного полированного гранита (потом выяснилось, что вес такого саркофага был не менее шестидесяти пяти тонн). А в саркофагах лежали мумии священных быков! В течение полутора тысяч лет хоронили здесь «божественных Аписов», живших в храме города Мемфиса.

Имели свои храмы бараны, овцы, козы. Особыми почестями пользовались павианы... В общем, как уже говорилось, нет возможности рассказать о всех богах Древнего Египта. Но и сказанного, очевидно, достаточно, чтобы понять, какое значение животные-боги играли в жизни этого древнего народа и сколь неверные представления о животных были у людей. Но нам еще придется вернуться к божествам Египта, потому что и в наши дни живут некоторые предрассудки, родившиеся в те далекие времена.

А сейчас мы перенесемся в другую часть света, в страну, где боги играли столь же важную роль в сознании людей.

Речь пойдет об Индии.

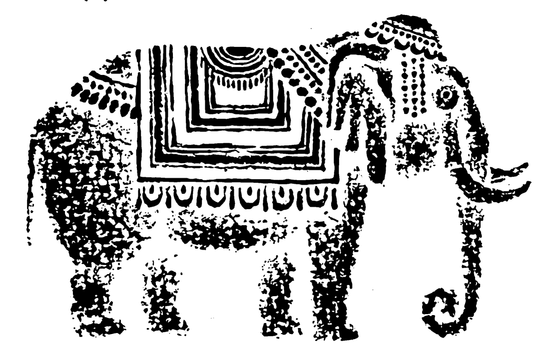
«Вместилища душ»,

«священные коровы»

и «владетель белого слона»

НО ПРЕЖДЕ ЧЕМ ГОВОРИТЬ ОБ Индии, вернемся на много тысячелетий назад, в те времена, когда возникла вера в переселение душ. Мы не знаем точно, когда это было, знаем лишь, что очень и очень давно. Может быть, тогда, когда появились первые шаманы и начали общаться с духами, а люди во сне

или в полубреду видели своих покровителей в облике животных. Может быть, эта вера начала возникать еще раньше — во времена тотемизма. Но так или иначе, с очень давних времен жила в людях вера (и это относится ко всем народам, населявшим нашу планету): после смерти человек превращается в свое тотемное животное.

Впрочем, тут были и варианты. Например, индейцы племени омаха, почитавшие бизонов, верили, что все умершие превращаются в бизонов, а индейцы другого племени — сиу считали, что в тотемных животных превращаются все мужчины, кроме шаманов. Шаманы, как и женщины, после смерти становятся змеями. Калифорнийские индейцы верили в то, что хорошие люди превращаются в тотемных животных — выдр, медведей, волков, а плохие в койотов.

У африканцев была своя дифференциация: обыкновенные люди становятся змеями или совами, гиенами или кузнечиками, а вожди племени — львами, леопардами.

Постепенно представление о превращении покойников в животных менялось — люди стали верить, что не сам покойник превращается в животное, а его душа. (Родившееся в далекой древности истолкование таких естественных явлений, как дыхание, смерть, сновидения, тень, вера в душу, духов стало, по определению Г. В. Плеханова, необходимым элементом всякой религии.)

Душа, по представлениям людей далекого прошлого, есть у каждого и имеет облик животного. Неважно какого: это могла быть и акула, как считали полинезийцы и меланезийцы, и обезьяна, как считали жители Гвинеи. Души могли быть в облике медведей (ханты и некоторые племена североамериканских индейцев), змей — в это верили народы Африки. Многие считали, что души имеют вид пчел, бабочек, кузнечиков, комаров, светлячков. Однако большинство людей склонны были видеть душу человека в облике птицы. Любопытно, кстати, что вера в душу-птицу была характерна не только для отдельных народов — она была как бы международной: моряки многих национальностей убеждены до сих пор, что морские птицы — альбатросы, чайки, буревестники, качурки, глупыши — воплотили в себе неуспокоенные души погибших матросов.

Вера в переселение души была характерна не только для народов, стоящих на низком уровне развития, но и для

древних цивилизованных народов — египтян, вавилонян, греков. Так, по представлениям жителей Древнего Египта, душа умершего человека переселяется в какое-нибудь новорожденное животное и в течение трех тысячелетий переходит от одного наземного и водного животного в другое. Побывав во всех имеющихся животных, она вновь поселяется в человеке.

Верили в переселение душ и индусы. Они были убеждены, что человеческое тело — это только оболочка, в которой находится бессмертная душа. После смерти человека, то есть оболочки, душа покидает ненужное уже помещение и переселяется в животное. Но в какое?

Вот, например, бегает по улице собака. Собака как собака. А может быть, в ней поселилась чья-нибудь душа? А чья? Как узнать?

Или другой пример: умер всеми уважаемый человек. Его душа, несомненно, куда-то переселилась. А куда? Вокруг полно животных, в одном из них поселилась душа уважаемого человека. Ударишь, допустим, козла или убьешь какую-нибудь птицу, а окажется, ударил или убил носителя души того, к кому и мысленно не смел притронуться!

Трудно приходилось индусам: ведь даже сам Брахма, создатель Вселенной, не раз перевоплощался в животных, был и вороном, и воробьем.

А главный индуистский бог Вишну перевоплощался то в рыбу, то в черепаху, то в кабана, то в ястреба. Попробуй-ка тронь их!

Но даже если это животное — не полноценный бог и если в этой свинье или черепахе еще не успела поселиться чья-нибудь душа (а как узнать?), все равно их нельзя трогать: боги пользуются ими для верховой езды.

У животных имелись и другие заслуги. Например, благодаря обезьянам бог Рама одержал победу над страшным и злым великаном. Рама заключил союз с обезьяньим царем, и тот прислал на помощь богу многочисленные отряды обезьян и медведей.

Наконец, были звери-символы. Например, лев — символ силы, собака — символ бдительности, петух и павлин, кроме бдительности, олицетворяли еще и гордость, белый бык — справедливость и добродетель и так далее. Были и злые символы — такие, как тигр или ворон. Символы опять-таки нельзя трогать!

Короче говоря, список священных, пользующихся уважением или неприкосновенностью животных был почти безграничен. И по-настоящему верующий не мог ни убить, ни ударить животное, он должен был питаться только растительной пищей, должен был сворачивать с дороги, чтобы не раздавить червя или муравья. Ни блоху, ни комара, ни муху не мог убить истинно верующий (даже еще недавно в Индии можно было увидеть людей с марлевыми повязками на лицах — они носили их, чтобы случайно не проглотить мошку!).

Да, трудно быть истинно верующим. Поэтому уже в далекой древности люди научились обходить священные законы, и действительно неприкосновенных животных оставалось не так уж много. Но все-таки оставалось достаточно. А среди них, пожалуй, на первом месте были корова, белый слон и обезьяна.

Корова пользовалась в Индии исключительным почетом. Самое богатое воображение не могло придумать того, что придумали в этом смысле индусские священнослужители — брамины. Почести, воздаваемые быкам и коровам в Египте, тускнеют перед тем, что делалось с коровой в Индии.

Индия — страна, когда-то населенная дравидами,— была в те далекие времена одной из самых цивилизованных в древнем мире. Уже в начале III тысячелетия до новой эры дравиды вели обширную торговлю, занимались земледелием, имели ирригационную систему, у них были прекрасно развиты ремесла.

В середине II тысячелетия до нашей эры в Индию со своими огромными стадами вторглись арии. С приходом ариев крупный рогатый скот прочно вошел в быт Индии. Он стал чуть ли не основным в хозяйственной жизни страны. Вожди племен назывались «гопати», что значило «обладатель коров», слово «война» — «гавишти» — переводилось как «стремление приобрести коров» (то есть войны часто объявлялись главным образом для того, чтобы захватить побольше скота).

Для создания пастбищ стали даже выкорчевывать целые участки джунглей. И культ животных в стране все больше укреплялся. Даже дождь, считали индусы, не что иное, как молоко небесных коров, которых с громом доит властелин неба бог Индра. А оканчивается гроза часто радугой

«гопати тахоной», что в переводе значит «супруг коровы» (правда, как мы уже говорили, у других племен, живших в Индии, радуга считалась огромной змеей).

Самым тяжким преступлением в Индии было убийство брамина. А преднамеренное убийство коровы приравнивалось к убийству брамина. И конечно, каралось смертью. Если же убийство коровы совершалось случайно, то преступник мог искупить свою вину следующим образом: обрив голову, он в течение месяца должен был жить среди коров, питаться лишь зернами ячменя и укрываться шкурой убитой им коровы. В течение следующих двух месяцев он мог есть по вечерам раз в два дня небольшое количество других зерен без соли. Он был обязан следовать каждый день за коровами и дышать пылью из-под их копыт.

«Кроме того,— предписывало священное законодательство,— преступник по окончании покаяния должен представить десять коров и одного быка, или, если у него нет на это средств, то он должен отдать все свое состояние браминам».

Почитая коров, брамины, как видно, не забывали и о себе. Но религиозные индусы свято выполняли все, что предписывал закон, ибо им внушали, что корова священна, что с ней связано все наиболее важное в жизни. Самыми нерушимыми клятвами считались те, которые произносились с хвостом коровы в руке. Благочестивый индус почитал за счастье умереть с коровьим хвостом в руке — ведь это значило, что его душа переселится в корову и будет окружена почестями!

Культ коровы принял самые уродливые формы. Истинное назначение коров забывалось, животные уже не только переставали служить человеку — они превращались в обузу. И до сих пор во многих районах Индии не изжит культ коровы.

Как считают специалисты, Индия, занимающая одно из первых мест в мире по количеству коров (в настоящее время в стране насчитывается примерно 250 миллионов голов), могла бы выручать от экспортирования говядины огромные суммы. Однако в ряде штатов действует закон, запрещающий убивать коров. И подавляющее большинство этих животных умирает от старости. Естественно, что их мясо не пригодно, молока такие коровы тоже не дают.

Правда, положение постепенно меняется, и, хотя кровавые «коровьи бунты», которые поднимали религиозные фанатики «в защиту коров», не такое уж далекое прошлое, передовые люди Индии ведут упорную борьбу за обновление поголовья, за отмену закона о неприкосновенности скота, ведут борьбу с предрассудками. И в данном случае борьба с предрассудками — вопрос здоровья и жизни сотен тысяч людей!

Но все это происходит там, где господствуют брахманская и индуистская религии. А там, где господствует буддийская,— убивать коров можно: там священна не корова, а белый слон. Потому что именно в него, считают буддисты, покинув бренную оболочку, переселяются души жрецов и героев, королей и святых. Белизна слона служит доказательством беспорочности и добродетельности, а это значит, что далеко не всякую душу пустит в себя слон. Даже души многих высокопоставленных особ не подпускает к себе слон, считали буддисты, если эти души не очень чисты и добродетельны.

Обладать белым слоном могли только могущественные монархи. И они, при всех своих титулах, одним из важнейших считали титул «владетель белого слона». Чтобы добыть белого слона, цари объявляли друг другу войны или нападали без предупреждения, вели кровопролитные сражения. И все для того, чтобы в конюшне стоял слон-альбинос, украшенный золотыми кольцами и покрытый золотой сетью, а к прочим титулам монарха был добавлен титул «владетель белого слона».

Третьим «наиболее священным» животным в Индии была и остается обезьяна. До сих пор существуют храмы, где обезьяны полновластные хозяева, где ежедневно они получают большое количество еды (это в то время, когда сотни тысяч людей в стране голодают!). Существуют больницы для обезьян (это когда сотни тысяч людей умирают, не имея возможности получить помощь врача). Мало того, несмотря на колоссальный урон, который приносят обезьяны сельскому хозяйству, опустошая огромные участки полей, они пользуются полной неприкосновенностью, их даже нельзя прогонять. Обезьяны совершают нашествия на города (или совершали до недавнего, по крайней мере, времени), чувствуя себя там полными хозяевами, останавливают машины путешествующих и буквально грабят их.

В свое время в Индии за убийство обезьяны жестоко наказывали, европейцев же, совершивших такое преступление, нередко вынуждали покидать страну. Теперь индийцы более терпимы, но и сейчас оскорбление обезьяны действием вызывает сильное недовольство религиозных людей.

Были в Индии священными и другие животные: змеи, птицы, звери — всех не перечислишь. Но упомянем еще хотя бы об одном животном — о собаке. Возможно, здесь, как и в других странах, религиозные воззрения тесно переплетались с реальными представлениями о большой пользе, которую приносят эти животные. Во всяком случае, в зороастризме — в религии, предшествовавшей в некоторых странах исламу, собаке принадлежала исключительная роль. В той части «Авесты» — священной книги, где говорится об обрядовой, религиозной и юридической сторонах и которая называется Вендидат или Видев, что значит «против дэвов данная» (дэвы — злые духи), две главы целиком посвящены собакам. Там, в главе XIII, имеются такие слова: «Разумом собаки держится мир».

Конечно, в священной книге говорится о священных собаках, но фактически речь идет о собаках вообще (где они, священные, кто их видел, чем они отличаются от остальных?). Поэтому слова священной книги о том, что собака — наиболее чистое животное, распространялись на всех собак. И все они, как утверждает «Авеста», обладают таинственной силой в борьбе против мрачного божества Ангро-Майнью и его духов. Поэтому убивать собак категорически запрещалось, их хоронили с почестями в специальных могилах — оссуариях,— в глиняных ящиках, где хранили также кости умерших людей.

Собака была священна и у некоторых племен североамериканских индейцев, и у ацтеков — древние жители Мексики ее даже бальзамировали после смерти,— и у других народов. И даже когда в некоторых странах Востока зороастризм уступил место исламу, объявившему собак «нечистыми» животными, и в соответствии с этим надо было изгонять собак из человеческого жилища и держать их подальше от себя, когда в городах начались гонения на собак, бедуины (кочевники) не захотели расстаться со своими друзьями. А чтобы как-то выйти из положения — не потерять четвероногого друга и в то же время не прогне-

вать аллаха,— бедуины просто-напросто решили не называть собаку собакой!

Животные-боги или боги, имеющие облик животных, существовали долго. Но и они постепенно (в одних странах раньше, в других — позже) стали уступать место иным богам. Человечество никак не хотело расставаться с животными, поэтому поначалу «новые» боги имели еще получеловеческое-полузвериное обличье. Так, египетский бог — покровитель умерших Анубис, имевший поначалу внешность собаки, стал изображаться человеком с головой собаки или шакала. Себек тоже превратился в человека, но голова у него по-прежнему оставалась крокодильей. Появились боги рыбо-человеки и птицо-человеки. Это был как бы переходный этап к богам, похожим внешне на людей.

Но даже когда боги, наконец, окончательно приобрели человеческий облик, животным продолжали поклоняться, они оставались священными. Одни — по причинам, о которых мы уже говорили, у других выявились новые заслуги.

Например, кобра. Мы уже говорили о поклонении змеям и о культе этих животных. Говорили, что они были и тотемами, и создателями мира, олицетворяли добрые и злые силы. А вот кобра в Индии была священна по иной причине.

Европейцы и американцы заметили, что на шее змеи рисунок напоминает очки (отсюда и название — очковая змея), в Индии же многие считают, что это следы пальцев Будды.

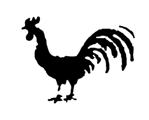
Однажды во время своих странствий, рассказывает легенда, Будда так измучился, шагая по раскаленной пустыне, что свалился без сил. Проползавшая мимо кобра, сообразив, видимо, что сон под палящими лучами солнца может плохо кончиться для Будды, раздула свой капюшон и прикрыла им божество, как зонтиком. Очнувшись в тени, Будда в знак благодарности прикоснулся к змее двумя пальцами, и следы от пальцев остались у нее навсегда. Возможно, поэтому кобра постоянно сопровождает богов: Шива часто изображался в окружении спящих кобр, Вишну — лежащим на свернувшейся кольцом кобре, Будда — либо обвитый кобрами, либо в их сопровождении.

Оракулы и дозорные

Человеческий облик боги приобрели, конечно, не сразу. Должны были пройти тысячелетия, измениться социальные условия и структура человеческого общества, должна была подняться на огромную высоту культура племен и народностей, чтобы появилась необходимость заменить богов-животных на иных богов. Пожалуй, наиболее решительный

шаг в «очеловечивании» животных-богов сделали греки. Правда, культ животных в Греции никогда не был таким, как в Египте или Индии, но следы тотемического почитания сохранялись довольно долго — жители разных областей Древней Греции «вели свой род» от волков и лисиц, от мух и муравьев, от аистов и журавлей, от овец и коз, от быков и собак. Боги, пришедшие на смену тотемическим животным, какое-то время еще имели некоторые звериные признаки. Так, Зевс был связан с волком, его супруга Гера — с коровой, богиня охоты Артемида имела медвежьи черты, бог Дионис время от времени являлся в облике козла, быка, орла, пантеры, льва. Афина первоначально могла быть змеей.

Однако на более высокой ступени развития такие боги не устраивали греков. «С развитием производственных и социальных отношений, с развитием философии, искусства стало насущно необходимым стремление возвысить и очистить все первобытные представления о богах, которые оскорбляли этические чувства грека античной эпохи»,— пишет З. П. Соколова.

Правда, им пришлось пройти тот же путь, что и египетским богам,— из животных они сначала превратились в людей с чертами животных. Например, богиня плодородия Деметра изображалась с лошадиной головой, бог Пан — с козлиными ногами и рогами на голове. Богиня радуги Ирида, богиня юности Геба, богиня победы Ника изображались людьми с птичьими крыльями. Появились сатиры (люди с козлиными ногами, рогами и хвостами), тритоны (полурыбы-полулюди), сирены (полуптицы) и так далее. Но этот «переходный период» был гораздо короче, чем в других странах, где боги тоже начали менять облик. (Вспомним египетских сфинксов — львиц с женской грудью и головой, вавилонских богов — рогатого Адада, Ашшура, которые иногда изображались с крыльями и хвостами птиц, человеко-быков и человеко-львов, змееголовых людей в Мексике и Индии и так далее.)

Затем наступил новый этап. Оказывается (согласно новым мифам и легендам), боги всегда имели человеческий облик и лишь на какое-то время и по весьма уважительным причинам превращались в животных: либо спасали когонибудь, либо убивали, либо сами спасались.

Так, Зевс, когда требовалось, перевоплощался в быка,

лебедя или орла, Деметра на время превратилась в коня, чтобы уйти от преследования Посейдона, Арес принял облик вепря, чтобы убить Адониса.

Но все-таки при всем этом божества оставались людьми (или имели человеческий облик всегда). Ну а как же животные? С ними все кончено? Ничего подобного. Они остались — состояли при богах, были посвящены им.

Древнегреческий историк Плутарх, живший в I — II веках нашей эры, писал по этому поводу: «Египтяне почитали настоящих животных, греки, наоборот, говорят более определенным образом, что голубь посвящен Афродите, ворон — Апполону, собака — Артемиде и так далее...»

Действительно, не существовало, пожалуй, в Греции бога, которому не было бы посвящено какое-нибудь животное, а то и несколько. Потом эти же боги (под другими именами) перекочевали в Рим, а вместе с ними перешли и божественные животные. Так, у Зевса (в Риме он назывался Юпитером) был приближенным орел — символ власти. И Зевс и Юпитер изображались с сидящим у их ног орлом. Гера (римляне называли ее Юноной) имела своих приближенных: павлина, корову, козу — символы величавости и плодовитости и кукушку — символ весны. Аполлон (в Риме он носил то же имя) изображался с волком и мышью у ног, Афина (у римлян она была Минерва) всегда имела при себе птицу мудрости сову, а также змею, галку и петуха. У Афродиты (в Риме она называлась Венера) была голубка, а у Артемиды — богини растительности и плодородия (у римлян — Диана) целая свита: лев, пантера, медведь, лань, голубка. Бога войны Ареса (Марс у римлян) сопровождали петух и дятел, а покровителя скотоводства Гермеса (Меркурия) — ягненок. Поскольку Гермес был, кроме того, и вестник богов, покровитель торговли и государственных дел, ему были посвящены еще петух и собака. Собаки были посвящены и Гекате (Гравия в Риме) — богине мрака и волшебства, и римской богине садовых плодов Помоне, а змея была постоянным спутником бога врачевания Асклепия (Эскулапа).

Многие «посвященные» животные содержались при храмах, им часто приносили жертвы, к ним, безусловно, почтительно относились. Ну а как же иначе можно относиться к существам, приближенным к богам? Ведь они, по мнению людей, не только выполняли различные поручения

богов, не только часто «консультировали» их, но и могли действовать по своему усмотрению. Например, помогать людям советами, о чем-то предупреждать, что-то предсказывать. Однако понять предупреждения или предсказания могли, конечно, далеко не все. Это дано было лишь избранным. В Древней Греции и Египте такими «избранными» были жрецы, в Риме они назывались авгурами.

Жрецы и авгуры были влиятельными людьми, а со временем стали настолько могущественными, что отменяли любой закон, распускали любое собрание, задерживали выступление войск, если «узнавали» по поведению животных что-нибудь тревожное.

Естественно, что предсказания — очень важное, государственное дело — были поставлены на «научную» основу, все было разработано до мелочей. Птицы — а именно они служили главными предсказателями — были разделены на две категории: одни сообщали о будущем своим пением, другие — полетом, движением крыльев и так далее. Жрецам было известно множество тонкостей, позволяющих трактовать действия птиц как угодно. Поэтому одни и те же звуки или движения в разных обстоятельствах, в разные времена года или суток истолковывались по-разному. Например, если ворон прилетал ночью, это предвещало несчастье, появление его во время брачной церемонии означало прочный семейный союз. Кроме того, большое значение имело то, откуда появилась птица — справа или слева. И так далее. Были особо любимые птицы, которые всегда предвещали удачу (например, сова), и особо нелюбимые. Почему-то не любили, например, в Греции ласточек — достаточно было появиться над площадью ласточке во время народного собрания в Афинах, как люди немедленно расходились.

Однако священнослужители не только наблюдали за животными в природе. Некоторые животные, якобы обладающие способностью предсказывать будущее, содержались в особых помещениях, у них имелись собственные храмы. К таким относились павлины.

Павлины появились в Греции в IV веке до новой эры, спустя несколько десятилетий после похода Александра Македонского в Индию. Язычники в Индии относились к павлину равнодушно. Зато там, где исповедовался индуизм, павлин был священен. Уже хотя бы потому, что

посвящался богу Кришне. Но дело не только в этом: считалось, что павлин предупреждает людей о приближении опасности. В общем-то у людей имелись основания так думать: в лесах, вокруг поселений, водилось немало хищников. И люди постоянно испытывали страх. Павлины, действительно, в какой-то степени помогали людям избежать опасности в лесу: увидев тигра или леопарда, они поднимали крик и тем самым предупреждали о приближении или присутствии хищника.

Еще одна заслуга имелась у павлинов: они, по мнению индуистов, могли вызывать дождь. И ведь действительно: начнут павлины кричать — и пойдет дождь. А для земледельца, чья жизнь полностью зависит от урожая, это очень важно!

Павлины — птицы довольно разговорчивые. А в период токования они разговорчивы особенно. Токование их совпадает с сезоном дождей. Это, конечно, не усматривали люди — они видели лишь одно: кричит павлин — и идет дождь. Значит, птица вызвала дождь своими криками.

Мы не знаем, известно ли было греческим жрецам об этих необыкновенных свойствах павлинов или их просто поразила красота птиц. Но так или иначе, попав в Грецию, павлин сразу был посвящен богине Гере и окружен особым почетом. В Риме этот культ перешел к богине Юноне, и авгуры по поведению павлинов нередко предсказывали будущее (что, правда, не мешало римлянам употреблять мясо павлинов в пищу).

Однако наиболее авторитетными предсказателями в Риме считались куры. Особенно внимательно присматривались к их аппетиту на закате солнца: если хорошо едят — будет удача, плохо — неудача.

Еще больше повысился авторитет кур после такого случая. Во время 1-й Пунической войны (так назывались войны между Римом и Карфагеном) перед решительным сражением авгуры сообщили консулу Публию Клавдию Пульхеру, который командовал римским флотом, что куры-предсказатели, находящиеся на одном из кораблей, ничего не едят. Конечно, никому и в голову не пришло, что куры, возможно, потеряли аппетит из-за непривычной обстановки или морской качки. Нет, все увидали в этом дурное предзнаменование. Но Клавдий, по-видимому, не захотел откладывать сражение, он приказал выбросить кур

за борт и готовиться к бою. Однако сражения, по сути дела, не произошло: воины, решив, что им все равно ничто не поможет (священные куры предрекли поражение), даже не оказали противнику сопротивления — сдались без боя.

Куры и петухи решали не только государственные дела, но и личные. Гадание на петухах было так распространено в Греции, что даже получило официальное название алектриомантия. Техника этого гадания была такова: на полу раскладывали буквы, а вокруг них сыпали корм. Петухи, которых перед этим некоторое время не кормили, тотчас же начинали клевать зерна. А уж истолковывать движения птиц было делом жрецов.

У римлян алектриомантия приняла еще более широкий размах. Там петухи, как писал римский историк Плиний Старший, живший в начале новой эры, «властвовали над владыками мира».

Впрочем, петухи и куры пользовались почетом и уважением не только в Греции и Риме — гораздо раньше их начали почитать в Индии. Правда, там они были не оракулами, а дозорными, охранявшими людей. Древние индийцы верили, что, когда садится солнце, петухи своим криком предупреждают: злые духи победили дневное светило и теперь их надо опасаться. На рассвете же петухи сообщают: злые духи покидают землю и их уже не надо бояться.

В Персии куры занимали еще более почетное место, чем в Индии. Персы тоже верили, что «солнечные птицы» помогают солнцу бороться со злыми силами, и охотно выполняли указ царя Дария I, по которому все жители страны обязаны были держать в своих домах петухов и не имели права убивать их.

Примерно две с половиной тысячи лет назад куры и петухи попали в Западную Европу. Тут тоже ни у кого не вызывало сомнения, что злые силы боятся этих птиц, и особенно петухов. Мало того, через какое-то время появилась уверенность, что даже изображение птиц отпугивает злых духов. И на шпилях башен и на крышах домов стали появляться деревянные или металлические петушки. Этот обычай сохранился и до наших дней.

В России куры и петухи тоже были очень популярны. Изображение петухов часто встречается в русских деревнях на крышах домов. А еще раньше, у древних славян,

живших на территории нашей страны, он служил символом бога огня.

Птицей бога-громовержца Тора считался петух у древних германцев. И он, конечно, тоже был окружен почетом.

Однако все-таки не куры были самыми священными птицами, а голуби. Правда, поначалу священными считались только белые голуби. В странах Междуречья они символизировали любовь и верность, их почитали как земное воплощение богини любви Астарты. Почитали голубей в Египте и Персии, Иудее и Греции, почитали их и в Риме, хотя римляне, как писал Плиний, были прямо-таки «помешаны на жарко́м из голубей».

Некоторые ученые считают, что голубям стали поклоняться потому, что они часто селились в гротах и пещерах, откуда вытекают ручьи родниковой воды. Когда-то люди верили, будто источники находятся под покровительством богов. А если так, то и птица, живущая у этих источников, тоже пользуется покровительством богов или священна. Во всяком случае, голуби заняли прочное место в легендах и поверьях многих народов. Например, у вавилонян родилась легенда о том, что голуби выкормили царицу Семирамиду. Римляне сделали голубей символом мира, сочинив о них такой миф: однажды бог войны Марс собрался в поход, но когда взял свой шлем, то увидел, что в нем свила себе гнездо голубка. Уступая настойчивым просьбам Венеры, Марс не стал разорять гнездо и губить птенцов. А поскольку без своего шлема он не мог воевать, то сражение пришлось отложить. Так голубка, по преданию, предотвратила кровопролитие.

В христианской религии голубь символизировал «святой дух».

Однако вернемся все-таки к прорицателям. Оказывается, предсказывать будущее животные могли не только своим поведением. Они оставались предсказателями и после смерти.

Жертвоприношение животных было издавна распространено у многих народов. Животных приносили в жертву добрым и злым духам, предкам и умершим сородичам, хоронили их вместе с человеком, считая, что в загробном мире они тоже пригодятся.

Приносились жертвы по любому случаю: чтобы задобрить и умилостивить разных духов и богов, чтобы от-

благодарить их и заручиться поддержкой в каком-нибудь деле, чтоб искупить свою вину за что-нибудь или перед кем-нибудь, после удачной охоты и в день окончания полевых работ и так далее. Существовали различные ритуалы (иногда очень сложные) в каждой стране. У каждого народа были свои правила жертвоприношения. Но наиболее сложными эти действия были, пожалуй, в Древней Греции и Риме.

Жертвоприношение строго разделялось. Иногда приносились жертвы богам с «утилитарной» целью. Например, у храма Аполлона в Левкаде мухам (поскольку Аполлон, кроме всего прочего, был еще и покровителем или повелителем мух) приносили в жертву быка. Объясняли жрецы это действие так: жертвенный бык якобы соединяет всех мух вместе и тем самым очищает другие местности от этих насекомых.

Но большинство жертв приносилось либо как благодарность богам, либо для искупления грехов. Техника жертвоприношения была четко разработана. Например, в первом случае сжигались лишь внутренности животного, приносимого в жертву, часть мяса отдавалась жрецам, часть тому, кто приносил жертву. Во втором же случае искупающий свои проступки ничего не получал — все мясо доставалось жрецам.

Выбор животного тоже был вопросом очень серьезным. Во-первых, приносились в жертву лишь домашние животные — дикие, видимо, не нравились богам (у других народов годились и дикие). Во-вторых, животные должны были быть молодыми, здоровыми, хорошо упитанными. В-третьих, строго соблюдался порядок, какому богу какую жертву принести. Вообще-то основными жертвенными животными были коровы или телята, быки, бараны или овцы, козы и голуби. Но все-таки у каждого бога были свои любимые животные, которых, как считали тогда люди, он принимал особенно охотно.

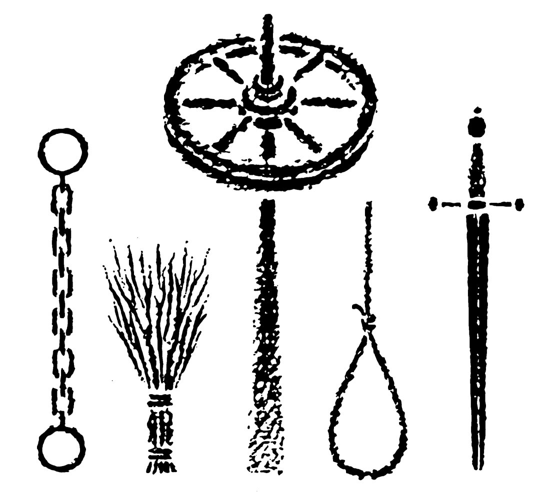
Очень тщательно соблюдали греки и римляне ритуалы жертвоприношения. Животному перед закланием сыпали на голову особую смесь из поджаренных зерен и соли, потом надевали специальный венок, а быкам, баранам и козлам золотили рога. Если жертву приносили богам неба, то перед умерщвлением поднимали ее голову вверх, если богам ада — опускали вниз.

Постепенно процесс жертвоприношения совершенствовался все больше и больше — ведь все больше и больше появлялось жрецов, а им нужна была работа, нужны были доходы. Если сначала обряд совершал жрец, то впоследствии этим стала заниматься целая «бригада»: одни жрецы давали указания, другие украшали жертву или осыпали ее всем, чем требуется, третьи оглушали быка или корову дубинкой, четвертые умерщвляли, пятые зажигали огонь костра, шестые разделывали тушу и так далее.

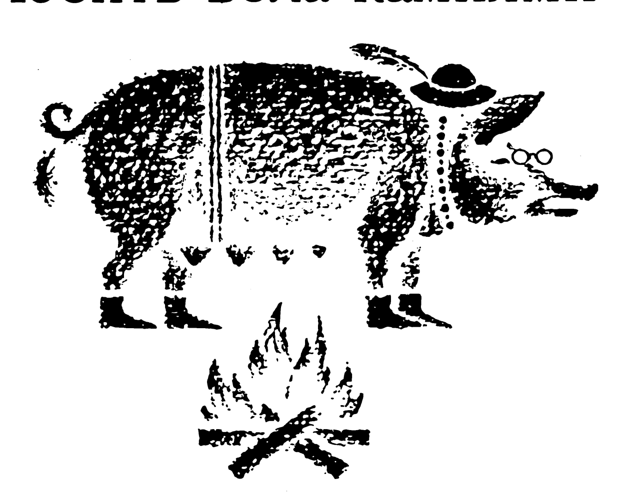
Сжигая внутренности или шерсть животного, жрецы видели, что в одних случаях сгорание происходит быстро, в других — медленно, в одних случаях дым поднимается прямо, в других отклоняется то вправо, то влево. И огонь не всегда одинаковый. А жертва-то приносится богу. Значит, бог, принимая ее, хочет что-то сказать. Но что? Тут-то и появились жрецы-толкователи. Только они могли понять и объяснить, что означает все это. Вот жрецы утверждают, что бог не очень доволен жертвой (давай, значит, новую). А вот говорят, что он не хочет простить провинившегося: об этом якобы свидетельствует дым костра или огонь, на котором жарится жертвенное животное. Опять-таки надо принимать какие-то меры, скорее всего, приносить новую жертву.

В общем, жрецы использовали и живых и мертвых животных.

«Побить вола камнями»

Греки и римляне, как видим, относились к животным по-разному: их почитали, обожествляли поначалу и уважали, как приближенных к богу, они были оракулами, их приносили в жертву богам. И посколь-

ку люди античного мира были убеждены, что животные не только наделены душой, но и являются существами вполне разумными, то за некоторые преступления их иногда даже судили или, по крайней мере, наказывали. Как правило, виновных приговаривали к выдворению из страны, в редких случаях — казнили. Но суды над животными в античном мире были пустяками по сравнению с тем, что происходило в средние века, уже не два тысячелетия, а всего несколько веков назад!

Христианская церковь низвела животных со священного пьедестала, животным перестали поклоняться, их перестали даже уважать. Но во многих случаях к ним стали предъявлять требования как к сознательно действующим и отвечающим за свои поступки существам. Утверждение, что животные способны на сознательные поступки, порождало бесчисленные предрассудки. Однако церковники и не думали бороться с ними. Зачем? Это вполне укладывалось в рамки религиозных догм. Ведь сказано же в Библии: «Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мясо его не есть, а хозяин вола не виноват».

Но в средние века пошли еще дальше. Побить вола камнями? Это не серьезно, не поучительно, не интересно. Вообще это какой-то самосуд. Нет, в те времена животных судили по всем правилам.

Впрочем, иногда дело до суда и не доходило — животных отдавали на «суд божий», как тогда это называлось, или попросту отлучали от церкви или проклинали, как поступил, например в 1120 году епископ Лозаннский, отлучив от церкви гусениц и полевых мышей, или Великий викарий Валенсийский, проклявший в 1584 и 1585 годах гусениц, поселившихся в его епархии. Отлучение от церкви, конечно, считалось страшным наказанием, а главное — действенным! О некоторых таких случаях нам известно.

В одной из областей Италии, в Аосте, сильно размножившиеся кроты начали вредить земледелию. Крестьяне обратились к епископу Грату, уже прославившемуся своими чудодейственными поступками. Тот помолился и велел кротам уйти. Но кроты не подчинились. Тогда Грат, получив «свыше» силу уничтожить кротов, проклял этих непослушных животных. И они погибли!

Так же поступил и гренобльский епископ Гюго, когда

к нему явились крестьяне с жалобой на змей, наводнивших край. Епископ немедленно проклял этих тварей. Змеи, правда, не погибли, но с тех пор перестали быть, как утверждает летопись, ядовитыми.

Имелось немало и других свидетельств могущества святых отцов, с одной стороны, и послушания животных — с другой. Ну а непослушные погибали. И ведь факт: святые отцы творили чудеса на глазах у всех!

Вот еще одно великое «чудо», совершенное епископом Лозаннским.

В XVI веке в Женевском озере появилось несметное количество угрей. Угрей было столько и они так загрязняли озеро, что жители прибрежных городов и сел могли в скором времени остаться без питьевой воды. Тогда люди обратились к лозаннскому епископу. Епископ долго колебался, но в конце концов согласился помочь людям. Однако он не торопился приступать к делу, а подолгу прогуливался по берегу озера, будто присматривался к чему-то. Народ не смел торопить епископа, а сам епископ будто все еще чего-то ждал. Прошло немало времени, прежде чем епископ появился на берегу во всем своем облачении и с пышной свитой. Он прочитал соответствующие молитвы и проклял угрей.

А через некоторое время люди заметили: на поверхности озера начали появляться мертвые рыбы. Проклятие подействовало — угри гибнут!

Надо ли говорить, что весть о чуде немедленно облетела всю страну и вышла за ее пределы? Ведь это было действительно чудо, причем совершенное публично.

Сейчас мы знаем, как оно произошло. Видимо, епископ был умным и образованным человеком. Недаром же, прежде чем проклясть угрей, он долго присматривался к ним. Очевидно, он знал, что в жизни быстро размножающихся животных должен наступить момент, когда им станет нечего есть и среди них начнутся какие-нибудь болезни. Так и произошло. Заметив слабые признаки наступающего мора, епископ поспешил проклясть угрей. А через несколько дней, когда мор начался по-настоящему, люди увидели «действие» проклятия.

Очевидно, так же поступил и святой отец, проклявший кротов. Он долго присматривался, пока не понял, что кроты начали гибнуть то ли от голода — их стало слишком

много, и пищи всем не хватало,— то ли от какой-то болезни. И тогда он произнес свое проклятие, которое «подействовало» на кротов.

А святому отцу, избавившему крестьян от ядовитых змей, совершить «чудо» было еще проще — он прекрасно знал, что змеи, наводившие ужас на крестьян, были самыми обыкновенными безобидными ужами. Но крестьяне не знали этого и боялись их, как вообще боялись тогда люди всяких «ползучих гадов». После проклятия люди убедились, что змеи действительно не опасные — они потеряли свои ядовитые зубы.

Для большинства населения — темного, неграмотного — не было сомнения: святое слово имеет власть над животными. И вера укреплялась, появлялись новые предрассудки, оживали старые. Правда, иногда приходилось воздействовать на животных и более сложным путем — их судили.

Процессы над животными в средние века были не такой уж редкостью. Вплоть до XVIII века во многих странах Европы судили животных, совершивших преступления. Судили по всей форме и очень тщательно, с обвинителями и защитниками.

Пожалуй, процессы над животными того времени можно разделить на две категории — гражданские и уголовные. Первые поражали необыкновенной кротостью, глубокой справедливостью по отношению к тварям божьим. Прежде чем подавать жалобу, потерпевшие обращались к животному со следующими словами: «Ты — тварь божья, тебя я уважаю. Тебе принадлежит земля точно так же, как и мне, я не должен желать твоей смерти. Но ты вредишь, ты посягаешь на мое наследие, разоряешь мои виноградники, пожираешь мою жатву. Одним словом, лишаешь меня плодов моегр труда. Быть может, я всего этого заслуживаю, так как я не более, не менее как несчастный грешник. Во всяком случае, право сильного есть гнусное право. Я объясню тебе твою вину, буду молить о милосердии божьем, укажу тебе место, где ты сможешь существовать, и затем ты должен удалиться, если же ты будешь упорствовать, то я прокляну тебя».

Однако, если эти трогательные увещевания не действовали, приходилось обращаться в суд. Но и в суде относились очень сочувственно к вредящим насекомым или

грызунам и не торопились выносить приговор. В XIV веке жители швейцарского города Кура подали жалобу на «белых червей» (очевидно, личинок майского жука). Однако черви на суд не явились. Тогда суд назначил прокурора и адвоката червей и со всеми формальностями приступил к делу. По окончании разбирательства судья, учитывая, что «вышеупомянутые черви суть создания божьи, что они имеют право на жизнь, что, следовательно, было бы несправедливо лишать их средств к существованию», решил перевести насекомых в дикую лесную местность, где они могли бы спокойно проживать, не принося никому вреда.

Через несколько лет жители этого же города возбудили дело против шпанской мушки. Судья назначил обвиняемым не только адвоката, но и опекуна.

В 1479 году в одном из районов Швейцарии жители обратились в суд с жалобой на личинок майского жука. Защитник жуков затеял спор с судьями о том, были ли жуки на Ноевом ковчеге. Спор этот длился два года и кончился ничем.

Еще более знаменит процесс над насекомыми, проходивший в 1545 году тоже в Швейцарии. Благодаря изворотливости и красноречию защитника вредители-жуки были приговорены лишь к переселению в другое место, причем специальная комиссия долго выбирала участок, куда можно было бы их переселить. Найдя, наконец, достаточно плодородный участок, комиссия составила специальный документ о праве жуков пользоваться этим участком, причем местные жители с большим трудом добились разрешения ходить через него. Однако жуки так и не переселились. Часть Европы тогда была разделена на крошечные княжества, которые постоянно воевали друг с другом. В это время как раз началась война двух феодалов, войска прошли по участку, отведенному для жуков, и адвокат срочно опротестовал решение суда: участок стал непригоден для жизни насекомых.

Не менее гуманны были и процессы над крысами. Французский адвокат Бартелеми де'Шассанэ сделал себе карьеру на защите крыс и мышей. В 1480 году он выиграл процесс, заявив на суде, что его подзащитные не могли явиться, потому что мышей не оповестили должным образом, а они живут во многих деревнях, в глубоких норках, и, естественно, не узнали о вызове в суд.

Доводы защитника суд счел убедительными и постановил объявить во всех деревнях, что мыши вызываются в суд. Однако мыши снова не явились. Адвокат опять выгородил их, заявив, что мышам трудно прийти: им нужно пробираться через леса и овраги, ручьи и болота, к тому же на каждом шагу их подстерегают враги — кошки, лисы, совы. Наконец, он произнес пламенную речь, доказывая, что нельзя обвинять всех огулом, а необходимо установить индивидуальную вину каждой мыши. А так как это было невозможно, то суд прекратил дело.

Правда, не всегда адвокату удавалось отстоять своих подзащитных грызунов. Иногда крыс и мышей, как и насекомых, приговаривали к выселению. Но суд выдавал им охранные грамоты, дабы не съели их по дороге кошки, а «кормящим матерям» предоставлял отсрочку.

Даже в XVIII веке еще продолжались гражданские процессы над животными. Так, в 1713 году в Бразилии судили термитов, которые растащили муку и подточили деревянные столбы в погребах монастыря. Организованный по всем правилам — с обвинением и защитой,— суд вынес постановление о том, что термиты должны покинуть монастырь и переселиться на специально отведенное поле. Однако термиты не послушались, и монахи отступили: ведь термиты, как и люди, созданы богом и служат ему. Значит, их трогать нельзя.

Но все сказанное относится к процессам гражданским. В уголовных процессах судьи были не так гуманны — большинство обвиняемых казнили. Иногда, правда, находились какие-то смягчающие вину обстоятельства, и животных приговаривали к тюремному заключению. Так, в 1408 году во Франции к тюремному заключению приговорили свинью. Животное посадили в камеру вместе с людьми (для свиней особых тюрем не было) и на содержание отпускали столько же денег, сколько на человека.

В XVII веке в одном из немецких городов была приговорена к пожизненному заключению в одиночной камере собака.

Однако большинство животных все-таки казнили. Но прежде допрашивали. Поскольку животные не разговаривали, то признанием считали звуки, издаваемые обвиняемыми под пытками. А пытки были жестокими и изощренными. После этого животных, как правило, отправляли

на виселицу или на костер. Историки подсчитали, что с начала XII по XVII век только во Франции было вынесено около ста смертных приговоров животным за их преступления. А судили ведь животных и в Италии, и в Голландии, и в Англии, и в Швеции, и в Швейцарии. Вот лишь несколько примеров.

В XIII веке во Франции свинья приговорена к повешению за то, что съела свой приплод.

В 1268 году в Париже был осужден поросенок, нанесший увечье ребенку.

В 1314 году во Франции за нападение на человека повесили быка. После тщательного разбирательства суд выехал на место преступления быка, где и была совершена казнь.

В 1386 году в Париже свинью обвинили в особо тяжком преступлении — убийстве ребенка — и казнили на городской площади. Сначала ей отрубили голову, потом повесили. При этом животное было одето в человеческую одежду.

В 1389 году в Париже казнили лошадь, убившую человека.

В 1394 году в Мортене (Франция) за то же была казнена свинья.

В 1442 году в Цюрихе судили волка, обвиняемого в убийстве двух девочек. Его привезли в клетке и установили на центральной площади, где и состоялся суд, а затем — казнь.

В XV веке в Германии судили жеребца, обвиненного в лености и вспыльчивости. По решению суда он был убит дубиною.

В 1796 году в Германии заживо закопали в землю быка, повинного в том, что якобы из-за него начался падеж скота.

Список этот можно было бы во много раз увеличить.

Животные выступали в судах не только как ответчики. Ведь они же считались разумными, мыслящими существами. А значит, могли вполне быть и свидетелями.

Например, когда человек подвергался нападению грабителей в своем доме и никто из людей, кроме него самого, не мог подтвердить этого, потерпевший в качестве свидетеля мог привести в суд кошку, собаку или петуха.

Правда, свидетели-животные тут же могли превратиться в обвиняемых. Если суд устанавливал, что они, будучи

очевидцами преступления, не позвали на помощь криками,— их жестоко наказывали, чаще всего казнили.

Впрочем, наказывали не всех животных.

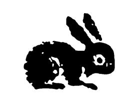
В некоторых странах быки, жеребцы и овцы пользовались особым покровительством. Им, конечно, не разрешалось официально топтать посевы, но и к ответственности их за это не привлекали. Хозяин погубленных посевов даже не мог предъявить иск хозяину животных. Единственное, что разрешалось пострадавшему,— это взять хворостину и прогнать потравщиков с поля или огорода.

А вот гуси, куры или утки за подобные деяния немедленно представали перед судом, и их, как правило, казнили.

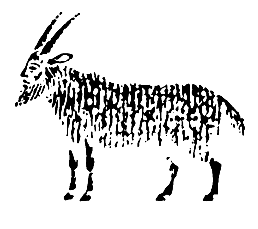
В других странах судили за потраву и лошадей и коров. Обычно их казнили, а мясо шло в пользу суда.

Церковь в средние века уделяла много внимания животным, о них велись долгие «ученые» споры. Одни священники считали, что животные — божьи создания, что у них «бессмертная душа», другие, подобно итальянскому кардиналу Роберто Франческо Беллармино, не верили в их загробную жизнь и поэтому очень жалели животных, которым суждено жить лишь на земле, третьи придерживались мнения французского иезуита П. Бонжо о том, что животные — это черти.

Люди-звери,

царевны-лягушки

и просто дьяволы

Вот такой путь — от творцов Вселенной, предков и создателей людей, от самых высоких богов и священных существ до чертей — прошли животные. А ведь в предыдущих главах мы рассказали далеко не обо всем многообразии отношений человека со своими соседями по планете. На некоторых моментах, связанных с предрассудками, мы еще остановимся. А сейчас поговорим об оборотнях. Оборотнями считались люди, которые якобы могли время от времени принимать облик животных, или животные, время от времени превращающиеся в людей. Одни народы считали так, другие эдак. А было и «особое мнение», такое, например, как у эскимосов. Они просто не делали различия между животными и людьми. По их мнению, любой зверь или любая птица

могли, когда хотели, сдвинуть на затылок свой клюв или свою морду и превратиться в человека. Или наоборот, любой человек мог надвинуть на лицо тот же клюв или ту же морду и стать птицей или зверем. И в этом не было ничего невероятного. Ведь если люди ведут свой род от животных и кровная связь сохранилась, то почему бы время от времени людям снова не превращаться в тех, от кого они произошли? Эскимосы считали, что все так и происходит, не видели ничего дурного в превращении людей в животных и наоборот.

Но эскимосы в какой-то степени исключение в данном вопросе. Чаще бытовало другое: люди превращались не в своих предков или не в тех животных, с кем их «связывает кровная родня», а в тех, которых в данной местности почитали или боялись.

Так, у народов Европы чаще всего человек-оборотень превращался в волка, а в Африке таким зверем был леопард, в Южной Америке — ягуар, в Северной Америке и Северной Азии — медведь, в Южной и Восточной Азии — тигр. Были, конечно, и другие животные, в которых превращались люди. Иногда это могли делать самые обыкновенные люди, если им очень надо было стать зверем, птицей или рыбой (правда, для этого должны существовать веские основания), иногда лишь избранные — большей частью колдуны, шаманы, знахари. В этих случаях с оборотнями связывали все самое скверное — болезнь и смерть людей, падеж скота, неурожай, стихийные бедствия. Но встречались и добрые оборотни. Принимая облик животного, они начинали понимать язык зверей и птиц, получали возможность заглядывать в будущее и все это обращали на пользу людям.

Были и такие оборотни: за какую-нибудь провинность, а чаще даже безо всякой провинности злые колдуны превращали людей в животных — юношей в волков, девушек — в лягушек или птиц. И жили они в таком обличье до какого-нибудь определенного заранее случая. Такие сюжеты, кстати, были излюбленными в народных сказках. Людям нравились эти сказки: и сюжет напряженный (вроде бы даже приключенческий), и конец всегда хороший: рано или поздно волк превращался в прекрасного юношу, лягушка — в красавицу царевну, лебедь — в красну девицу.

В общем, оборотни существовали с незапамятных времен и у очень многих народов. Впрочем, перевоплощение богов в животных — это ведь тоже в какой-то степени оборотничество. Но то боги. С людьми было сложнее: богам-то можно было поступать, как им заблагорассудится, а людям не полагалось. Поэтому оборотничество пугало. С ним, как мы уже говорили, в большинстве случаев связывались самые неприятные моменты в жизни людей (исключение — поэтические фольклорные произведения с добрыми концовками). Естественно, что тех, кто имел славу оборотней, боялись. Шаманы же, колдуны, знахари спекулировали на этом.

Но все-таки до определенного времени вера в перевоплощение животных в людей и наоборот была не так уж распространена. Однако в средние века положение изменилось. Французский монах Пьер Ле Луайе, крупный знаток всякой чертовщины, четко сформулировал мнение церковников: «Нет такого четвероногого зверя, вида которого не принимал бы дьявол».

Здесь, как видим, дело поставлено уже на «научную» основу. Во-первых, речь идет лишь о четвероногих зверях — отменены птицы, пресмыкающиеся, земноводные, насекомые. Правда, это не мешало верить в петухов, несущих «порченые» яйца, в жаб, высиживающих из этих яиц василисков, да и в самих василисков, о которых мы уже говорили. Но все-таки в основном оборотнями были звери.

Во-вторых, уточнен и другой момент: только дьяволы. И ни о каких добрых деяниях животных не могло быть и речи. (Вспомним, в предыдущей главе мы упомянули французского иезуита П. Бонжо, который утверждал, что все животные — черти.)

Но все-таки и П. Бонжо, и Ле Луайе, и другие, разделявшие их мнение, несколько переборщили: нельзя же всех без исключения четвероногих зачислять в дьяволов или чертей. Ведь животных на земле больше, чем людей. Что же получается тогда? Все вокруг — дьяволы? Как жить?

Тем не менее люди верили в то, что дьявол может принять и принимает облик почти любого четвероногого, чтобы напугать, а главным образом для того, чтобы напакостить человеку. Кроме того, дьяволы в образе животных являются транспортными средствами — перевозят на

себе колдунов или им подобных, когда те отправляются на шабаш. В таких случаях дьяволы превращаются обычно в козлов и баранов. Даже сам сатана любил время от времени превращаться в козла. Черти же и в своем обычном виде сохраняют копыта и рога.

Ведьмы чаще всего превращаются в кошек. О кошках у нас будет разговор особый, а тут мы упомянем лишь о том, что превращение в кошек было настолько распространено, что получило даже специальное название — элюрантропия. Конечно, превратиться в кошку очень удобно: можно всегда, не вызывая подозрений, проникнуть в любой дом, подсмотреть, подслушать, сделать какую-нибудь мелкую пакость. А если захочется сделать пакость покрупнее, можно собраться на чердаке, договориться с себе подобными, обсудить и разработать операцию.

Правда, кошкой быть удобно не всегда — например, кошка не может есть и портить капусту, припасенную в погребах. Ну что ж, можно превратиться в зайца, что ведьмы зимой очень часто и проделывали. Причем настолько часто, что это явление тоже получило специальное название — лепантропия.

В некоторых других животных колдуны, ведьмы, дьяволы тоже превращались часто, и для таких превращений тоже пришлось придумывать специальные термины. Так, превращение человека в собак стало называться куантропией, в коров — боантропией, в волков — ликантропией. Кстати, в волков колдуны и ведьмы превращались особенно охотно, по крайней мере в Европе.

«В Англии мы часто видим, как люди превращаются в волков»,— писал в XII веке английский ученый и путешественник Джервэйс.

В людей-оборотней, превращавшихся в волков, верили, конечно, не только в Англии. В XVI веке во французском городе Доль приговорили к смертной казни некого Жиле Гарнье за то, что он «в форме волка-оборотня пожирал детей».

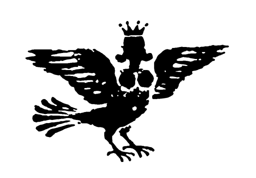
В XVII веке сенат Савойского герцогства (это государство было тогда на территории теперешней Италии и Франции) приговорил к казни нескольких колдунов, среди которых имелся и волк-оборотень в облике человека по имени Клод Гаро.

Ликантропия была распространена в Германии и России.

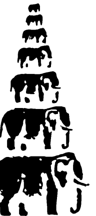
Правда, как утверждали некоторые специалисты по оборотням, не все они считались опасными. Потому что не все они сознательно и добровольно превращались в волков. Тут, конечно, эти специалисты противоречили другим специалистам, типа Ле Луайе, тем не менее они совершенно «доподлинно» знали, что иногда люди принимают звериный облик не по своей воле, а по воле колдунов. Тот же Джервэйс, утверждавший, что в Англии часты случаи превращения людей в волков, рассказывал, между прочим, что один человек встретил в лесу волка, который поведал ему следующую историю. Некогда аббат, обладавший магической силой, проклял одну деревню. С тех пор каждые семь лет два человека из этой деревни превращаются в волков, живут в лесу. Если в течение семи лет их не убьют, возвращаются в деревню и снова становятся людьми, а на смену им в лес уходят два других человека, становящихся волками.

В России тоже верили в оборотней, верили, что люди способны превращаться в волков. Но одни люди якобы превращаются в волков не по своей воле (они и назывались «волки поневоле») — их заколдовывают. Эти волки тоскливо воют по ночам, печалясь о своей горькой доле. Другие же — всякие колдуны и им подобные — становились волками добровольно и свои черные дела творили молча и с удовольствием. Они делали все, что полагалось делать злым силам испокон веков, нападали на людей и на скот, напускали порчу на целые деревни. А так как оборотни могли принять облик любого существа, жить людям было довольно страшно. Впрочем, жилось хорошо церковникам — недаром же они всячески поддерживали и пропагандировали эти предрассудки: ведь только молитвы, покаяния могли спасти людей от сатаны и его прислужников. Но народ и сам пытался как-то бороться с дьяволами и чертями, нечистой силой.

И возникали новые приметы, появлялись новые предрассудки.

Послесловие к первой части

О суевериях в частности

Мы совершили путешествие в прошлое. Путешествие короткое, ведь связь людей и животных была гораздо разнообразнее. Но и сейчас у тебя, вероятно, возникает вопрос: какое все это отношение имеет к сегодняшнему дню? Ведь речь шла о людях далекого прошлого или о людях, стоящих по своему социальному и культурному развитию на очень низком уровне.

Верно. Но мы уже говорили, что суеверия очень живучи. Мало того, новое время с его достижениями в самых разных областях человеческой деятельности нередко порождает новые или совершенствует старые приметы и суеверия.

Вот лишь один пример. В конце прошлого зека в Тверской губернии (сейчас это Калининская область) существовал такой ритуал: весной, перед тем как выгнать из зимних конюшен на летние пастбища лошадей, хозяин обходил табун с замком и ключом, на ходу то запирая его, то отпирая. Таким образом он принимал меры по спасению лошадей от волков: человек был уверен, что запирал не только замок, но и челюсти волков. И лошади были в безопасности. Теперь давай подумаем: ведь это та же магия, в которую когда-то очень давно верили люди,— «подобное — подобным», только перенесенная в новое время. (Ведь замков вообще, а тем более с ключами, в те времена, когда появилась вера в «подобное — подобным», конечно, не было.) Надо ли говорить, какой урон приносило такое «усовершенствованное» суеверие людям — ведь челюсти волков не запирались на ключ,— хищники продолжали нападать на домашних животных.

Конечно, это, может быть, не такой уж типичный случай — с волками боролись и другими, действенными способами. Но этот пример любопытен тем, что замок — относительно новое изобретение — был использован, по сути дела, для магического обряда.

Но опять-таки ты можешь возразить: это тоже относится к прошлому, когда еще была сильна вера в чудеса, да и народ был в основном необразованный. Сейчас мы не верим в чудеса, в магию, в приметы. Ну, разве что в такие, как пустые ведра...

Действительно, парадокс: человек не верит ни в бога, ни в черта. А вот пустые ведра ему почему-то портят настроение. Но если бы человек задумался о том, что значит эта примета, он, современный, грамотный, может быть, даже всесторонне образованный, вдруг почувствовал бы себя первобытным. Да, именно так — примета эта имеет очень древнее происхождение: она ведь и родилась тогда, когда человек был убежден, что «подобное порождает подобное». А пустые ведра как бы сигнализируют, предупреждают, что человек идет по делу, которое ему не

удастся (то есть идет зря, попусту). Кое-кто верит даже, что пустые ведра могут не только предсказать, но и организовать неудачу, могут провалить какое-то дело, сделать его пустым. Или еще пример: до сих пор некоторые люди обижаются, если им случайно нальют неполный стакан чая — значит, у того, кто выпьет этот стакан, жизнь будет неполной. Подобное может вызвать подобное!

Приметы, рожденные верой в «подобное — подобным», очень живучи. Еще совсем недавно многие знахари лечили людей по этому принципу. Например, если у человека обнаруживали малокровие, то пичкали его красной свеклой: прибавится красной крови; если человек заболевал желтухой, его поили отваром из различных желтых цветов, в частности отваром одуванчиков; если страдали почки — лечили почками деревьев. Девушкам, чтобы женихи и ухажеры «липли» к ним, советовали вплетать в косы цветы липы.

Как видим, эти приметы существовали и в лечебной магии, и в любовной. Существовали они в земледельческой магии. Помимо всяческих молитв и заклинаний, люди пользовались принципом «подобное — подобным». Например, крестьянские девушки, перед тем как сажать лен, ходили с распущенными волосами. Считалось: лен в этом случае будет и длинный и пушистый, как волосы девушек. Сажая капусту, крестьянин надевал драную рубаху, чтобы у капусты было много листьев, а крестьянки туго стягивали волосы на голове, чтобы кочан был тугой и твердый.

Конечно, сейчас это кажется смешным, но чем такие приметы отличаются от пустых ведер или неполного стакана, в которые еще нередко верят и в наши дни?

Существует множество народных примет, связанных с предсказанием погоды. Среди них немало появившихся благодаря многолетним наблюдениям, они проверены временем и обоснованы сейчас научно. О них мы еще будем говорить. Но есть немало и вот таких примет, порожденных чисто внешними признаками,— тоже в какой-то степени вытекающими из принципа «подобное — подобным»: красная корова — символ «красного» дня, черная — «черного». То есть, если впереди стада, возвращающегося домой, идет красная (рыжая) корова,— значит, завтра будет ясный, солнечный день, если черная — пасмурный, дождливый.

С черным цветом связано множество примет и суеверий.

И мало кто задумывался: почему это произошло? Мрачный цвет? Да, конечно. Но вряд ли одного этого достаточно.

Может быть, сначала черным цветом стали обозначать явления или животных просто по контрасту с белым, чтобы их как-то резко разграничить. А может быть, черный цвет с самого начала был у людей символом страшного, недоброго.

Первобытный человек боялся ночи, точнее — темноты. Не потому, что воображение рисовало ему каких-то злых духов, не потому, что он думал о злых силах, прячущихся во мраке. Просто исчезало привычное очертание окружающего мира и становилось страшно. Страх был очень силен. Настолько силен, что навсегда запечатлелся в мозгу человека и, передаваясь из поколения в поколение, сохранился до сегодняшних дней. (Не случайно маленькие дети очень часто безотчетно боятся темноты, а ведь он, этот страх, пришел из очень далекого прошлого!)

Но был у первобытного человека и вполне реальный страх: он боялся темноты еще и потому, что именно ночью выходили на охоту его враги — могучие хищники, и как раз в темноте человек оказывался особенно бессильным перед ними. Возможно, боязнь черного цвета (ночь, тьма, чернота) идет еще с этих времен. И возможно, поэтому все отрицательное, опасное, злое человек стал помечать черным цветом. Вспомни, например, легенду о сотворении мира двумя птицами, о которых мы говорили: белая — положительная, черная — отрицательная. Любопытно, кстати, что положительный персонаж может быть и иного цвета, отрицательный же (или носитель отрицательного начала, или предвестник чего-то плохого) обязательно черный или, во всяком случае, темный. Как в той примете с красной и черной коровами.

Или была еще такая примета: появление рыжих тараканов предвещало богатство (очевидно, рыжие ассоциировались с золотом), черных — несчастье. Черный цвет почти у всех народов служит символом смерти, траура. (Есть, правда, исключения: в некоторых странах или у некоторых народов траурный цвет — белый.)

Боязнь черного цвета, нелюбовь к нему распространилась, естественно, и на животных, имеющих черную окраску. Правда, не на всех. Черная лошадь или корова, черная

курица или собака не вызывали страха и неприязни. Зато черный ворон...

Его считают предвестником несчастья. Хотя, правда, далеко не все. Мы помним, что у некоторых групп индейцев он был тотемом, и его не боялись, и очень уважали, охраняли. В Древней Греции и Риме жрецы оценивали ворона не однозначно — определяли, в какое время он появился, с какой стороны прилетел, и уж потом решали,— дурное это предзнаменование или доброе. Но у многих народов появление ворона в любое время и с любой стороны считалось плохим предзнаменованием. Ну, во-первых, из-за черного цвета. Однако, как мы говорили, далеко не всех черных животных люди боялись. Может быть, не боялись бы и ворона, но у него еще и дурная слава: он якобы предчувствует смерть человека, поскольку питается падалью.

Да, ворон — птица всеядная, не брезгует и падалью. Эта деятельность ворона очень важна: он — санитар, уничтожает трупы животных, не дает распространяться заразе. Но ведь не одной же падалью питается ворон. И потом — не только ворон питается падалью. Есть птицы, например грифы, для которых падаль — основная пища. Они долгими часами парят в небе, высматривая добычу. Благодаря своему удивительно острому зрению, видят издали лежащее на земле животное и летят к нему. Бывает, оно еще живо, тогда эти птицы садятся поблизости и терпеливо ждут, когда можно будет начать тризну. Но ни о каком предчувствии смерти живого существа не может быть и речи. И люди, живущие в тех местах, где водятся грифы, понимают это. За воронами же не числится даже дежурства у умирающего животного. Тем не менее вера в то, что птица эта предчувствует чью-то смерть (а то и накликает ее), еще очень сильна.

Видимо, черный цвет, которого люди издавна боятся, в сочетании с полной уверенностью, что вороны питаются исключительно мертвечиной, плюс довольно угрюмая «фигура» с непропорционально толстым и длинным клювом, плюс не очень-то музыкальное пение (карканье),— все это породило нелюбовь к птице, а нелюбовь, в свою очередь, породила предрассудки («слетается воронье», «ворон накаркал беду» и так далее). Нелюбовь к воронам сказывается даже в том, что народное название старого ворона,

пришедшее к нам из татарского языка,— «карга» — стало чуть ли не бранным словом.

Ну, если у ворона хоть какие-то внешние признаки дают повод его бояться, то заяц-то уж совсем кажется безобидным. А сколько суеверных примет, связанных с ним, существовало, да и сейчас кое-где существует.

Удивительное дело: большинство охотников отправляется в лес, не только не боясь встречи с косым, но даже очень желая его встретить и подстрелить! И в то же время немало охотников готовы повернуть назад и даже поворачивали, если им навстречу попадался заяц. Дальше: сколько охотников с удовольствием поедало зайчатину — и сколько в рот не брало заячьего мяса! Но и этого мало: у многих народов появление зайца предвещало несчастье.

Причин такого отношения к зайцу несколько. Первая: заяц считался трусом (а по поверьям, съевший мясо трусливого зверька сам становится трусом). Ну а какой же охотник захочет стать трусом? Вот и не ели зайчатины те, кто верил в эту примету.

Вторая причина боязни зайца в том, что в зайцев якобы часто превращаются ведьмы. Тут у них большое поле деятельности для того, чтобы пакостить людям: съедать запасы капусты и моркови, которые люди готовят на зиму, обгрызать кору деревьев и губить эти деревья, заманивать людей в лес. А заманив, можно было сделать с людьми что угодно. А поскольку невозможно было распознать, просто ли пробежал заяц или ведьма в его облике проскакала, люди боялись всех зайцев на всякий случай. Охота, конечно, будет неудачной, если повстречался заяц: он обязательно спугнет зверя или птицу, предупредит их или запутает следы, а может вообще завести охотника в непроходимые дебри и погубить.

Это относится, конечно, не только к охотникам. Зимой нередко появлялись зайцы вблизи деревень, особенно лесных, бегали по полям. Значит, опасность подстерегала даже тех, кто не ходил в лес. И вот что интересно: давно люди забыли и об оборотнях, и о нечистой силе, которая могла вселиться в зайцев. И не верят в существование ведьм. А примета, предрассудок — боязнь зайцев еще осталась.

А теперь о курах. Их тоже побаивались, считая, что они могут предсказывать разные неприятности и несчастья. Тоже ведь из очень далеких времен пришли в наши дни

эти предрассудки: вспомним кур-оракулов в Греции и Риме. И древние славяне считали этих птиц провидцами, а петухов — борцами с нечистой силой (пенье петухов, по убеждению одних народов, прогоняло злые силы, по убеждению других — предупреждало людей)

И в XIX веке верили в это (вспомним гоголевского «Вия», где петух криком прогоняет нечистую силу, или В. А. Жуковского, который рассказал, как в «крещенский вечерок» кормили «счетным курицу зерном»).

К предсказаниям кур очень прислушивались. Например, девушки могли узнать с помощью кур, какой им муж достанется. Для этого стоило лишь войти в курятник и с закрытыми глазами схватить первую подвернувшуюся под руку курицу. Если она окажется рябой, то и будущий муж будет рябой, если белая — блондин, черная — брюнет.

Можно было узнать не только цвет волос, но и наклонности жениха: если петух начнет пить из поставленного перед ним стакана — значит, жених пьяница, если клюнет в поставленное перед ним зеркало — щеголь, дотронется до какого-нибудь инструмента — надо надеяться, что избранник работящий человек.

Считалось, что курам было известно все. Например, о домашней ссоре они знали заранее и предсказывали ее, громко крича на насесте. О покойнике они сообщали, если у них в хвосте оказывалась солома. Петухи тоже знали о покойнике — пели всю ночь перед чьей-нибудь смертью. И трясли головой тоже к какой-нибудь беде. Однако гораздо больше верили петухам и курам как предсказателям погоды. До наших дней дошли приметы, связанные с курами и погодой: куры в песке купаются — к дождю; если на сретенье напьется петух воды — наберется пахарь беды; если на Евдокию (14 марта) курочка на улочке водицы напьется, то на Егорьев день (23 апреля) барашек травки наестся.

Мы уже говорили и еще будем говорить о народных приметах, связанных с погодой. Есть среди них много верных. Но «куриные» — их уже много раз проверяли — не подтверждаются. Однако им верят до сих пор: очень крепки корни веры в кур-оракулов!

Ну а кто не знает приметы: нашел подкову — к счастью? И найденные подковы до сих пор приносят домой, а раньше обязательно вешали над дверью или над сараем. Верили:

дому будет счастье, а в сарай не проникнет злая сила. Все сделает подкова, от всего убережет. И сейчас еще кто-то верит в это. А спроси любого: почему у подковы такая сила, откуда такие возможности? Человек только пожмет плечами: испокон веков так ведется.

Вот именно — испокон веков. Испокон веков всюду, где была лошадь, ей поклонялись, наделяли ее самыми необыкновенными свойствами. В том числе во многих странах Европы считалось, что лошадь способна отгонять злых духов. И появился обычай прикреплять на крышах домов лошадиные черепа: люди верили, что они заменяют самих лошадей. Тут принцип «от части к целому». Потом вместо черепа стали устанавливать на крыше деревянные коньки, чтобы нечистая сила издали видела изображение лошади и боялась (принцип «подобное — подобным»). Ну а если все-таки нечистая сила как-то подберется к дому и захочет проскочить в дверь, здесь-то и встретит ее подкова: поначалу подкову прибивали у порога (принцип «от части к целому»).

Поскольку лошадь была символом всего хорошего и доброго, то люди верили, что она приносит счастье. Конечно, хорошо бы находить на дорогах самих лошадей. Но это не реально. А вот «часть» ее — подкову — найти можно. И считалось: доброе существо лошадь посылает ее человеку как залог или как вестницу удачи, счастья. Кто откажется от него и не подберет подкову?

К тому же подкова — железная. Люди издавна верили в магические свойства железа. А тут — железо, да еще имеющее непосредственное отношение к лошади. Совсем хорошо!

Ну и наконец, слоны. Вернее, семь слонов. Фигурки этих животных часто украшают квартиры, людям они нравятся, а некоторые убеждены, что семь слонов приносят счастье.

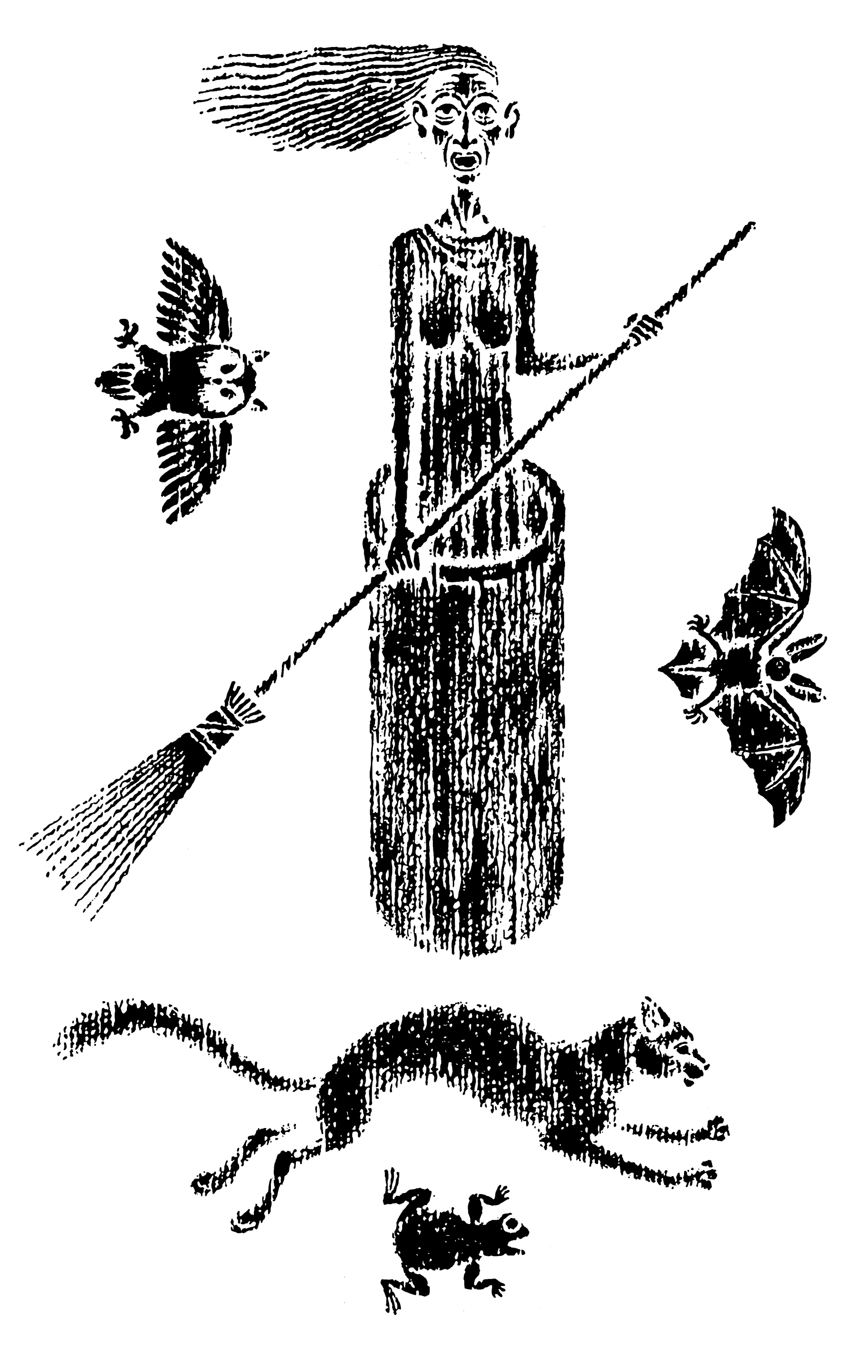
Насчет украшений мы спорить не будем — дело вкуса. А вот насчет счастья поспорим. Почему эти слоны должны принести счастье? Откуда это поверье? Да все оттуда же — из далеких времен, когда люди обожествляли животных и верили в их магическую силу.

...Когда-то у индуистских богов Шивы и Парвати родился сын Ганеша, которому суждено было стать богом счастья. Юный бог был очень непослушным, и отец, од-

нажды рассердившись, отрубил ему голову. Но, увидев, как огорчилась мать, он отрубил голову проходившему мимо слоненку и приставил ее к телу сына. Так и появился у индуистов бог счастья — полуслон-получеловек. Ну а если вспомнить легенды, говорившие, что Земля стоит на семи или на трех слонах, то станет понятно, почему слоны считались символом счастья, причем прочного (уж если Землю слоны удерживают, то счастье человека удержат и подавно). Откуда такое поверье, мы теперь знаем. А вот почему в это верят современные люди — никак не понятно.

Мы с тобой поговорили лишь о нескольких приметах, пришедших к нам из далекого прошлого. Таких примет много, но люди часто и не подозревают, что, веря в эти приметы, они уподобляются далеким предкам — возможно, даже тем, кто жил еще в пещерах. Ну, тем-то верить во все это было простительно. Можно объяснить сейчас, почему верили в то, о чем мы говорили, жители Древнего Египта и Древней Греции, Рима и Индии, можно понять, откуда шли и как появились приметы в средневековье. Но современным людям стоит ли уподобляться пещерным жителям?

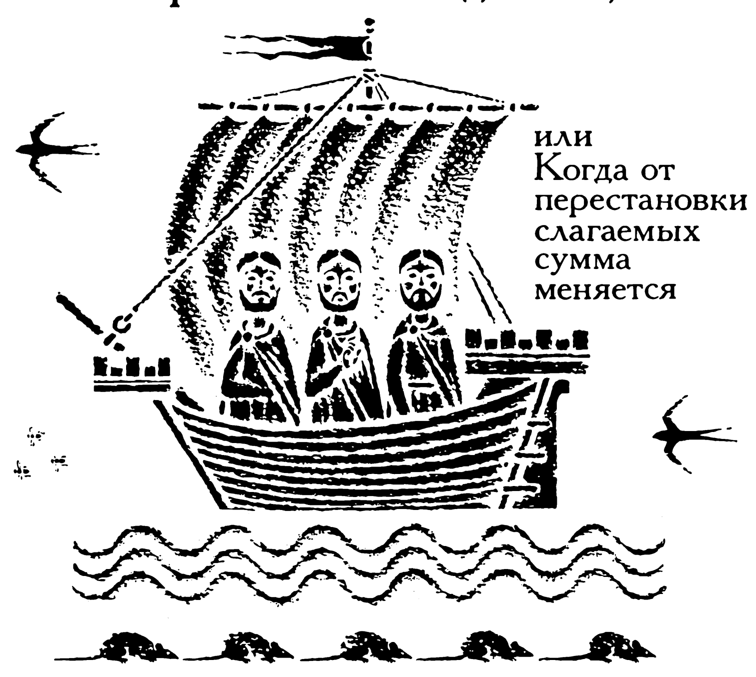

Часть вторая

ПУТЕШЕСТВИЕ В НАСТОЯЩЕЕ

Предисловие ко второй части. Причины и следствия,

или Когда от перестановки слагаемых сумма меняется

Ну а все-таки как появляются суеверия и приметы и почему многие из них очень живучи, хотя и лишены всякого здравого смысла? Мы уже говорили, что многие приметы возникли очень давно, еще до появления религий. С возникновением религий суеверия и приметы не исчезли, а, наоборот, получили еще большее распространение. Теперь они уже превратились в посылаемые богами «знамения», которые о чем-либо предупреждали людей. Так было в Древнем Египте и Вавилоне, в Древней

Греции и Риме. Причем появилась армия толкователей этих примет — жрецов, которые по поведению животных предсказывали все что угодно. Так в Древнем Египте жрецы могли остановить войско, отменить поход, если они усматривали в поведении навозного жука неблагоприятное «знамение», а римский диктатор Фабий Максим, увидев внезапно появившихся мышей, сложил с себя диктаторские полномочия, посчитав это очень мрачным предзнаменованием.

Вообще в Древней Греции и Риме суеверных примет было, пожалуй, больше чем где-либо. Древние греки и римляне примечали все, а жрецы и авгуры истолковывали — как скрипят двери и как льется вода, как человек чихнул и на какую ногу споткнулся. Но особенно много примет, как мы говорили, было связано с животными, и в частности, с птицами. Мы уже приводили примеры предсказания кур и петухов, которые, по выражению римского философа Цицерона, жившего в I веке до новой эры, «властвовали над миром». «Неужели Юпитер не нашел более достойных вестников, чем петухи?» — насмешливо спрашивал Цицерон.

Впрочем, «правили» Римом не только петухи — птицы вообще считались там вестниками богов, и их поведение разгадывала специальная коллегия авгуров. Например, появление ласточки с правой от алтаря (жертвенника) стороны считалось хорошим предзнаменованием, с левой — дурным.

Мы сейчас прекрасно знаем, что появление ласточек слева или справа не имеет никакого значения,— птицы охотятся в воздухе за насекомыми и постоянно меняют направление полета. Очень возможно, что это знали и авгуры,— не случайно же наиболее здравомыслящие римляне, не верившие в предсказания, говорили: «Когда встречаются два авгура, они не смотрят друг другу в глаза, чтобы не рассмеяться». В основной же массе народ верил авгурам, не требуя никаких доказательств.

Позже, когда люди уже перестали быть такими доверчивыми, потребовались и доказательства. Христианские проповедники, пользовавшиеся многими языческими приметами и взявшими на вооружение принцип «левое — правое», были вынуждены как-то обосновывать это.

Сейчас мы можем с полной убежденностью сказать, что

если левая рука нас иногда подводит — она, как правило, менее сильная, менее умелая по сравнению с правой,— то это объясняется развитием левого и правого полушарий головного мозга. (Но ведь в мире большое количество левшей, у которых левая рука более сильная, более умелая.) В прошлом же люди не имели никакого представления о значении полушарий мозга и верили церковникам, утверждавшим, что слева у человека находится дьявол, справа — ангел-хранитель. Поэтому здороваться надо было правой рукой и перчатку надевать сначала на правую, потом на левую руку. (Случайно надетая на левую руку перчатка считалась дурной приметой.) Если человек споткнулся на левую ногу — плохо, а сплевывать «от сглаза» и тому подобных вещей надо было через левое плечо. Появились и такие приметы: левый глаз чешется — к слезам, левая ладонь чешется — отдавать деньги; надел сперва ботинок на левую ногу — будет неудача. А все потому, что слева находится бес-искуситель, с правой же стороны — ангел-хранитель. Поэтому если чешется правый глаз, то жди радостного сообщения, правая ладонь зачесалась — к деньгам.

Мы сейчас не верим ни в бесов-искусителей, ни в ангелов-хранителей. А вот примета, связанная с левой и правой стороной, живет. Почему? «А потому,— может ответить кто-нибудь,— что она верная: вот в прошлом году у меня зачесался левый глаз — и вскоре я узнал очень неприятное известие». И другой человек может подтвердить, что у него чесалась правая ладонь и вскоре он получил подарок или премию. Как же тут не поверить в приметы?

Или вот другой пример: кошка-прорицательница. Очень живуча ведь примета: если она умывается — придут гости. И действительно, вот кошка умылась, привела себя в порядок, «навела красоту» — и неожиданно пришли гости. Ай да кошка! Не обманула!

Да, действительно, и левый глаз, и правая рука, и кошка — все подтвердилось, все предсказания сбылись.

А теперь давай подумаем, сколько раз у человека чесался левый глаз, а неприятностей после этого не следовало. Или чесалась правая ладонь, а никаких подарков человек не получал. Спроси любого об этом — он только пожмет плечами: не помню, мол. Да, такое не помнится.

Но вот один раз сбылось — и человек запомнил. Ведь когда ничего не происходит, то и запоминать нечего, а если что-то случается — есть что и запомнить. Даже если сбывается предсказание во много раз реже, чем не сбывается.

Слово «примета» произошло от слова «примечать». Приметили люди, что за одним событием следовало другое,— запомнили. И связали события, хотя те никакого отношения друг к другу не имели. И сделали соответствующие выводы: мол, за одним явлением следует другое, одно предвещает последующее.

Вот так же в примере с кошкой: она умылась — и пришли гости. Но если кошке верить, то гости должны приходить каждый день, а то и по нескольку раз в день. Ведь кошка умывается постоянно — это не ее прихоть, а необходимость. Кошка — зверь, охотящийся из засады. Она долго подкарауливает добычу. А добыча ее — очень чуткие и осторожные зверьки. Они не только прекрасно слышат малейшие звуки, но и хорошо чувствуют запахи. Поэтому кошка и ходить бесшумно научилась, и сидеть долго может не шелохнувшись, и очень чистоплотная — постоянно вылизывает себя, чтоб уничтожить запах. И это ей удается. Даже если в доме нет мышей и кошка за ними не охотится, привычка к чистоплотности, выработанная у многих поколений кошек, осталась. Вот и моется она постоянно. Но люди не обращают на это внимания. Много раз умоется кошка, а гости не придут. И никто этого не запоминает. А однажды после кошачьего туалета придут, и вот, пожалуйста, кошка оказалась права. И люди делают вывод: кошка способна предсказывать, предугадывать. И даже призывать гостей. Недаром некоторые говорят: «Кошка гостей намыла».

Ну, о кошках мы еще будем говорить, а сейчас скажем о другом, о том, что такие случайные совпадения породили немало примет. Но при желании и некоторой наблюдательности их можно легко опровергнуть. Например, понаблюдать за кошкой и установить, какой процент ее предсказаний сбывается. Наверняка небольшой. То есть такой, какой вполне можно отнести к случайным совпадениям.

Но бывает и так: примета неверная, а очень часто сбывается. И тут не процент случайности, а процент очень убедительный!

Вот, например, существовала и сейчас еще существует

такая примета: если убить лягушку — пойдет дождь. И немало людей были твердо убеждены: смерть лягушки вызывает дождь. И ведь подтверждается примета! Правда, не всегда, но часто. Во всяком случае, чаще, чем это можно было бы отнести к совпадениям. Но какое же отношение имеют лягушки к дождю?

Возможно, тут отголоски древних верований о лягушке — хозяйке воды. Мы уже говорили об этих верованиях, можно добавить, что до сих пор кое-где люди еще верят, что лягушки вызывают дождь. Например, совсем недавно индейские племена, живущие по берегам реки Ориноко, во время засухи ловили лягушку или жабу, сажали ее в глиняный горшок, и, постукивая по нему прутиком, просили вызвать дождь. Другие племена, чтоб выпросить дождь, устанавливали чучело лягушки на вершине холма. Сложный ритуал, связанный с лягушками, способными вызывать дождь, существует до сих пор в Индии. Возможно, и эти поверья — отголоски древних языческих верований. Возможно, так можно объяснить происхождение приметы, существовавшей в России. Но может быть, примета, связанная с убийством лягушки и дождем, имеет другое происхождение.

Сейчас известно, что зеленые лягушки, обычно проводящие большую часть жизни в воде, перед дождем выбираются на сушу. На суше убить лягушку гораздо проще. И лягушек убивали либо из озорства, либо случайно, либо считая вредными. Но так или иначе,— часто после убийства лягушки начинался дождь. Ну как же не связать одно с другим? И эти два события действительно связаны. Но только в обратном порядке: не из-за убийства лягушки пошел дождь, а лягушка погибла потому, что вылезла из воды перед дождем и на берегу нашла свою смерть.

Как видим, это уже не случайные совпадения, когда связываются два совершенно разных явления. Тут явления действительно между собой связаны. Но только переставлены причины и следствия...

Перестановка причин и следствий очень характерна не только для ошибочных, но и для верных примет.

Вот еще пример: ласточки низко летают — быть дождю. Эта примета верная. Но дело все-таки не в ласточках. Дело в насекомых, которых ласточки ловят в воздухе. Перед ненастьем обычно повышается влажность воздуха, тонень-

кие крылышки насекомых намокают, тянут их к земле. Насекомые снижаются. Вслед за ними снижаются и ласточки. В хорошую погоду насекомые летают высоко — потоки нагретого воздуха поднимают их. И ласточки летают высоко. Но насекомые — крошечные, их не видно. А ласточек видно. Вот и родилась примета: — ласточки высоко — погода будет хорошая, ласточки летают низко — жди дождя. Опять — перепутаны причина и следствие.

А вот еще. Считают, что перед сильным дождем раки выбираются на берег и зарываются в песок. Заметив это явление, народ решил его использовать не в качестве «барометра», а для прекращения засухи. И во время длительной жары люди ловили в воде раков и зарывали их в песок. Люди рассуждали вполне логично: рак зарылся в песок — и пошел дождь, — это уже проверено. Значит, между поведением рака и ненастьем прямая связь. Все правильно. Лишь с одной поправкой: люди не учитывали, что не действия рака вызывают дождь, а приближающееся ненастье заставляет его закапываться в землю.

Немало примет, где перепутаны причина и следствие, увековечены даже в пословицах: «Галки тепло накликают», «Прилетела бы чайка — весна будет», «Журавль прилетел и тепло принес», «Прилетел кулик из-за моря — вывел весну из затворья», «Ласточка весну начинает и осень накликает», «Трясогузка хвостиком лед на реке разбивает» и так далее. Все правильно: чайка прилетела — и весна наступила; трясогузка появилась — и лед тронулся; с прилетом журавлей наступают теплые дни. Да, так, только все наоборот! Чайки действительно появляются с весной. Но весна наступает, конечно, не из-за их прилета, а они сами прилетают только весной. Реки вскрываются не из-за того, что прилетела трясогузка, а она сама прилетает лишь тогда, когда лед на реках трогается, и так далее.

Если внимательно понаблюдать за животными, которым народная молва приписывает способность «долгосрочных прогнозов», то легко убедиться, что сами животные часто отвергают незаслуженную «славу».

Так, например, считается: если осенью у зайца (имеется в виду, конечно, заяц-беляк) шерсть побелеет — скоро наступит зима. Конечно, после осени всегда наступает зима, это можно сказать и без зайца. И заяц-беляк всегда линяет к зиме — меняет окраску. Тоже факт неоспоримый. А вот

вопрос, скоро ли после линьки пойдет снег, спорный. Нередко осенью заяц уже перелинял, а снега нет. Задерживается снег, поздняя зима. Плохо тогда приходится косому. Знай он об этом — ни за что бы не торопился менять свою серую шубку на белую. Кусты облетели, травы нет, негде спрятаться и серому зайцу, а уж белому-то на черной земле совсем беда! Вот и жмется он к березкам. На их фоне заяц не очень заметен. И нередко долго приходится спасаться косому около берез. И хорошо еще, если это спасает его. А то ведь часто гибнут зайцы, поторопившись сменить шубу.

Какие уж тут приметы!

Вот так, неточно определив или даже перепутав причины и следствия, люди уверовали в эти и в другие приметы и дали им долгую жизнь. А ведь есть доказательства: сбывается примета. Ну, пусть не всегда, но все-таки...

В математике от перестановки слагаемых сумма не меняется — это общеизвестно. А вот в данном случае от перестановки слагаемых (причины и следствия) сумма — то есть вывод — порождает неверную примету, предрассудок. А он, в свою очередь, нередко берет под покровительство другие.

Вот еще один пример, связанный с мышами и крысами.

В античном мире верили, что эти грызуны обладают пророческими способностями. Видимо, ночной и «подпольный» образ жизни породил у людей веру в необычность и таинственность зверьков. А раз они необычны и таинственны, значит, способны на многое... Правда, уже тогда находились здравомыслящие люди, которые высмеивали эти предрассудки. Рассказывают такой случай: к известному римскому писателю и государственному деятелю Марку Катону (Старшему), жившему более двух тысяч лет назад, пришел перепуганный человек и рассказал, что видел сон, в котором крысы съели его сандалии. Он считал, что это дурное предзнаменование, и спрашивал, что ему делать. «Случай этот,— будто бы ответил ему Катон,— не предвещает ничего худого. Вот если бы не крысы съели твои сандалии, а сандалии съели бы крыс — другое дело».

В Древнем Египте считали, что мыши рождаются в земле, где-то в ее таинственных недрах, куда уходят покойники. Поэтому одно время богиня смерти изображалась

с мышиной головой, а встреча с мышью считалась очень дурным предзнаменованием.

Из Египта ли, из Древней Греции или из Рима — трудно сказать откуда, но вера в дурные предзнаменования, связанные с мышами и крысами, распространилась по всей Европе и жила очень долго. (Вспомним гоголевского городничего из «Ревизора», который, получив дурную для него весть, говорит, что недаром видел во сне крыс.)

Но существовали и другие поверья, рожденные, видимо, еще раньше и основывавшиеся на принципе «подобное — подобным». Мы уже говорили, что охотники и воины верили: крысы и мыши могут передать им свою ловкость, свою увертливость. Возможно, вера в «подобное — подобным» породила и убежденность, что мыши могут передать человеку крепость и силу своих зубов. Чуть ли не во всем мире существовал «зубной ритуал», связанный с мышами: выпавшие зубы люди забрасывали в мышиные норки или оставляли в таких местах, где их могли бы обнаружить мыши или крысы и помочь заиметь новые, очень крепкие зубы.

В России был широко распространен обычай: ребенка, у которого выпадал зуб, ставили спиной к печке, заставляли кинуть зуб через левое плечо и произнести заклинание: «Мышка, мышка, на тебе костяной зуб, а мне дай железный».

Но эти идущие от наших далеких предков приметы — невинные шуточки по сравнению с мышино-крысиной лечебной магией, родившейся в средние века и дошедшей чуть ли не до наших дней.

В переведенной с французского языка книге, вышедшей в России в 1900 году, утверждалось, например, что «крысы имеют лечебные свойства». И дальше без тени сомнения автор пишет: «Если крысу живую разрубить и приложить к телу, то это вытягивает занозы, острые стрелы из ран, яд скорпионов и другие ядовитые укусы. Если из крыс и мышей сделать золу и дать выпить ее детям, то они «не забываются» ночью. Эту золу должны давать тем, которые страдают недержанием мочи».

Существовало еще немало подобных «рецептов». Вот, например: «Если пережженными и смешанными с медом головками крыс намазать лысину, то вырастут волосы». Огромной силой, оказывается, обладал помет крыс: он

и от бородавок избавлял, и от мясистых наростов, и уничтожал камни в печени, и служил слабительным, и вылечивал от зуда, и так далее.

В конце прошлого века лейпцигская газета приводила случаи излечения от многих болезней «порошком из крыс и мышей, высушенных в печке, смешанным с рубленым яйцом».

Правда, в такие рецепты вряд ли верят сейчас даже те, кто еще пользуется услугами знахарей. Но в пророчество или предвидение мышей и крыс верят еще немало людей. И как доказательство приводят предсказания корабельных крыс.

Во всем мире еще совсем недавно было распространено поверье, что крысы заранее знают, какой корабль потонет, и еще до начала плавания покидают его (была и сейчас существует даже поговорка: «Крысы бегут с тонущего корабля»). И ведь действительно: известно немало случаев, когда прозорливость крыс подтверждалась — покинутый ими корабль погибал. Однако отважным, но наивным людям невдомек было, что прозорливость крыс имеет очень простое объяснение: небольшую течь, появившуюся в корпусе судна, люди не замечали или не обращали на нее внимания — воды до начала плавания попадало через эту течь немного. Но крыс, живших, как правило, в трюмах, вода беспокоила. И они покидали корабль.

Судно выходило в море с небольшой течью, которая при сильном шторме превращалась в гибельную. Получалось, что крысы действительно предсказали катастрофу.

Конечно, далеко не всегда сбывалось предсказание крыс — очень часто корабль благополучно приходил в порт назначения, и всю дорогу ему сопутствовала хорошая погода, или, несмотря на повреждение, корабль выдерживал шторм.

И не всегда крысы покидали корабль, который через несколько дней погибал: если не было течи, крысы не уходили на берег. А корабль мог погибнуть и налетев на рифы, подорвавшись на мине или разбившись о прибрежные скалы. Но достаточно было оправдаться одному предсказанию из десятка, чтобы вера в прозорливость крыс утвердилась.

Итак, перестановка слагаемых часто приводит к ошибочным, хотя и убедительным на первый взгляд выводам.

Естественно, что тут огромную роль играло и играет отсутствие подлинных знаний — главной причины существования предрассудков. Ведь именно знания могли бы объяснить таинственные и непонятные явления. Конечно, оговоримся сразу: нельзя требовать знаний от людей далекого прошлого. Но сегодня-то в нашем распоряжении могучий арсенал науки, способный многое объяснить. И тем не менее до сих пор пугают людей петухи, снесшие яйца, куры, кукарекающие по-петушиному, массовый лет стрекоз, приводящий к куриному мору.

О василисках мы уже говорили. Однако оставим в стороне жаб, змей, высиживающих этих василисков из яиц, и самих василисков — все это фантазии, порожденные страхом. Но толчком к фантазии был факт — петух снес яйцо. Явление казалось необычным, таинственным. Простых людей оно пугало, церковники использовали его в своих целях. И вряд ли сейчас кто-нибудь может подсчитать, скольким людям это стоило жизни, сколько бед и несчастий принесло оно.

Теперь мы знаем, почему петухи вдруг становятся несушками. Дело в том, что у всех животных в организме имеются железы, вырабатывающие гормоны — вещества, влияющие на развитие мужских и женских внешних признаков. Если нарушается нормальная работа желез, то в организме происходит замещение одних гормонов другими (в данном случае у петухов мужские гормоны заменяются женскими). И петухи начинают заниматься не своим делом — нести яйца.

Перерождение пола происходит в результате и некоторых инфекционных заболеваний. Тогда петухи тоже начинают нести яйца, а куры кукарекать. Это считалось плохим признаком. «У кого курица запела петухом — не перед добром»,— говорили в народе. Сейчас не только известны причины такого явления — в лабораториях легко меняют пол у птиц (а французский ученый Пезар изменил пол курицы лишь тем, что кормил ее только мясом). И это еще одно доказательство, что «злые силы» тут ни при чем.

Ни при чем злые силы и тогда, когда на куриное племя нападает мор в связи с пролетом стрекоз.

Время от времени стрекозы собираются в стаи, нередко в огромные, и совершают перелеты. (Иногда на сотни и даже тысячи километров, чаще — покороче.) Уже одно

это, как и перелеты бабочек, когда они летели по многу часов и, как свидетельствовали очевидцы, закрывали солнце, пугало людей. Пугало неожиданностью, необычностью (действительно, такое увидишь не часто!). А раз необыкновенное, таинственное, то, значит, что-то предвещает. Скорее всего, какую-то беду.

И ведь часто сбывались предсказания: через какое-то время после массового пролета стрекоз куры переставали нестись, а потом погибали. Примета верная? Да, факт налицо: стрекозы пролетели не к добру.

Ученые занялись курами, которые после пролета стрекоз перестали нестись. И обнаружили, что птицы больны, заражены глистами-трематодами. Тогда стали исследовать стрекоз, вернее, их личинки. И обнаружили, что они тоже заражены — в них находятся личинки трематод.

И тут все стало ясно: стрекозы не предвещают гибель птиц, а губят их. Склевывая личинки стрекоз, оказавшихся в мелких или пересохших водоемах, куры заражаются.

Итак, одна из причин появления предрассудков — просто незнание причин того или иного явления. А причина живучести предрассудков — якобы убедительное доказательство связи следующих одно за другим явлений. Ну и конечно, недостаточное знание человеком природы, его окружающей, и явлений, которые он наблюдал, но не мог объяснить.

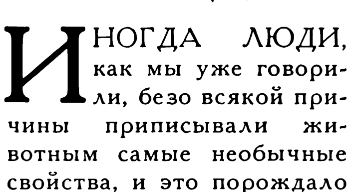

«Часы смерти», «мертвая голова» и «кровавые дожди»

Иногда люди, как мы уже говорили, безо всякой причины приписывали животным самые необычные свойства, и это порождало нелепые предрассудки. Иногда, об этом мы тоже говорили и еще будем говорить, предрассудки рождались в результате перестановки причин и следствий, а нередко повод для всяких поверий и примет давали сами животные. Повод этот — либо особая внешность, либо странное, с точки зрения человека, поведение, либо необычный образ жизни. Это относится к птицам и зверям, к земноводным и пресмыкающимся и

даже к насекомым. Например, есть такой жук — медляк. Нередко селится он в подвалах, погребах, под половицами деревянных домов. Жук этот практически безвреден, но как боялись его люди! (А некоторые и сейчас боятся.) Недобрая слава жука была настолько распространена во многих странах, что ему дали даже официальное имя — «предвещающий смерть». В России он зовется «вещатель». Ну, медляк — понятно: передвигается этот жук действительно медленно, степенно. А почему вещатель? Можно представить себе такое. Сидят люди в комнате, ничего не подозревая. И вдруг видят: по половице медленно движется что-то черное на длинных ногах. При свете лучины (тогда, когда появилась примета, связанная с жуком, конечно, не только электричества, но даже коптилок еще не было) он кажется особенно большим и зловещим. Жук пересекает комнату и исчезает, не подозревая, какое смятение в души людей он внес. Возможно, кроме мрачной внешности жука, пугало людей и то, что движется он очень медленно. Другие насекомые, если попадают на глаза человеку, стараются поскорее удрать, спрятаться. А этот нет, идет так, будто он не жук вовсе, которого ничего не стоит раздавить, а какое-то потустороннее существо или посланец злых сил, чувствующий свою защищенность.

Давно прополз жук, которому зачем-то понадобилось вылезти из подвала или из-под половицы, а люди долго еще остаются в тяжелом настроении, ждут несчастья. Как правило, все обходится хорошо, предсказания жука не сбываются. И люди скоро забывают о жуке. Но ведь бывает, что он появляется в доме, где кто-то тяжело болен. И вскоре человек умирает. Или с кем-то из живущих в этом доме происходит несчастный случай. И сразу вспоминают: «вещатель» приходил! То, что много раз он появлялся и его «предсказания» не сбывались — забыто, а вот один раз сбылось — и все, вера в «вещателя» укрепилась!

Еще больше боялись (и сейчас еще боятся) люди других жуков, которые издают звуки, напоминающие тиканье часов. Эти звуки так и назвали — «часы смерти». И беда действительно приходила, только совсем иная: через какое-то время выяснялось, что шкаф или стол испорчен — внутри стенок или ножек все превращено в труху. Вот этого-то действительно стоит опасаться. Что же касается «часов смерти», то правильнее их было бы назвать «часами

жизни». Ведь начинают «тикать часы» только тогда, когда у жуков наступает пора любви, приходит время обзаводиться потомством. Но для того чтобы завести потомство, надо найти подругу. А как ее найдет жук, если живет он внутри ножки стола или стенки шкафа один? Где она, дама сердца? Надо как-то сообщить ей о своем местонахождении и о желании вступить в законный брак. Но серенад петь эти жуки не умеют, вот и нашли выход: стучат головками о стенки прогрызенных ими ходов. Стучать жуки могут долго — пока дама не услышит этого сигнала, и делают это очень ритмично, будто действительно тикают часы.

Но если с «вещателями» и точильщиками люди разобрались быстро и легко разоблачали эти предрассудки, то с бабочкой, которая называется «мертвая голова» (в некоторых странах ее называют «адамова голова»), было гораздо сложнее. Она, как и «вещатель», считалась у многих народов Европы вестником смерти. Если бабочка влетит в комнату, значит, кто-то умрет, а уж если появится в комнате больного человека — он уже никогда не поправится. Крупная, сильная, влетев в комнату, она действительно может напугать уже одной своей величиной и стремительностью, к тому же крылья ее издают тихое, но внятное басовитое гудение.

Сидящая бабочка тоже производит гнетущее впечатление: на спинке ее, недалеко от головы,— белое пятно, явственно напоминающее череп. Но повод к легендам бабочка давала не только этим странным рисунком, своею величиной и стремительностью полета. Она еще и пищит! Самым настоящим образом. Двести с лишним лет пытались люди узнать тайну этой бабочки — каким образом она издает звуки? Надо ли говорить, какой суеверный страх вызывало насекомое, имеющее на спине рисунок черепа и скрещенных костей, да еще умеющее громко пищать! Причем бабочка пищит и в полете, и тогда, когда сидит. При испуге она начинает пищать особенно громко.

Насекомые, несмотря на все разнообразие звуков, которые они издают,— стрекотание, жужжание,— фактически существа немые — голоса, как такового, у них нет. Насекомые издают так называемые механические звуки. А для того чтобы издавать голосовые звуки, нужно иметь легкие и гортань. У насекомых нет ни легких, ни гортани — дышат они иначе. Значит, и голоса у них не может быть. И его

действительно нет ни у кого, кроме этой таинственной бабочки.

И вот в течение двух веков ученые, причем среди них были и очень крупные, пытались выяснить, как или чем поет «мертвая голова». Но тайну бабочки удалось открыть лишь менее пятидесяти лет назад. Оказалось, что эта бабочка единственная изо всех известных сейчас насекомых имеет особое устройство глотки. Когда «мертвая голова» втягивает пищу, глотка действует как насос; когда всасывает воздух, то есть когда насос начинает работать вхолостую, дрожит тоненькая пленочка, находящаяся в зобе — и тогда раздается довольно низкий звук; когда бабочка с силой выталкивает воздух, пленочка дрожит сильнее и слышится громкий писк, похожий на звук, издаваемый резиновой игрушкой.

Вот и вся тайна, хотя открыть ее было очень нелегко. Зато сейчас те, кто знает эту тайну, не только сами не пугаются «мертвой головы», но и другим могут объяснить, что нет никаких оснований бояться ее.

С бабочками связано еще одно суеверие, точнее, необычное явление, приводившее в ужас людей и дававшсе повод церковникам еще больше укреплять веру. Речь идет о так называемых «кровавых дождях».

«Кровавые дожди» — явление необычное. Они производят сильное впечатление даже на людей, знающих истинную причину этого явления. Что же говорить о далеких временах, когда наши предки не могли объяснить и более простые явления! А уж «кровавый дождь» — это явно «божье знамение», предвещающее несчастье. В этом никто не сомневался

В средние века церковники придавали «кровавым дождям» такое значение, что на место их выпадания немедленно выезжала специальная «комиссия», состоящая из высокопоставленных представителей духовенства, и вела тщательное расследование. Правда, выводы всегда делались одинаковые: либо «кровавые дожди» были «наказанием божьим» за грехи (и тогда надо вымаливать прощение), либо оказывались проделками колдунов и ведьм — и тогда сжигали на костре десяток-другой служителей дьявола (и опять-таки людям надо было истово молиться, прося о пощаде).

«Кровавые дожди» заносили в летописи, и сейчас мы

можем точно представить себе, что творилось после этого «божьего знамения».

Вот короткий рассказ об одном из «кровавых дождей», прошедших лет триста назад в Прибалтике.

Тысячи богомольцев из ближних и дальних деревень собрались вокруг монастыря, чтобы выпросить у бога урожай: лето выдалось на редкость засушливое и хлеба́, что называется, горели. Вдруг подул ветер, налетели тучи. Крики радости вырвались у людей, но, когда упали первые капли дождя, радость сменилась ужасом: одежда и лица людей покрылись кровавыми пятнами. В панике не заметили люди, что испачканы «кровью» лишь те, кто стоял под деревьями. Люди падали на колени, воздевая к небу руки, моля о пощаде. Много дней молились крестьяне, но бог не простил грехи — видимо, слишком велики они оказались. К концу лета весь урожай погиб, тысячи крестьян были обречены на голодную смерть.

Весть об этом «кровавом дожде» мигом облетела почти всю Европу. А как же иначе — пугало не только само явление, но и его последствия. Бог не только предупредил, но и жестоко наказал грешников. Связь самая прямая!

Связь между этими явлениями была действительно самая прямая, но не та, о которой гудели колокола, провозглашали священники и в которую верили люди.

Виною «кровавых дождей» является бабочка боярышница. При появлении из куколки бабочка выделяет небольшую капельку красной жидкости. Капелька засыхает на ветке или листочке. Если бабочек много, то и засохших капелек оказывается много. Если же долго нет дождей, краска не смывается с деревьев и может покрыть их чуть ли не сплошным слоем. И потом достаточно даже маленького дождя, чтобы на тех, кто находился под деревьями, упали красные, или «кровавые», капли.

Этот дождь — первая часть трагедии, «божье знамение». А вторая часть, как правило, неурожай, голод.

Гусеницы боярышницы живут на яблоне, груше, сливе, черешне и других деревьях. Если гусениц очень много, деревья гибнут.

Ну а что касается хлебов — так мы все время говорили о засухе. Она-то и губит урожай. И без «кровавых дождей» недород или полный неурожай все равно был бы (кратковременный дождь не спас бы положения).

Конечно, не всегда «божье знамение» сбывалось. Но достаточно сбыться одному «предсказанию», чтобы вселить на долгие годы суеверный страх перед «кровавыми» и другими цветными дождями.

Причиной «кровавых дождей» бывают не только насекомые, но и простейшие животные, окрашенные в красный цвет. Появляясь иногда в больших количествах в водоемах (кстати, названием своим им обязано и Красное море), они поднимаются вверх ураганами и смерчами вместе с водой, а затем потоками воздуха переносятся на большие расстояния,— и где-то выпадают «кровавые дожди».

«Кровавыми» бывают не только дожди — бывает и «кровавый снег», который, конечно, тоже служит «предзнаменованием» какой-то трагедии. Причины «кровавых снегопадов» различные. Например, снег красного цвета, выпавший в июле 1941 года в Омской области, содержал большое количество метеоритной пыли. Нередко снег окрашивается тончайшей пылью, подхваченной сильным ветром в песчаных пустынях и занесенной на много десятков, а то и тысяч километров, как это произошло, например, в 1960 году в Антарктиде, в районе станции Лазаревская. Однако в большинстве случаев снег становится красным от присутствия в нем крошечных существ — полуживотных, полуводорослей. Зимой эти существа как бы замирают, но с наступлением тепла начинают быстро размножаться и размножаются в таком количестве, что своим присутствием окрашивают снег.

Красный снег нередко выпадал в горах Средней Азии и Кавказа и всегда порождал множество толков, суеверных страхов. Даже в 1959 году, когда такой «кровавый снег» выпал в районе Тбилиси, он вызвал много разговоров. Что же требовать от людей прошлого века, не говоря уже о жителях более раннего периода?

Ведь не знали же они тогда, что причиной «кровавого снега» являются крошечные зародыши одноклеточной водоросли — снежного первопузырника. Принесенные тучами, зародыши падают на снег, быстро прорастают, образуя на снегу «кровавые» пятна.

Растения, точнее, их пыльца также часто служит причиной цветных дождей. Весной 1954 года в районе американского города Давенпорт выпал «голубой дождь». Это явление привлекло внимание многих ученых, но еще больше заин-

тересовало оно священников. И пока ученые исследовали дождевые капли (впрочем, не так долго), священники уже успели оповестить своих прихожан о «знамении божьем». Однако им скоро пришлось замолкнуть, так как выяснилась истинная причина «голубого дождя». Ею оказалась пыльца американского тополя и вяза, поднятая ветром в воздух. Нередко выпадают и «желтые дожди», окрашенные тоже пыльцой деревьев.

Издавна в России существовала дурная примета — «серный дождь». Правда, примета эта, если не считать случайных совпадений, никогда не оправдывалась. Тем не менее она была очень живуча: уж слишком необычно явление, и оно не может быть «просто так».

Действительно, «серный дождь» производит странное впечатление — после него все вокруг желто: и земля, и ручейки, и лужи покрыты желтым налетом — «серой». (Кстати, «сера» здесь, очевидно, имелась в виду не как минерал, а как какое-то волшебное или, скорее, дьявольское зелье.) Но не обращали люди внимания на то, что «серные дожди» идут почему-то только весной и проходят лишь над сосновыми лесами.

В другое время и в другом месте такие дожди выпасть не могут, потому что причина их заключена в самих соснах, точнее — в их пыльце. В годы, когда сосна сильно цветет, капли дождя, прошедшего над сосновым лесом, окрашиваются в желтый цвет, дождь прибивает пыльцу к земле, она оседает на воду и создается полное впечатление, что сам дождь был желтый, «серный».

Можно еще рассказать о «молочных дождях», когда капли окрашены тончайшей меловой пылью, о «чернильных дождях», когда темный цвет каплям придают одноклеточные животные, попавшие в тучу. Все они, как правило, если и не вызывали панику, то разговоры вызывали. Но секрет их, как видим, раскрыт.

О тех, за убийство которых прощали сорок грехов

Разговор здесь пойдет о восьминогих страшилищах, «чудовищах», которые многим внушают страх, к которым большинство людей относится с предубеждением, которых нередко считали и считают виновниками гибели скота и других несчастий. Когда-то за убийство этого животного прощали сорок грехов! Короче, речь пойдет о пауках. (Вот

раздолье для разных преступников было — греши сколько хочешь, только иногда убивай одного-двух пауков.)

Правда, некоторые народы к паукам относились иначе. Например, у мусульман существовало поверье, что паук спас когда-то от недругов Магомета — заплел паутиной вход в пещеру, где спрятался Магомет, и враги решили: если на входе паутина цела — значит, там никого нет. С тех пор мусульмане очень уважают паука и убийство его считают большим грехом. Подобное предание существовало и у японцев — таким же образом паук спас их легендарного героя Иороитомо, а в итальянском фольклоре это же рассказывается о спасении святого по имени Феликс.

Видимо, пауки издавна занимали людей. Найдены даже изображения пауков среди наскальных рисунков. Но одно дело — внимание, другое дело — знание: внимание-то было, а вот знаний — нет.

То, что о жизни пауков ничего не знали люди далекого прошлого,— это понятно. То, что о пауках почти ничего не знали люди, в том числе и ученые, и в более поздние времена,— тоже можно понять. Но ведь о пауках очень мало известно подавляющему большинству людей даже сейчас.

Следствие этого незнания — множество предрассудков, из-за которых пауков боятся и уничтожают.

Пауки распространены по всему миру. Даже в Гренландии, где климат очень суровый, ученые обнаружили около 60 видов пауков. В Скандинавии пока обнаружено около 350 видов пауков, в Англии — более 500, во Франции их насчитывается уже около 1500 видов. Столько же примерно их и в СССР.

Чем теплее климат страны, тем больше пауков. В Бразилии, например, зарегистрировано 2,5 тысячи видов. А вообще сейчас известно около 27 тысяч видов пауков. Но вероятно, их гораздо больше — ведь паучиное племя еще до конца не изучено. Тем более что нередко живут они в самых необычных местах. Например, паук был обнаружен на одной из вершин Эвереста, на высоте 7300 метров (это — рекорд: выше не находили еще ни одно живое существо). Видимо, живут они и в других подобных местах, могут подолгу (до полутора лет) голодать, пробавляясь случайно занесенными ветром насекомыми.

Живут пауки и в безводных пустынях, и в глубоких,

труднодоступных для человека пещерах, и даже в воде. Правда, под водой живет только один паук — знаменитая серебрянка. Но пауков, так или иначе связанных с водой, в том числе и с соленой, насчитывается несколько десятков видов. Нет пауков только в Антарктиде и на Крайнем Севере.

Пауки очень разнообразны по величине, окраске, форме тела. Есть мелкие, менее миллиметра в длину, есть гиганты, туловище которых достигает 11 сантиметров, а вместе с ногами и все 20. Встречаются скромно окрашенные пауки, невзрачные, а есть «щеголи» — красные, зеленые, желтые, розовые, пятнистые, желто-белые, зелено-желтые и так далее. Можно встретить очень вытянутых пауков, на теле которых имеются причудливые выросты или длинные шипы, есть сильно уплощенные, есть такие, которых с трудом отличишь от жуков или муравьев. И все-таки пауки, несмотря на все их разнообразие, очень схожи. Как метко заметил советский ученый В. Б. Ланге, «паук — всегда паук».

Пауков очень долго объединяли с насекомыми. Лишь в середине прошлого столетия было окончательно признано, что пауки — отнюдь не насекомые. Известно, что насекомые имеют три основных признака: четко обозначенные части тела (голову, грудь и брюшко), шесть ног и насечки на теле.

У пауков же голова и грудь срослись, образовав так называемую головогрудь, а брюшко соединено с головогрудью тоненькой «талией» — стебельком, как говорят ученые. Легко убедиться, что и ног у пауков не шесть, а восемь. Наконец, у них нет насечек на теле. Нет и еще одного важного, хотя и не столь характерного признака насекомых — усов. Зато есть хелицеры — острые крючья. Пауки с их помощью перетаскивают коконы, разминают пищу, перерезают нити паутины. В общем — почти руки.

Необычны у пауков и глаза — их, как правило, восемь. Шести- четырех- и двуглазые и слепые (живущие в пещерах) пауки — исключение.

И еще много необычного у пауков. Но все-таки самое интересное у них — паутина. Она и создала славу паукам. В сознании людей издавна паук и паутина неразделимы. Настолько неразделимы, что в Древней Греции даже существовала легенда о прекрасной прядильщице по имени

Арахна (по-гречески «арахна» — «паук»), которая на состязании по прядению превзошла саму Афину. За неслыханную дерзость (шутка ли — не только состязаться с богиней, но и превзойти ее!) мстительная богиня превратила Арахну в паука, вечно ткущего паутину. И когда знаменитый шведский ученый Карл Линней создавал свою «Систему», он, хотя и считал пауков насекомыми, все-таки выделил их в особую группу и назвал пауков и всех паукообразных арахнаидами.

Паутина интересовала людей издавна. И пожалуй, наибольший интерес среди ученых вызывала летающая паутина. Уже Аристотель обратил на нее внимание. И со свойственной ему прозорливостью сделал вывод, что производят эту паутину пауки. Его ученик Теофраст развил эту мысль дальше: он установил, что появление летающей паутины предвещает наступление холодов. (Действительно, расселение пауков по воздуху происходит в конце лета — начале осени.)

Однако прошло много веков, пока ученые, несмотря на все их уважение к Аристотелю, окончательно поверили в то, что летает действительно паутина. До этого чем только не считали летающие нити! Еще в I веке нашей эры знаменитый писатель и ученый Плиний Старший предположил, что нити — это какой-то особый дождь, другие считали, что это испарение росы, третьи утверждали, что, напротив, это засохшая роса. Даже через полтора с лишним тысячелетия после Плиния знаменитый английский ученый Роберт Гук докладывал Британскому Королевскому обществу (Академии наук) о том, что летающая паутина и облака, вполне возможно, состоят из одного и того же вещества.

А еще почти столетие спустя другой английский ученый утверждал, что летающие нити — это «выпот сосны».

Даже в XIX веке считали, что летающая паутина — не что иное, как особый вид тягучего материала, сгущенного лучами солнца. А почти в наше время — во время второй мировой войны — английские военные власти приняли однажды летающую паутину за какое-то новое химическое оружие противника.

Но даже после того как ученые убедились: летающая паутина — продукция пауков, они долгое время не могли поверить, что паутина служит паукам и как «средство

передвижения» — с ее помощью расселяется паучья молодь. Была выдвинута такая теория: паутина вытягивается из паука «солнечной теплотой», поскольку заряжена «отрицательными электронами», в то время как почва — «положительными». Была еще теория, согласно которой паук выпускает сильную струю газа и взлетает. Газ, затвердевая на воздухе, превращается в паутину. Были и другие замысловатые теории. И все они, конечно, даже не приближались к истине.

Впрочем, научные споры вызывала не только летающая паутина, но и ловчие сети пауков. Точнее, возможность практического использования этой паутины. Мы не знаем, кто, где и когда обратил внимание на эти удивительные нити и кому первому пришла в голову мысль использовать их. Может быть, ими заинтересовались в очень далекие времена наши предки? Во всяком случае, известный русский путешественник и исследователь Н. Н. Миклухо-Маклай сообщал, что жители островов Тихого океана, находившиеся на крайне низкой ступени своего развития, использовали крупных пауков для изготовления рыболовных сетей. Они приносили в лес специально сделанные рамки, пауки их скоро отыскивали и очень быстро сплетали на них паутину. Человеку оставалось лишь снять уже готовую и очень надежную сеть: одна паутинка такого паука может выдержать нагрузку в 90 граммов, а вся сеть — в 3—5 килограммов. Очевидно, жители островов пользовались такими сетями испокон веков, хотя невозможно сказать, им ли принадлежит первенство применения паутины для этих целей, ведь примерно так же использовали паутину и некоторые племена, жившие на территории теперешнего Парагвая. Возможно, что такими сетями люди пользовались еще на заре охоты и рыболовства.

Паутину применяли не только для рыбной ловли. В Китае издавна существовал промысел — изготовление из паутины изумительного по красоте, тонкости и прочности материала, который в Европе получил название «сатин восточного моря». До нашего времени дошли картины, сделанные древнекитайскими художниками на тончайших полотнах, вытканных из паутинных нитей. Впрочем, не только древнекитайские художники использовали для своих полотен «произведения» пауков: еще сравнительно недавно, лет 250—300 назад, в Тирольских Альпах суще-

ствовал народный промысел — изготовление картин на паутине.

Можно привести и другие примеры того, как люди пытались использовать паутину. Например, в самом начале XVIII столетия некий Бон де Сент-Илер (не надо его путать с известным ученым Жоффруа Сент-Илером) представил во Французскую академию наук труд, который назывался «О пользе паучьего шелка», и приложил к нему пару перчаток и пару чулок, сделанных из паутины.

С тех пор постоянно делались попытки использовать паутину в качестве материала для тканей. Опытные образцы изделий из «паучьего шелка» (перчатки, панталоны, отрезы) были легки, красивы, прочны. И нашлись энтузиасты, которые решили поставить дело на «промышленную основу». Но так как один паук за всю жизнь дает всего немногим больше 30 миллиграммов паутины, то для получения килограмма ее нужно заставить работать без передышки 30—35 тысяч пауков. Практически же, как считали ученые, чтобы собрать килограмм паутины, потребуется активная работа не менее полутора миллионов пауков. Конечно, такие темпы не устраивали фабрикантов «паучьего шелка» и они решили создать специальные фермы, чтобы поскорее получить этот необыкновенный материал. А он действительно необыкновенный.

Начнем с того, что у каждого ткущего сеть паука по крайней мере пять или шесть видов паутины: прямая и гофрированная, липкая и сухая, тонкая и толстая. Каждую нить производит специальная бородавочка — паутинная железа, находящаяся на конце брюшка. Раньше считали, что у паука в брюшке что-то вроде катушечки, на которой намотана уже готовая нить. Потом поняли: желёзки вырабатывают особую жидкость, которая через тоненькую хитиновую трубочку выводится наружу и моментально затвердевает. Однако дело не только в разных видах паутины: паутинная нить крепче стальной проволочки того же диаметра и равна по прочности самой крепкой нейлоновой нити.

Однако все попытки людей получить этот прекрасный материал в больших количествах были обречены на провал. Рассчитав как будто бы все, все оценив и проверив, люди не учли лишь одну «мелочь» — то, что пауков надо кормить.

В Европе основная пища пауков — комары и мухи. Значит, создав одну паучью ферму, надо дополнительно создать несколько десятков ферм по выращиванию мух и комаров. Но это совершенно нереально. И людям пришлось отказаться от использования пауков как производителей шелка. Правда, сейчас делаются попытки приучить пауков к искусственной пище (по аналогии с шелковичными червями, которые уже прекрасно живут на такой еде). Но удастся ли благодаря этому разводить пауков на фермах — сказать трудно.

Однако люди пытались использовать пауков и паутину задолго до того, как придумали ткать материю из паутинных нитей. Паутину применяли и как лечебное средство. Например, очень распространен был паутинный пластырь. Его применяли для остановки крови и для быстрого заживления ран. Сейчас ученые, исследовав паутину, пришли к выводу, что она действительно обладает лечебными свойствами, в частности убивает некоторые бактерии. Но для этого можно пользоваться лишь стерильной паутиной. В природе же практически такой паутины не бывает — она всегда покрыта пылью, всегда грязна и, конечно, не может произвести нужного действия. Тем не менее паутине приписывали (и некоторые люди верят в это до сих пор) самые чудодейственные свойства, считали, что она излечивает от очень многих болезней. Но если паутине приписывались лечебные свойства, то самих пауков очень боялись.

О поголовной ядовитости пауков писали греческие и римские ученые еще в первые века новой эры, об этом уже с уверенностью говорили арабские ученые в конце прошлого тысячелетия, а позже в этом как будто уже никто и не сомневался. Убежденность в ядовитости всех пауков была настолько сильна, что многие считали: одно лишь присутствие паука где-то поблизости может вызвать болезнь. А уж укус его наверняка смертелен.

Правда, некоторые ученые пытались снять ложные обвинения с пауков. Однако другие немало потрудились над тем, чтобы окружить этих животных новыми легендами. И если одними было доказано, что пауки не вызывают болезней, то другие доказывали, будто они избавляют от хворей. До нас дошли рецепты использования пауков в лечебных целях. В одной старинной книге было сказано, например: «Паук останавливает приступы перемежающейся

лихорадки, если его раздавить и приложить к ладони или к обоим вискам или же если его живым запереть в ореховую скорлупу и повесить на шею или на руку больному». Такие рецепты были широко распространены. Имелись и другие: «Возьми живого паука, залепи его осторожно мякишем хлеба, но так, чтобы не повредить его, и дай пациенту проглотить». Этот рецепт взят из лечебника XVII века!

А вот еще очень «дельный» совет: «Паука слегка придави и положи в изюминку, или кусочек масла, либо хлебного мякиша».

Считали, что такое «лекарство» помогает от многих болезней, особенно от малярии. И пользовались такими «лекарствами» вплоть до открытия хинного дерева.

Но и потом, когда уже перестали применять подобные средства, пауки продолжали занимать прочное место в медицинской магии — даже просто изображение паука, как считали, лечит или предохраняет от болезней. Поэтому пауков вырезали из ценных камней, делали их из благородных металлов и носили как амулеты и украшения.

Это, конечно, предрассудки. Но пауки действительно уже помогают врачам. Например, они дали медикам довольно сильное оружие, помогающее выявлять преступников.

Началось все почти с анекдота: ученый, занимавшийся пауками, любил поспать. А пауки, за которыми он наблюдал, как назло, просыпались чуть свет и сразу начинали свою работу. Наконец ученый решил «перевоспитать» пауков — он стал давать им небольшие дозы снотворного, надеясь, что пауки будут спать дольше. Пауки действительно стали просыпаться позднее, но, проснувшись, начинали вести себя необычно, вернее, начинали плести необычные сети. Ученый был человеком пытливым — он решил проверить, что это значит, и стал давать паукам различные лекарства, наркотики. И всякий раз пауки делали сети с разными рисунками, причем каждый рисунок всегда соответствовал накануне полученному медикаменту. И тогда стало ясно, какую помощь могут оказать пауки врачам и судебным экспертам. Ведь бывает так: умер человек, а причину гибели установить не удается. Похоже, что отравился, но это надо еще доказать. И надо узнать, чем именно отравился или отравлен человек. И тут на помощь экспертам приходит паук. Ему дают еду — впры-

скивают из шприца на паутину капельку жидкости, в которую добавлена кровь умершего, и паук, принимая каплю за попавшее в паутину насекомое, бросается на нее. Или опускают на паутину пропитанную в соответствующем растворе муху. После этого внимательно следят, какую паук начинает плести сеть. «Каждое лекарство заставляет паука плести вполне определенную паутину с характерным отклонением от нормы»,— пишет современный ученый Н. Тинберген. Иными словами, даже самого маленького количества яда или какого-нибудь лекарства для паука достаточно, чтоб сеть его стала необычной. У медиков есть специальные альбомы с фотографиями паутин, сделанных пауками после принятия крошечных доз различных препаратов. Паутину «экспертов» сравнивают с фотографиями из этих альбомов, находят схожую и получают точный ответ, отравлен ли человек, а если отравлен, то чем. Н. Тинберген считает, что рисунок паутины позволяет определить препарат намного быстрее, чем длительный лабораторный анализ.

Конечно, со временем люди смогут обойтись без пауков в этом деле. Но пауки тем не менее не останутся без работы: уже сейчас они начинают «делать карьеру» еще в одной области медицины. Многие ученые считают, что некоторые психические расстройства людей сопровождаются биохимическими изменениями клеточной жидкости или крови. Биологи и медики предполагают, что, если дать пауку капельку крови или клеточной жидкости такого больного человека, паук прореагирует на это формой или рисунком паутины. И если это подтвердится, ученые смогут быстро и точно определять, чем болен человек (нередко трудно распознать степень психических и нервных заболеваний). Мало того, благодаря паукам врачи смогут решать, как действует на больного лечение.

Но очевидно, и это не последнее, чем могут помочь пауки медикам,— по-настоящему врачи только начинают прибегать к помощи пауков. («Лечебные» пилюли с замурованными в них пауками — не в счет.)

Например, сейчас внимательно изучают яды пауков. Сыворотку, которую применяют против укуса ядовитых пауков, изготавливают из яда тех же самых пауков. Этим ученые занимаются уже давно (в частности, в нашей стране разработана и с 1939 года успешно применяется в Средней

Азии антикаракуртовая сыворотка). Но сравнительно недавно были открыты лечебные и болеутоляющие свойства паучьего яда. В изучении целебных свойств ядов пауков сделаны лишь первые шаги. И трудно сказать, какие новые (и, возможно, очень важные) открытия сделают в этой области медики и биологи.

А вот над раскрытием другой тайны пауков и некоторых паукообразных ученые работают уже достаточно давно. Но она пока еще не разгадана. Речь идет о пауках тарантулах и паукообразных, которых мы все знаем под именем сенокосцев или косиножек.

У этих существ сердце — примитивная мускульная трубка, которая тем не менее сжимается 30—50 раз в минуту в покое и 400 раз во время бегства или драки. Оно-то, как и вся система кровообращения пауков, особенно интересует ученых. Дело в том, что у некоторых пауков на ногах есть только сгибающие мышцы. А разгибает их... гемолимфа (жидкость, заменяющая кровь у некоторых животных). Ноги этих пауков — как бы пустые трубки, в которые под давлением поступает кровь, и они, подобно шлангу, когда в него под сильным напором подают воду, распрямляются. В это мгновение паук делает шаг или прыжок. Затем кровь быстро отступает, понижается давление, и уже действуют сгибающие мышцы. Потом опять повышение давления, приток гемолимфы, и снова паук делает шаг или прыгает. Это совершенно уникальный случай, когда животные молниеносно повышают свое кровяное давление в два раза и так же молниеносно снижают его. Объяснения этому явлению пока нет. Но ученые должны найти объяснение: ведь если будет разгадан секрет ног тарантула или косиножки, то врачи, возможно, получат могучее средство для борьбы с такой опасной болезнью, как гипертония, от которой страдают многие люди.

Однако все, о чем мы говорили, лишь факты использования пауков в практических целях. Но нам хотелось не только рассказать об этих фактах, но и показать, насколько еще мало изучены пауки и как они интересны сами по себе. А теперь о самом главном: о месте пауков в природе. Может быть, точнее даже — об их роли в биологическом равновесии природы.

Начнем с того, что пауки очень прожорливы: некоторые ученые считают, что в погожий день с рассвета до заката

один паук съедает 500 насекомых (главным образом мух). Пусть эта цифра завышена, пусть даже дневная норма паука в десять раз меньше — 50 мух. Вычтем ненастные дни, какие-то непредвиденные обстоятельства, починку сетей и еще сократим дневной рацион пауков на пятьдесят процентов, оставим ему по 25 мух на день.

А теперь другие цифры. Специалисты считают, что на одном гектаре леса в Англии живет 5 миллионов пауков, в средней полосе Европы и Америки их примерно 7—8 миллионов, а в тропиках — 250! Возможно, это слишком завышенная цифра. Сократим число пауков хотя бы в средней полосе Европы и вместо 8 миллионов оставим только 2 миллиона или даже миллион. Теперь помножим это количество на ежедневную добычу одного паука. Получается по нашим скромным подсчетам 25 миллионов. Такое количество насекомых ежедневно уничтожает паучье население только на одном гектаре леса.

Сейчас уже ни у кого из специалистов нет сомнений, что пауков надо охранять. Что же касается опасности, то среди пауков в нашей стране есть лишь один по-настоящему ядовитый и опасный паук — каракурт. И надо, чтоб об этом знали не только специалисты.

Человек должен, просто обязан преодолеть свое предубеждение в отношении этих животных. Мы еще вернемся к разговору о пауках и представим новые доказательства того, что к ним необходимо относиться хорошо!

Друзей любят не за красоту

ВОТ УЖ КОМУ НЕ ПОвезло, так это жабам! Правда, когда-то у некоторых народов жаба пользовалась уважением, поскольку, как мы помним, принимала участие в создании Земли. Но эти золотые для жаб времена давно прошли. И на протяжении веков почти повсюду люди относились к жабам отрицательно — их презирали за отвратительную внешность и боялись, поскольку приписывали им различные отрицательные свойства и качества. И в то же время существовало немало

легенд о чудодейственных снадобиях и эликсирах, приготовленных из жаб.

Не было, пожалуй, знахаря или колдуна, шарлатана-аптекаря и жулика-лекаря, которые так или иначе не использовали бы в своей практике этих амфибий. Еще в древних лечебниках имелось множество рецептов приготовления лекарств из жаб. Впрочем, такое не было редкостью и в более близкие времена. Например, в середине XVIII века в очень популярном во Франции лечебнике сообщалось: «Жаба — отвратительное животное. Бывают жабы водяные и наземные, последние более употребительны в медицине, потому что содержат больше летучей соли, чем первые. В июле месяце жаб накалывают на острую палку головой или шеей и высушивают на воздухе как для внутреннего, так и для наружного употребления, потому что после смерти они не ядовиты, так же как гадюки».

В другой книге, изданной тоже во Франции позднее, дается уже более точный рецепт того, как и для чего применять высушенных жаб: «Высушенную жабу прикладывают по бокам живота на чумные опухоли, вымочив ее слегка в уксусе для лучшего привлечения яда. Она так хорошо действует, что видно, как они (опухоли.— *Ред.*) опадают. Она же входит в амулеты, которые носят для того, чтобы изгнать заразу из воздуха».

А вот рецепт уже XIX века: «Жаба немедленно останавливает кровотечение из носа, если ее приложить за уши или держать, зажав в руке, до тех пор, пока она согреется, или положить под мышку, или повесить на шею больного».

Не так уж сложно представить себе, как поступали с жабами педантичные немецкие провизоры прошлого века, готовя снадобья по такому рецепту: «Пепел или сушеная жаба, надетая на шнурке на шею так, чтобы не касаться желудка, совершенно вылечивает от недержания мочи. Порошок приготовляется просто растиранием сушеной жабы, но поджаренная жаба действует лучше».

Суеверия, связанные с жабами, бытовали и в Англии, и в Италии, и в Испании, и во Франции, и в России, причем бытовали еще сравнительно недавно. Вот как солидный лечебник, изданный в Италии всего несколько десятилетий назад, советовал готовить снадобье: «Кипятите трех или четырех жаб в течение часа в полутора фунтах оливкового масла, потом процедите масло и берите его для сведения

пятен с лица и для уничтожения застарелых нарывов».

Мы не знаем, кто составлял подобные лечебники — может быть, известные и признанные в то время врачи (хотя вряд ли), может быть, шарлатаны, но факт, что такие лечебники существовали и ими широко пользовалась просвещенная публика. А уж колдуны и знахари безо всяких лечебников толкли и сушили, терли и варили несчастных жаб. И народ верил в снадобья и охотно употреблял их, так же как безоговорочно верил во «вредность» самих жаб и безоговорочно уничтожал их.

Но не только малограмотные знахари, аптекари-шарлатаны и необразованные люди так считали.

«Это животное совершенно холодное и влажное, все отравленное, ужасное, противное и вредное. Когда животное это дразнят, то оно приходит в такой гнев, что если может, то брызгает на человека своими накожными выделениями или отравляет его своим ядовитым, вредным дыханием. Съеденная жаба вызывает смерть, дыхание ее и взгляд также вредны, от них человек бледнеет и обезображивается...» Но это еще не все! «Иногда случается, что по неосмотрительности вместе с водою или другими напитками проглатывают несколько яиц жаб или лягушек, и яйца превращаются в лягушек или жаб уже в желудке. Это ужасно!»

Приведенные слова принадлежат не какому-нибудь невежде или шарлатану — они принадлежат одному из крупнейших зоологов XVI века, человеку энциклопедических знаний и блестяще образованному швейцарскому ученому Конраду Геснеру. Ну, если так считал сам Геснер, то чего же требовать от других его современников? И не только современники Геснера испытывали отвращение к жабам и суеверный страх перед ними. В начале нашего века французский ученый Арман Лейриц писал: «Даже натуралисты, не отступающие ни перед чем, всегда проявляли некоторое отвращение к ближайшему наблюдению жаб».

Трудно сказать, почему к жабам было такое отношение. Может быть, потому, что многие люди считали и считают их некрасивыми. Но ведь это понятие относительно. Есть и такие, которым жаба нравится. Но даже если и некрасивая, разве можно исходить только из этого? Если оценивать животных только по внешности, то половину полезных и нужных людям животных следовало бы унич-

тожить — они, с нашей точки зрения, не отличаются красотой. И наоборот, многих вредящих нам охранять, так как они, на наш взгляд, очень красивы.

Жабы — животные ночные. Днем их можно увидеть только во время дождя или вскоре после него. А ночью выбираются они из своих укрытий и начинают «работу».

Люди часто путают жаб и лягушек. А отличить их легко. Сидящую жабу можно узнать по посадке — голова ее всегда ближе к земле, чем у лягушек. Так как большинство насекомых, на которых охотится жаба, бегает или ползает по земле, то она и смотрит в землю. А лягушка наоборот — охотится в основном за летающими насекомыми, поэтому голова ее поднята вверх.

Иногда кажется, что у лягушек разница в длине передних и задних ног не больше, чем у жаб. На самом же деле как раз наоборот: у жаб задние ноги не такие длинные, как у лягушек. Это сказывается и на «походке»: лягушки прыгают, отталкиваясь длинными и сильными задними ногами, а жабы делают короткие неуклюжие прыжочки, да и то редко. Обычно ходят. Правда, при необходимости могут побежать и рысью, но лишь в самых крайних случаях.

Обычно жаба медленно двигается по своему охотничьему участку, внимательно обследуя его. Таким охотничьим участком может быть и огород, и сад — и тут жаба отличный сторож. Конечно, против тех, кто выдергивает морковку или срывает чужие яблоки, она бессильна, но от слизней и вредящих насекомых она охраняет надежно. До утра будет ходить жаба дозором вдоль грядок, и, сколько за это время всяких тварей уничтожит, трудно сосчитать. Даже если очень внимательно следить за жабой, невозможно увидеть, как и что она ест: жаба молниеносно выбрасывает свой длинный клейкий язык и так же молниеносно втягивает в рот вместе с пойманным насекомым. Проглатывает она его тоже с необычайной скоростью — человеческий глаз не в состоянии уследить за этим: жаба делает примерно 4000 жевательных движений в минуту.

Конечно, как ест жаба, удалось узнать недавно, когда люди получили возможность исследовать животных с помощью самых совершенных приборов и аппаратов. Но о пользе жаб было известно и раньше. И те люди, которые не были заражены предрассудками, очень уважительно

относились к жабам. В России, например, жаба была желанным гостем на огородах и в садах, крестьяне даже специально приносили жаб из лесу. В Англию, где жаб было мало, их привозили из Франции и продавали за большие деньги (в Париже в прошлом веке даже был специальный рынок жаб).

И тем обиднее, что многие люди так скверно относятся к жабам. А ведь у жаб, кроме людей, и без того множество врагов. Считается, что «жабий век — сорок лет», то есть теоретически жаба может прожить четыре десятка лет. Практически же жабы живут во много раз меньше и редко доживают до старости.

У головастиков жаб врагов тоже много — пожалуй, даже больше, чем у других земноводных: очень уж маленькими, беспомощными и беззащитными появляются они на свет. С ними справится даже тот, кто не одолеет головастика лягушки.

Маленькие жабочки, в которых превращаются уцелевшие головастики, еще более беспомощны: головастики хоть проворны — жабочки даже удрать не могут. И основная масса их гибнет. Не спасают жаб даже их ядовитые железы.

Да, у жаб есть ядовитые железы. И если взять жабу в руки, можно заметить выделение этих желез: беловатую маслянистую жидкость. Видимо, из-за этого и родилась когда-то легенда о страшном «жабьем яде», а потом появился предрассудок — от яда жаб, мол, бывают на руках бородавки. Предрассудок послужил еще одним поводом для уничтожения жаб: считалось, что убить жабу, значит, избавить мир от одного из распространителей бородавок!

Яд жабы — единственная ее защита. Ведь у нее нет ни острых клыков, ни крепких когтей, чтобы обороняться, ни быстрых ног, чтобы убежать. И любой хищник может ее схватить. Вот тут-то и помогает (хотя и не всегда) яд: он достаточно силен, чтобы отбить у животных желание в другой раз нападать на жабу. Но ни отравить, ни убить этот яд никого не может.

Но дело не только в том, что яд жабы совершенно безопасен для человека, но и в том, что эти животные никогда не пользуются им для нападения. У жабы нет никаких приспособлений, с помощью которых можно было бы вводить яд в организм других животных. Мало того, ядовитые железы жаб (главные и самые крупные нахо-

дятся позади головы) начинают действовать только тогда, когда жаба схвачена, когда ее стиснут или причинят ей боль. Если жабу не трогают, она вообще никакого яда не выделяет.

Можно привести еще множество доказательств того, что жаба — совсем не такая, как о ней говорят, что она просто-напросто оклеветана. Но ограничимся лишь высказыванием замечательного немецкого писателя и натуралиста Альфреда Брема. «Тот, кто по заблуждению или непростительной шалости убивает столь полезное животное, только доказывает свою необразованность и свое невежество, о чем можно лишь пожалеть».

Но, к сожалению, заблуждения, а то и суеверные страхи еще слишком живучи. И до сих пор жаб убивают, спасая мир от этих «противных», «вредных» и «опасных» животных.

«А он совсем не виноват»

В Испании эту птицу называют «обманщик пастухов», в Германии и Франции, Италии и России ее зовут козодоем. Была распространена, а кое-где и до сих пор живет легенда, что эта птица выдаивает коз и коров. И не удивительно: все поведение птицы как бы доказывает, что она действительно этим занимается. В самом деле: она летает по вечерам и по ночам. Ну, это еще полбеды — не одна она ведет ночной образ жизни, хотя, как считали

раньше, если нечего стыдиться и нечего бояться, то и незачем прятаться в темноте. Но ведь козодой часто летает по вечерам в определенных местах: над стадом коров или коз, а то и у самого вымени шныряет. Для чего? Если рассмотреть рот птицы — огромный, широкий,— можно подумать: таким легко захватывать вымя. Вот и получается: вьется птица с таким ртом над стадом, что-то делает в сумерках, а утром — глядь, у коровы или козы нет молока — птица выдоила! Ну как такого жулика терпеть около стада?! Прогоняли птицу пастухи, а случалось нередко — и убивали.

Но если бы люди попытались разобраться, то узнали бы, что ночной образ жизни не только не доказывает злонамеренность птицы, а напротив — свидетельствует о ее полезной для людей деятельности. И вот почему.

Как известно, есть вредящие людям и полезные для них насекомые. Днем насекомых уничтожают многие птицы, ночью же — считанные ночные охотники. Днем, наряду с вредящими насекомыми, нет-нет да и попадут в клюв птицы полезные. Ночью же полезные почти не летают. А козодой — ночной охотник. Поэтому ловит он исключительно вредящих насекомых.

Ловить насекомых ночью нелегко. Вот и снабдила природа козодоя «сачком» — огромным ртом. Если рассмотреть внимательно рот козодоя, то можно увидеть небольшие волоски, которыми рот усажен по краям. Эти волоски, в дополнение к величине самого рта, делают его еще больше похожим на сачок. Стремительно летает козодой, захватывая своим «сачком» вьющихся в воздухе насекомых.

Но тут возникает другой вопрос: почему же летает он так охотно над стадами? Ну летал бы над лесными полянками, например. А то ведь все к стаду норовит!

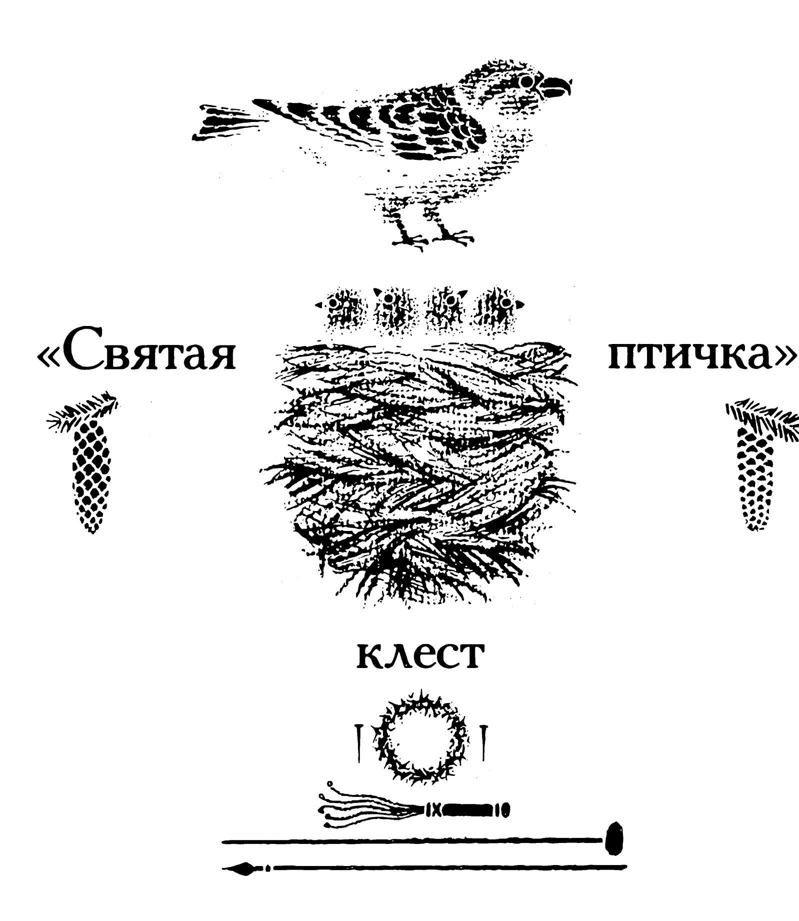
Ну а где бывает больше всего насекомых — мух, комаров, оводов, слепней? Конечно, над стадом! Тучами вьются они над коровами и козами, мучают, мешают отдыхать, нередко заражают опасными болезнями. И как спаситель является козодой. В погоне за насекомыми летает птица над стадом, спускается до самой земли, шныряет между ногами коров и коз, чуть ли не у самого вымени. Ведь из переполненного вымени дойных коров и коз нередко капельками сочится молоко, привлекая множество насекомых.

Насекомые же в свою очередь привлекают козодоя.

Что же касается выдаивания коз и коров, в котором обвиняют козодоя, то почему именно он? Ведь есть немало других, более подходящих любителей парного молока. Нередко бывало, улучив момент, пастух или прохожий выдоит корову или козу и свалит на птицу. Она же правду рассказать не может, а что над стадом летала — все видели.

Так и живет козодой с позорным клеймом воришки. Да хорошо еще, когда живет, а то ведь и убивают часто птицу.

«Святая птичка» клест

Во многих странах Европы существует легенда о божественной «святой птичке». В Германии иногда даже называют ее «христовой птицей». По преданию, птица пыталась вытащить гвозди, которыми был прибит к кресту Иисус. Правда, рассказывают, у птицы ничего не вышло, только

клюв ее сильно пострадал. Однако в благодарность или на память Христос оставил птице такой клюв навек. Но крестообразный клюв — не единственный признак святости птицы. После смерти она не разлагается, и, наконец, на свет птица может появиться в любое время года, даже в декабре и январе. Вокруг трещат морозы, а в гнезде — голенькие птенчики! И не замерзают, что тоже якобы — признак святости.

В общем, ясно, речь пойдет о клестах. Это у них крестообразный клюв, это они могут выводить птенцов даже в лютые морозы, это их трупики не разлагаются после смерти. Человек, не знающий жизни клестов, и правда подумает: почему все у них так? Уж нет ли здесь действительно какого-нибудь чуда?

Чуда нет... Начнем с клюва. Крестообразный клюв у клестов не всегда. У птенцов клювики прямые. С такими они появляются на свет, и такими они остаются до тех пор, пока не начинают кормиться самостоятельно. Основная пища клестов — семена хвойных деревьев. И клювы птиц приспособлены для вылущивания этих семян из шишек. Обыкновенным клювом из-под твердой чешуйки достать семечко не так-то легко. Вот клювы постепенно и загибаются: одна половинка вверх, другая — вниз. Птенцы же, пока им не надо самостоятельно лущить шишки, пока их кормят родители, могут обойтись прямым клювом. Он-то и свидетельствует, что крестообразный клюв — не наследственное качество, а благоприобретенное. И уж конечно, не подарок Иисуса Христа...

Второе «чудо» — появление на свет птенцов зимой — тоже связано с питанием клестов. Известно, что птицы выводят птенцов именно тогда, когда имеется достаточно пищи: ее легко находить поблизости от гнезда, не оставляя яички или детишек надолго. Поэтому все птицы выводят птенцов летом и весной. Клесты же выкармливают своих птенчиков размягченными в зобу семенами хвойных растений. Семена эти вызревают осенью и до марта остаются в шишках. Клестам надо рассчитать все так, чтобы к марту, когда чешуйки на шишках начнут отгибаться и семена можно будет легко доставать, птенцы смогли бы уже покинуть гнездо и начать самостоятельно добывать пищу. Вот и получается, что декабрь — январь — самые благоприятные месяцы для кладки яиц и выкармливания птен-

цов: и еды вокруг много, и малыши успевают подрасти к весне.

Это объясняет, почему птенцы появляются зимой, но не объясняет, почему они не замерзают. А не замерзают вот почему: глубокое, с толстыми (сантиметров до трех) стенками гнездо сделано настолько тщательно, что в нем очень тепло даже в самые трескучие морозы. Внизу — теплая подстилка, с боков — толстые стены, а сверху заботливая мамаша, которая, сев на первое яичко, уже не слетает с гнезда до тех пор, пока птенцы не покинут его. Все это время ей и птенцам корм приносит самец.

И наконец, третье «чудо» тоже связано с питанием клестов. Питаясь сосновыми и еловыми семенами, в которых много смолистого вещества, птенцы к концу жизни так просмаливаются, что превращаются в своеобразные мумии еще при жизни. Ведь известно, что смола хорошо противостоит гниению, и трупики птиц сохраняются долго — иногда по 15—20 лет.

Клесты — птички веселые, подвижные, наблюдать за ними — как они кувыркаются или повисают вниз головами на ветках — очень любопытно. Их даже называют северными попугаями. А вот насчет святости — чего нет, того нет!

Горький «плач вдовушки»

Кукушек хорошо знают все, и если не видели собственными глазами (кукушку увидать не просто — она хорошо прячется), то, очевидно, слышали, бывая весной или в начале лета в лесу. Достаточно один раз услышать кукушку, чтобы понять, почему ей дали такое имя. Не случайно кукушка у болгар называется «куковица», у чехов — «кукачка», у румын — «кук». Немцы зовут эту птицу «кукук», французы — «куку», итальянцы — «куколо».

У испанцев она «куко», а у турок — «гугук». И у всех народов с кукушкой связано много легенд.

Одна из самых распространенных такая. Погубила жена своего мужа, и обратил ее бог в птицу, которой не суждено иметь своей семьи. Горько с тех пор плачет кукушка. Слезы ее превращаются в травку («кукушкины слезки» — так и называется), а грустный голос ее слышен далеко вокруг. «Горемычная кукушка», «бедная вдовушка»,— говорили о ней. И не знали сердобольные люди, что слышат они не плач, а весенний, брачный призыв, да к тому же не «вдовушки», а самца!

Существовало и другое поверье — будто бы на зиму кукушка не улетает в теплые края, а превращается в ястреба. Оперением кукушка действительно похожа на ястреба. Лишь длинный хвост и маленькая голова помогают знающим людям отличить в полете кукушку от перепелятника. (При ближайшем рассмотрении отличий, конечно, гораздо больше.)

Есть еще немало пословиц, добрых и недобрых обычаев и примет, связанных с кукушкой. Наиболее распространенная примета — подсчет, сколько раз кукушка прокукует. Некоторые люди верят, что она сообщает человеку, сколько лет ему осталось жить (такому человеку стоит «спросить» кукушку весной: тогда у нее песня длинная и она щедро обещает всем долголетие). Другие убеждены, что кукушка сообщает девушкам, сколько лет им ждать суженого. В таком случае весной кукушку спрашивать не стоит, а лучше это сделать ближе к середине лета. Тогда кукушка почти умолкает или поет совсем коротко. И если спросить кукушку в это время, то, по ее мнению, ни одна невеста долго не засидится в девушках.

Безусловно, все эти поверья родились из-за странного образа жизни кукушки. В то время как могучий родительский инстинкт заставляет мелких пташек по нескольку сот раз в день прилетать к гнезду, чтобы принести пищу птенцам, толкает многих животных на самопожертвование, кукушка живет припеваючи: подкидывает яйца в чужие гнезда и заставляет хозяев гнезд выкармливать своих птенцов. Но это было бы еще полбеды. Кукушонок, чтобы не делить корм с другими птенцами — законными детьми хозяев гнезда,— выкидывает остальных птенчиков и, конечно, губит их.

Вряд ли такое отношение кукушки к своему потомству и поведение самого потомства может вызвать сочувствие у людей. Особенно если кому-нибудь удавалось видеть, как кукушонок расправляется с «соперниками».

Однако и не видя этого, а лишь зная «разбойничьи» повадки кукушки, можно ее невзлюбить, считать вредной и при любой возможности убивать. И не станешь ведь говорить, что на кукушек возводят напраслину.

Однажды в Англии была устроена выставка кукушечьих яиц, собранных в гнездах 76 видов птиц. Демонстрировалось 919 яиц самых разных цветов, оттенков, раскрасок, разной величины. Такое разнообразие яиц объясняется тем, что кукушки подкидывают яйца в гнезда по крайней мере 150 видов птиц. И каждая кукушка «специализируется» на каком-нибудь определенном виде — на малиновках или горихвостках, пеночках или мухоловках. Поэтому подкинутые яйца всегда похожи на яйца хозяев гнезда по цвету и форме. И по величине тоже. И это один из многих феноменов природы. Кукушка весит граммов 100—120, и ее яйцо должно было бы весить граммов пятнадцать, то есть больше, чем весит сама будущая приемная мать кукушонка. Но в том-то и дело, что яйцо кукушки весит столько же, сколько яйцо хозяйки гнезда, в котором появится на свет и вырастет кукушонок. Обычно грамма три-четыре.

Правда, есть кукушки, которые подкладывают яйца в гнезда крупных птиц — галок, ворон, сорок. Здесь кукушонок не выбрасывает птенцов хозяев гнезда, а мирно уживается с ними: взрослые птицы приносят столько пищи, что хватает всем. Тут, кстати, мы снимем хоть частично обвинение с кукушек в разбое: из 130 видов кукушек, живущих на нашей планете, лишь 50 откладывают яйца в чужие гнезда.

Среди кукушек есть и такие, которые подкладывают свои яйца в чужие гнезда, но высиживают их сами в чужом «доме», сами же и выкармливают своих птенцов. Но большинство кукушек — примерные, с нашей точки зрения, родители: сами строят гнезда, сами высиживают и выкармливают птенцов.

Однако пятьдесят видов (все они живут в Восточном полушарии) все-таки занимаются неблаговидным делом — подкидывают свои яйца в чужие гнезда со всеми вытека-

ющими отсюда последствиями. Тут уж никуда не денешься.

Так может быть, люди, считающие кукушку вредной птицей (а таких немало), правы? Ну, пусть кукушка не оборотень, рассуждают они, пусть не предсказывает судьбу, но птиц-то губит. И ведь птиц полезных, уничтожающих вредящих насекомых!

Но не будем торопиться с выводами и не будем осуждать кукушку за то, что она будто бы плохая мать. В том-то и дело, что мать она хорошая. И подбрасывает яйца в чужие гнезда не потому, что не хочет трудиться и выкармливать свое потомство. А как раз потому, что заботится о нем. Ведь в кладке кукушки от 10 до 25 яиц. Такую семейку паре кукушек не прокормить. К тому же откладывает кукушка яйца с большими перерывами. (Правда, лишь те птицы, которые пользуются чужими гнездами.)

Ну, хорошо, как мать мы ее оправдаем — все ее действия направлены на то, чтобы сохранилось потомство. Но если подойти объективно, вред все равно имеется: спасенный таким образом кукушонок губит других птиц.

Да, кукушонок вынужден так поступать — иначе он не выживет: его приемные родители не в состоянии прокормить все семейство, даже одного кукушонка выкармливают с большим трудом. Кукушонок постоянно голоден и так орет, широко разевая свой желтый рот и показывая ярко-красную глотку, что к его кормлению подключаются совершенно «посторонние» птицы, отдавая птенцу часть корма, принесенного для собственных детей. На это удивительное явление обратил внимание еще Аристотель, объяснив его таким образом: «Кукушонок так красив, что его кормильцы начинают ненавидеть собственных детей». Сейчас мы знаем, что ярко-красная глотка и желтый рот кукушонка — сигнал, причем очень мощный, заставляющий даже «посторонних» птиц, оказавшихся случайно рядом, отдавать кукушонку еду, предназначенную для собственного потомства. При этом никто из них не замечает или не принимает во внимание сравнительно огромные размеры птенца. Птицы-кормилицы часто садятся на спину или на голову приемыша, целиком засовывая свои головки в его широко разинутый рот.

Аппетит у кукушонка с возрастом не уменьшается, а, напротив, увеличивается. И, став взрослым, кукушонок продолжает оставаться таким же обжорой. И вот эта

прожорливость (если говорить о вреде и пользе) искупает вину кукушки за гибель птенцов других птиц. Взрослая кукушка за час способна съесть до 100 гусениц, причем «работать» с такой интенсивностью она может несколько часов подряд. А если в лесу, где живет кукушка, появилось много вредящих насекомых, она будет «работать» без перерыва, пока не уничтожит их всех или, по крайней мере, пока значительно не снизит количество вредителей. На пир слетается много кукушек, прилетают даже издалека. Иными словами, одна кукушка уничтожает гораздо больше вредящих насекомых (и насекомых более опасных), чем уничтожили бы все погубленные кукушонком птицы.

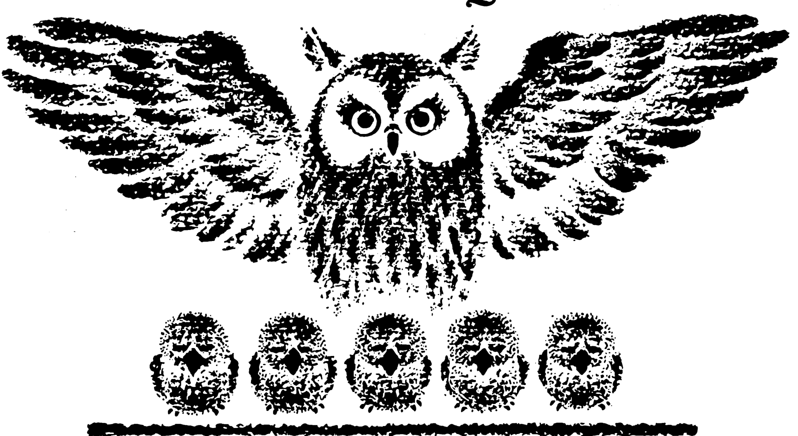
Значит, если откинуть нелепые поверья, что кукушка будто бы предсказывает судьбу, и задуматься, полезна она или вредна,— вопрос, несомненно, решится в пользу кукушки. В природе редко бывает кто-нибудь абсолютно полезен. Даже скворцы, в пользе которых никто не сомневается, иногда так «обработают» фруктовый сад, что их впору просто проклинать! Но ведь они же несознательные, не понимают.

Что же касается откладки яиц в чужие гнезда, то делает это кукушка не со зла, конечно,— это вопрос ее существования. Иначе на Земле давно исчезли бы многие кукушки.

Вестница

добра и зла

МЫ УЖЕ ГОВОРИЛИ О ТОМ, какую роль играли птицы в Древней Греции и Риме: были оракулами, состояли при богах. Совы в античном мире занимали очень важное место среди птиц. Но в предыдущих главах мы лишь вскользь упомянули о них. А ведь совы заслуживают

особого разговора, и главное — разговор этот актуален и в наши дни.

У древних греков богиней ремесла и мудрости была Афина. Аналогичной богиней у римлян считалась Минерва. Совы состояли при них. А поскольку обеих богинь очень уважали, то уважали и сов.

Афина часто изображалась в виде суровой девы в длинном одеянии и в полном вооружении — с копьем, щитом и в шлеме. А у ног ее обязательно сидела сова. И понятна была радость афинянина, отправлявшегося в путь и видевшего по дороге сову. Он ни минуты не сомневался, что это богиня Афина послала ему своего помощника. Будет удача. У греков даже имелась пословица: «Сова летает — будет успех». Они так уважали сову, что изображали ее на монетах и медалях.

В Древнем Риме тоже почитали сову. Правда, авгуры иногда истолковывали появление совы в определенных местах как известие о какой-нибудь крупной неудаче. Но авгурам не удалось полностью опорочить сову — она оставалась птицей богини мудрости. «Сова Минервы летает по ночам»,— говорили римляне, желая сказать, что хорошие мысли приходят ночью.

Сова издавна будоражила воображение людей. Еще семнадцать тысячелетий назад эта птица, видимо, так подействовала на воображение первобытного художника, что он изобразил ее на стене пещеры (недавно эту пещеру обнаружили на юге Франции).

У древних египтян и у древних китайцев сова считалась символом богатства.

Но это было давно. А в средневековье отношение к сове стало совершенно противоположным. Из священной птицы она превратилась в «нечистое» животное, слугу дьявола, оборотня, вестника смерти. Впрочем, средневековые монахи не оригинальны — в Америке, и в Азии, наряду с племенами, почитавшими сов и имевшими этих птиц своими тотемами, были и такие, которые считали сов оборотнями и боялись их больше, чем хищных зверей.

Правда, репутация мудрой птицы еще долго сопутствовала сове, хотя и в искаженной, уродливой форме. Раз сова — птица мудрости, считали люди, то может предотвратить безумие. Поэтому надо под мышкой носить ее сердце и правую (!) лапку. Тогда человеку не страшны даже

бешеные собаки. В Германии это поверье существовало до недавнего времени.

И тем не менее сов боялись. Что ж, у суеверного человека, склонного пугаться всего неведомого и, разумеется, не знакомого с жизнью сов, имелись все основания бояться этой птицы. Во-первых, она ведет ночной образ жизни и имеет «страшную внешность». Во-вторых, у нее «ужасный голос». В-третьих, сова способна видеть в абсолютной темноте. В-четвертых, сова совершенно бесшумно летает. Ведь любое живое существо при полете издает какой-нибудь звук, даже муха или комар. И только нечистый может летать бесшумно. В-пятых, обладает необыкновенным слухом. Сова слышит звуки, раздающиеся чуть ли не под землей! И наконец, шестое, самое серьезное и самое якобы правильное обвинение: сова накликает несчастье.

Улики неопровержимые, и даже одной из них вполне достаточно, чтобы признать сову дьявольской птицей. И ее убивали или, выследив гнездо, уничтожали отложенные ею яйца и птенцов.

«Адвокатами» сов сейчас выступают ученые. Правда, и в науке совы до недавнего времени были окружены легендами. Одна из самых распространенных: сова видит только ночью, а днем она абсолютно слепа. Ведь так думали до недавнего времени и зоологи.

Совы действительно охотятся ночью. Но не все — некоторые и днем. А как же может быть иначе? Ведь совы распространены по всему свету (нет их только в Антарктиде) и некоторые живут на Севере, где полгода продолжается день и столько же длится ночь. Не сидят же они полгода голодные! Но и те совы, которым не приходится делить год на две половины — темную и светлую,— видят днем. Ночью же зрение совы так обостряется, что она становится зорче других птиц во много-много раз.

Вообще глаза совы — уникальный орган. Совы — единственные птицы, у которых оба глаза расположены рядом, а не по бокам головы. Если учесть, что «лицо» у совы плоское и на нем расположены вместе со сравнительно небольшим клювом два огромных круглых глаза, понятно странное впечатление, которое производит эта птица.

«Страшная внешность» совы усугубляется и тем, что ее глаза, помимо расположения и величины, еще и непод-

вижны, заклинены: она не может скосить глаза. Но этого ей не надо — она и так способна видеть то, что делается впереди и по бокам: голову она поворачивает так, что при необходимости видит собственную спину.

Но все это не «чертовщина», а приспособления, выработанные у совы на протяжении многих и многих тысячелетий, для того чтобы было удобней охотиться. Кроме того, понятие «страшная внешность» — относительное: не всем сова кажется страшной. А тем, кому эта птица не нравится, можно сказать: некрасивая внешность — еще не доказательство преступных действий. Вот бесшумный полет — это уже посерьезнее... Сова летает так, что можно не услышать ее, даже если птица пронесется у самого уха. Но оказывается, и этому есть объяснение.

У совы по переднему краю крыльев тянется острый гребень из перьев, который при взмахе тормозит поток встречного воздуха. Задний край снабжен бахромой из перьев, которые уничтожают завихрения воздуха, образующиеся позади крыльев. Поэтому полет совы очень плавный, она не режет воздух. Кроме того, мягкое пушистое оперение гасит звуки, возникающие при полете.

Таковы причины бесшумного полета. Он необходим совам, ведь их основная добыча — очень чуткие зверьки: мыши и мышевидные грызуны.

Однако только бесшумного полета для успешной охоты мало: необходимо уметь слушать добычу. И сова умеет. «Колдовской» слух — еще одно обвинение, предъявляемое совам. Да, слух сов (как и их зрение) необыкновенно остр — сова слышит лучше, чем человек, раз в пятьдесят! К тому же у нее слух «радарного» типа. У сов — единственных из всех птиц, имеются ушные раковины. Это твердые кожистые складки, окруженные очень упругими перьями. Сами уши расположены несимметрично, что тоже не случайно: такое расположение помогает птицам пеленговать звуки.

Есть предположение, подтвержденное уже опытами, что совы способны воспринимать совершенно неразличимые человеком звуки (ультразвуки) и тепловые лучи. Например, она может обнаружить бегущего по стволу дерева небольшого жука или шмыгающую под довольно толстым слоем снега мышь. Возможно, сова действительно слышит мышь, возможно, чувствует ее тепло.

Теперь о самом существенном обвинении, предъявляемом совам. О накликании несчастья.

Издавна замечали люди: если прилетит сова в деревню, сядет на крышу дома или сарая, закричит страшным голосом, то случится беда. Правда, не вообще какая-то беда, а самая определенная: уничтожат мыши зерно в амбарах. И не только в амбарах. Стоило появиться совам в полях (и зачем бы ей из лесу-то на поля летать?!), как вскоре выяснялось: мыши и там произвели опустошение. Может ли быть бóльшая беда для крестьянина! А ведь во всем они, проклятые совы, виноваты!

Люди уловили связь между совами и мышами. Действительно, она есть. Не обратили внимание лишь на последовательность. Впрочем, это объяснить легко: мыши делают свое дело тихо, самих мышей увидеть нелегко. Совы же появляются открыто и объявляют о своем прибытии во всеуслышание. Вот и получается: заглянет человек в амбар, увидит опустошение, которое произвели мыши, и вспомнит о том, что сова прилетала. И сразу решит: она-то и накликала эту беду. И невдомек человеку, что не сова приманила мышей, а они ее. Как мы уже говорили, перепутаны причина и следствие. Сова прилетает охотиться — значит, оберегать поля и амбары, спасать хлеб от грызунов. И спасает!

А удается ей так успешно охотиться как раз благодаря ее удивительному зрению, «колдовскому» слуху и бесшумному полету.

Так что не будем ей это ставить в вину, тем более что сова ни в чем не виновата. Ну а со «страшной внешностью» и «ужасным голосом» придется смириться. Учитывая особые заслуги совы.

Теперь поговорим о «домовых»

Собственно, что о них говорить-то? И так все ясно: сейчас «домовых» нет. А ведь были когда-то. И долго жили «домовые» (или другие аналогичные им существа) в сознании людей. В Древней Греции дух — покровитель жилища обитал под порогом. Там же жил и римский «домовой». В некоторых местах даже существовал такой обычай: жених, приводя в дом невесту, переносил ее через порог на руках, чтобы дух, обитающий под порогом, мог разгля-

деть ее, запомнить и знать, что это — свой человек.

«Домовые» под разными именами существовали у многих народов. Но больше всего, пожалуй, внимания уделяли «домовому» в России. Здесь было совершенно точно известно, где он обитает и чем занимается,— недаром же звался «домовым». Значит, живет в доме и покровительствует дому. Поэтому в России «домового» уважали, отводили ему место для жительства не только под порогом, но и за печью. Переезжая на новое место, его уговаривали тоже переселиться и предоставляли ему для этого удобный «транспорт» — старый лапоть.

Теперь «домовые» упразднены, поскольку уже никто в них не верит. Правда, следы «домового» остались и сейчас. Например, говорят, что через порог не следует прощаться или здороваться за руку. Это может привести к ссоре. А почему? Сейчас никто не знает. А раньше знали точно: «домовому» может не понравиться, что над его головой совершают подобные действия (жил-то он и за печью и под порогом).

Или вот еще: мы часто перед дорогой присаживаемся. И минуту-другую сидим молча. А пошел такой обычай опять-таки от «домовых»: считалось, что в эти минуты «домовой» наставляет человека, как вести себя в пути и, главное, как невредимым вернуться домой. Но сейчас мы о «домовых» не помним и не видим ничего зазорного в том, чтобы перед дорогой присесть на минутку, подумать о том, все ли взяли с собой, вспомнить, не забыли ли чего.

Но это все мы говорили о «домовом», названным «соседушкой», который действительно жил, как считают люди, в домах и был добрым. А был и другой, злой «домовой» — конюшенный. И ведь до сих пор кое-кто верит в его существование. Да и как не верить, если он и сейчас иногда безобразничает в конюшнях?

От конюшенного «домового» страдали еще древние греки, вернее, их лошади. Однако они нашли средство избавляться от «домового» и защищать лошадей. Почему-то считалось, что «домовой» боится козла. Поэтому его помещали в конюшню вместе с лошадьми. И «домовой» покидал конюшню, если он там был, или вообще не заглядывал туда. Потом живого козла стали заменять шкурой, которую вывешивали в конюшне.

В России козлов в конюшне не держали и шкур не

вывешивали. И нередко случалось такое: открывает крестьянин утром конюшню, глядит — лошадь стоит в мыле, будто всю ночь дрова в гору на ней возили. И грива спутана, и храпит испуганно. А ведь конюшню никто не открывал, замок цел и следов на снегу никаких (обычно «домовой» безобразничал в конюшнях зимой). Кто же еще может заездить лошадь, не выводя из конюшни? Кто может так запутать ей гриву, что ни распутать, ни гребешком расчесать нельзя? Конечно, «домовой»!

А «домовой» сидит в это время где-нибудь в норке или под полом и не подозревает, какой переполох он наделал в деревне. Люди же, на все лады обсуждавшие таинственного «домового», и не подозревали, что много раз видели его собственными глазами. Да может, в эту минуту случайно и увидят небольшого гибкого белого зверька (в то время, когда зверек становится «домовым», он всегда белый), но не обратят внимания. Кому придет в голову, что «домовой» — самая обыкновенная ласка?!

Ласка — зверек хищный. Нападает она на всех, с кем может справиться: на мелких птиц и на крупных (голуби, тетерева), на кроликов и даже, случается, на зайцев. Нередко ласка проникает и в курятники, за что немилосердно истребляется, хотя проще и правильнее было бы сделать курятник недоступным для хищника, а самого зверька оставить в покое. Ведь ласка нуждается не в истреблении, а в охране.

При всем разнообразии «меню» ласки, основная пища ее все-таки грызуны. На них главным образом она охотится, истребляя в огромных количествах. Причем, если мышей много, она уничтожает их гораздо больше, чем может съесть.

Летом грызунов достаточно в лесу и в поле. Зимой дело хуже — часть мышей уходит глубоко под снег. Но часть перебирается в амбары и конюшни, где и тепло, и корма вдоволь. За мышами и идет ласка. А оказавшись в конюшне, превращается в «домового».

Ласка ловит мышей, которые обычно забираются в кормушку. Лошадь стоит головой к кормушке. Значит, удобней всего взобраться на лошадь и с ее головы прыгнуть в кормушку на мышей. Ласка так и делает: вскакивает на круп лошади, пробегает по шее, взбирается на голову и пикирует. Коготки у ласки острые, ими она цепляется

за шкуру лошади, царапает ее, щекочет. Пробегая по шее, ласка путает гриву. Лошади это не нравится, она пугается, пытается сбросить зверька. Но он держится крепко.

За ночь ласка может поймать десяток-полтора мышей, значит, минимум столько же раз она пробежит по лошади. А ведь не всякий прыжок будет удачным. Иногда мыши успевают разбежаться, и ласка вылезает из кормушки ни с чем. Подождет немного — и снова вскочит на лошадь. И так всю ночь охотится ласка — и всю ночь бьется лошадь. Немудрено, что к утру она вся в мыле, усталая, совершенно непригодная для работы.

А ведь ласка не только бегает по лошади. На шкуре лошади после высохшего пота остаются крошечные кристаллики соли. Ласка слизывает эту соль, и лошадь снова беспокоится. Нередко ласка по неосторожности, а то и умышленно прокусывает шкуру и слизывает капельки крови. В общем, неприятности лошади она доставляет достаточно. И людям тоже. Однако уничтожать ласку нельзя. Если уж она повадится в курятник или станет пугать лошадь по ночам, проще всего поставить ловушку. Наутро в ней будет метаться гибкий беленький «домовой».

Пойманную ласку надо отнести в лес и выпустить там. Пусть живет на свободе и ловит грызунов, сколько ей захочется. И чем больше — тем лучше!

Вампиры, дьяволы и просто летучие мыши

Летучих мышей мы выделили в отдельную главу. Да и главы для них очень мало: если записать все рассказы и легенды о летучих мышах, то получится очень толстая книга — ведь нет, пожалуй, в мире ни одного животного, о котором рассказывали бы столько небылиц, столько легенд, как об этих крылатых зверьках. Если же описать действительные чудеса

летучих мышей, которые уже известны науке, то описания эти займут не одну, а несколько книг.

Фантастические рассказы о летучих мышах можно условно разделить на две категории: первая — мистические представления о летучих мышах; вторая — реалистические, но неверные, основанные на незнании.

Итак, летучие мыши с давних времен фигурировали в различных религиях, с ними связано множество примет.

У древних греков богини вихря — злые Гарпии — изображались иногда с крыльями летучих мышей, сами же летучие мыши были посвящены жене властителя загробного царства.

Считалось, что души грешников отправляются в ад на летучих мышах, а в самом аду эти зверьки были приближенными сатаны. Художники прошлого, изображая ад, обязательно рисовали каких-то фантастических существ с крыльями летучих мышей (в отличие от ангелов, у которых крылья с птичьими перьями). К тому же ни один шабаш ведьм не обходится без летучих мышей.

Понятно поэтому, что встреча с летучими мышами ничего хорошего предвещать не могла. А если учесть, что они считались еще и оборотнями-вампирами (они же, наверное, и упыри, и вурдалаки), усыпляющими людей и высасывающими их кровь, то совсем уж страшно делалось от одного только упоминания об этих зверьках.

Правда, не везде летучие мыши были воплощением или символом зла. Например, охотники некоторых африканских племен поедали мясо летучих мышей, надеясь, что благодаря этому станут видеть в темноте и не будут спать, когда спят все остальные люди.

В Сицилии верили, что летучие мыши — это души умерших, летающие над землей, пока решается вопрос о дальнейшем их местопребывании — в раю или аду.

В Финляндии суеверные люди были убеждены, что летучая мышь — душа спящего человека: пока человек спит, душа его летает. И верили: если убить летучую мышь, то человек уже никогда не проснется.

Летучие мыши считаются священными у аборигенов Австралии и в Китае. Тем не менее большинство людей не любили и боялись летучих мышей.

Даже те, кто не верил в связь этих зверьков с нечистой силой, были убеждены, что мыши вцепляются в волосы,

особенно в волосы женщин, что они пьют кровь животных, что обладают необыкновенным слухом, зрением, осязанием и обонянием и так далее. И самое главное, что многое из этого — правда. Сейчас мы уже знаем о летучих мышах такие «чудеса», которые не могло бы придумать самое буйное воображение. А ведь знаем мы, очевидно, еще не все — многое ждет разгадки.

Действительно, скрытый образ жизни плюс страшная, с нашей человеческой точки зрения, внешность, а главное, необычные качества, которыми обладают летучие мыши,— все это породило ужас перед летающими зверьками, родило множество примет и поверий.

Да и как не рождаться этим поверьям, если летучие мыши на каждом шагу во всех частях света постоянно поражают людей.

Рассказывают, например, что европейцы, переселившиеся в Америку, были очень взволнованы, увидав издали что-то похожее на вулкан или на какой-то страшный пожар: огромные столбы черного дыма и пепла поднимались в небо. Однако на поверку это оказался не вулкан и не пожар: то, что люди приняли за дым или пепел, были миллионы летучих мышей, отправлявшихся на ночную охоту.

Такое скопление летучих мышей — явление не частое, но и не исключительное. В знаменитой Новой пещере (штат Техас, США), по приблизительным подсчетам обитает примерно 30 миллионов летучих мышей. Польский ученый А. Кршановский описал другую пещеру — Бракенскую, находящуюся на юге США, где в некоторые годы собирается до 20 миллионов летучих мышей. Можно себе представить, какое впечатляющее зрелище — массовый вылет этих зверьков. А. Кршановский так описывает это: «В воронке, на дне которой находится вход в пещеру, образуется густой вихрь, состоящий из летучих мышей, вылетающих из отверстия. Образуя кольцо, они поднимаются в этом вихре все выше и выше, и лишь на высоте нескольких метров вихрь превращается в сплошной черный поток в несколько метров шириной, движущийся медленно и исчезающий где-то вдали».

Огромные скопления летучих мышей существуют не только в Америке. Есть такие скопления и на острове Ява, и в других местах.

Никто из млекопитающих никогда не образовывал еще таких колоний. А летучие мыши образуют!

Жители тропических лесов испытывали суеверный ужас перед «драконами» — существами, нападающими на человека и высасывающими у него кровь. Но этот страх имел под собой реальную почву.

Исследователи, постепенно отделяя истину от фантазии, добрались, наконец, до «драконов». И установили, что это те же летучие мыши. Действительно, некоторые виды летучих мышей прокусывают кожу человека и животных и высасывают, точнее, слизывают выступающие капельки крови. Причем в слюне вампиров имеются обезболивающие вещества и вещества, не позволяющие крови свертываться.

Жители европейских стран еще во время Колумба, прослышав о существовании таких кровососов, наделили кровожадными свойствами всех летучих мышей. Так появилось убеждение, что и наши европейские летучие мыши — кровопийцы. Но европейские летучие мыши не пьют кровь. А вот в волосы они вцепляются, это факт. Многие люди тому свидетели. Опровергнуть такое поведение зверьков было невозможно, а объяснить — тоже. Сделали это лишь недавно.

Полет летучих мышей удивительный: быстрый, верткий. Он издавна привлекал внимание ученых. Однако понять, как эти зверьки ориентируются в воздухе, что дает им возможность так летать, удалось лишь в середине XX века.

Даже в начале нашего столетия еще считали, что органами осязания у летучей мыши служат крылья, что «слух у нее так тонок, что хищные виды должны затыкать себе уши для того, чтобы спать спокойно; они имеют для этого маленькие подвижные наушники, при помощи которых могут по желанию делать себя глухими... Растягивание носовых перепонок позволяет им также закрывать ноздри, для того чтобы воздух не вылетел во время полета»...

Нельзя обвинять ученых прошлого в недобросовестности, не следует смеяться над их выводами. Лишь последние достижения науки в области физики, химии, развитие техники помогло установить, что не осязание, не зрение позволяет летучим мышам так хорошо летать, так ориентироваться в темноте, находить и ловить насекомых. А дело в том, что летучие мыши способны издавать

неслышные для нашего уха звуки. Благодаря этим звукам летучие мыши и ориентируются в полете и ловят насекомых.

Говоря о звуках, мы обычно имеем в виду те, что слышит человек. Так как всякий звук — это колебание воздуха, то, значит, подразумеваем те колебания, которые воспринимает барабанная перепонка человеческого уха. От частоты, то есть от количества колебаний в секунду, зависит качество звука. Чем колебаний меньше, тем звук ниже, и наоборот: чем больше колебаний, тем звук выше. Однако человек слышит не все звуки: мы начинаем слышать звук, когда частота его переходит за полтора-два десятка колебаний в секунду, и перестаем его слышать, когда колебаний становится около двадцати тысяч. Но в природе существуют звуки с частотой в сотни тысяч и даже миллионы колебаний в секунду. Частота звука выражается в условных единицах — герцах. И считают: 1 герц — это одно колебание в секунду, или, иными словами, через выбранную точку в одну секунду проходит одна волна (одно колебание).

Вот таким высокочастотным голосом, достигающим 150 тысяч герц (150 тысяч колебаний в секунду!), обладают некоторые летучие мыши. Остальные, правда, издают звуки с меньшим числом колебаний, но все же и они находятся за пределами человеческого восприятия.

Летучие мыши обладают способностью не только издавать высокочастотные звуки, но и улавливать их отражение, то есть эхо. Вот на этом и построен принцип ориентировки летучих мышей. Звуки, издаваемые летучей мышью, уходят в пространство, как бы наталкиваются на препятствие и возвращаются обратно. Чем ближе препятствие, тем быстрее возвращаются звуки. Ими зверек как бы ощупывает все вокруг, определяя не только препятствия, но и очень мелкие предметы, встречающиеся на пути. На этом построен принцип охоты за насекомыми. «Запеленговав» жука или бабочку, летучая мышь безошибочно хватает их, не пользуясь при этом ни зрением, ни осязанием.

Конечно, такие приспособления вырабатывались у летучих мышей в течение многих тысячелетий. Но совершенствовалась и защита насекомых. Так, одна из форм защиты — мелкие волоски, которыми некоторые бабочки густо покрыты. Мягкие предметы гасят звуки, не отражают их, и мохнатых бабочек летучей мыши поймать очень трудно.

Все это и многое другое ученые узнали сравнительно недавно. Потребовались десятки открытий в разных областях науки, которые помогли натуралистам раскрыть тайну летучих мышей, а заодно и выяснить, почему зверьки питают пристрастие к женским волосам.

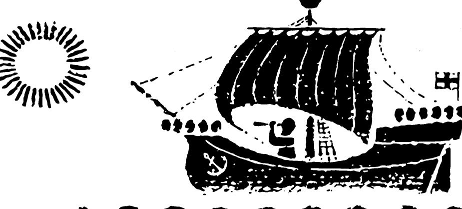
Оказывается, летучие мыши вовсе не нарочно вцепляются в волосы. Происходит это по той же причине, по которой не могут они ловить мохнатых бабочек: волосы гасят звуки, не отражают их, и, не получив эха-сигнала, зверьки продолжают свой путь и запутываются в волосах. Некоторые натуралисты считают, что в темные волосы рукокрылые попадают чаще, чем в светлые, особенно днем. Объясняют это обстоятельство следующим образом: летучие мыши летят на темное пятно, принимая его за отверстие в каком-либо убежище. То, что долгие годы считалось умышленным и злонамеренным действием, объясняется именно отсутствием эхо-сигнала. Наука сняла с летучих мышей обвинение в их причастности к «нечистым» силам, доказала, что далеко не все они кровопийцы и так далее. Иными словами, полностью реабилитировала летучих мышей. Мало того, ученые доказали, что эти зверьки приносят огромную пользу, поедая в больших количествах вредящих насекомых. И тем не менее по сей день за летучими мышами еще держится репутация «нечистых» тварей, по сей день их еще нередко преследуют, боятся, уничтожают.

И наконец, о кошках...

ВООБЩЕ-ТО О КОШКАХ можно было бы поговорить и раньше, когда мы рассказывали о культе животных в Древнем Египте или об оборотнях. Ведь кошка в Египте была очень почитаема, а в Европе среди легенд об оборотнях занимала, вероятно, первое место. Но мы решили поговорить о кошке отдельно — уж больно много примет и поверий с ней связано, к тому же и противоречий

много. Надо подробно разобраться. А для этого следует знать историю кошки.

Кошка не была тотемическим животным ни у жителей Америки, ни у жителей Африки, ни у жителей Австралии и Европы. В те времена, когда появлялись тотемы, когда их почитали, когда, наконец, они постепенно превращались в богов, кошки, какой мы ее знаем, еще не существовало. Она не прошла все ступеньки на пути к божеству, а сразу стала богиней.

И произошло это в Древнем Египте.

В пятом тысячелетии до новой эры в Египте начался расцвет земледелия — египтяне научились выращивать зерновые культуры. Земледелие стало основным занятием египтян, а зерно — основным богатством Древнего Египта. Но у хлебопашцев появились сильные враги, которые разбойничали в полях и уничтожали большое количество собранного зерна в хранилищах,— грызуны. Чего только ни делали египтяне для спасения своего богатства, все было тщетно. И вот тогда появилась кошка.

Безусловно, это было не одномоментное явление: вдруг очень уж стали досаждать грызуны — и тогда на них напустили кошку. Нет, видимо, тут потребовались века, пока люди осознали цену кошке, а она поняла свое назначение.

Однако кошка — не исконно египетское животное. Между первым и шестым порогами Нила, там, где сейчас находится Восточный Судан, была когда-то очень богатая страна — Нубия. Древнеегипетские фараоны время от времени совершали на нее набеги. И вместе со скотом и ценными породами дерева, вместе с золотом и слоновой костью они вывозили оттуда и водившихся там кошек. Зоологи называют этих кошек булаными, желтыми, но чаще — нубийскими.

Сегодняшним любителям кошек нубийская вряд ли понравилась бы. Она была очень длинноногой, имела короткую шерсть и маленькую головку. Но может быть, именно такая кошка нравилась египтянам? А может быть, они быстро оценили ее охотничьи качества?

Да, кошку использовали на охоте. И не на мышей, а на достаточно крупных животных. До нас дошли изображения сцен охоты, в которых участвовали кошки (кстати, в ошейниках).

Мы уже говорили, что богами в Египте нередко становились животные, которые приносили людям пользу (или считалось, что приносят ее). В таком случае кошка по праву заняла одно из первых мест в пантеоне. Тут мы сталкиваемся с любопытным явлением какого-то обратного, что ли, действия, принявшего уродливую форму: за пользу, приносимую кошками, люди начали их боготворить, а это стало уменьшать пользу кошек. Их закармливали, в храмах валялись на роскошных ложах обленившиеся и ожиревшие коты и кошки.

Да, именно в храмах. Потому что у кошек в Египте были и свои храмы, и свои жрецы, и свои почитатели. Живых кошек ублажали так, как только могли, умерших хоронили на специальных кладбищах в специальных гробах, перед этим их бальзамировали и проделывали различные манипуляции с ними.

В 1860 году в Среднем Египте, недалеко от селения Бени-Хасан, обнаружили кошачье кладбище, где было похоронено 180 тысяч кошек, многие из которых лежали в золотых или серебряных ящиках, украшенных драгоценными камнями. Бени-Хасан был одним из центров поклонения кошкам. Но главным центром почитания кошек был город Бубаст, или Бубастис, как называли его греки. Там ежегодно устраивались пышные празднества в честь кошек, на которых присутствовали сотни тысяч человек.

И все это потому, что среди многочисленных египетских богов кошка занимала очень важное и почетное место. Сначала один из самых главных египетских богов — бог солнца Ра выступал как «великий кот», а потом кошка стала богиней луны, плодородия и деторождения и получила имя Бастет. А с великим Ра она связь не потеряла — считалась его родной сестрой. Прямые признаки родства были на лице, точнее — на мордочке кошки. Это глаза. Чем выше солнце, тем зрачки у кошки у́же. И наоборот, чем солнце ниже, тем зрачки шире. Солнце зашло, наступила темнота, и зрачки кошки совсем расширились, а глаза стали круглыми и засветились, как маленькие солнца. Разве это не прямое указание на связь с могущественным Ра?

И естественно, что богине Бастет поклонялись,— она изображалась женщиной с кошачьей головой. Саму кошку считали добрым духом дома и тщательно оберегали. Во время пожара, например, египтяне в первую очередь ста-

рались спасти кошку, если она находилась в доме, а потом уже спасали имущество или гасили огонь (а ведь поймать в горящем доме обезумевшую от страха кошку было нелегко!).

Смерть кошки в доме воспринимали как огромное несчастье. В знак траура все члены семьи брили брови. Убийство же кошки считалось тяжелейшим преступлением. Даже нечаянное убийство каралось смертью. Так было установлено по закону. Но народ, не дожидаясь законного исполнения приговора, нередко сам устраивал самосуд.

Существует предание, в котором рассказывается, как египтяне из-за кошек проиграли сражение персам. Царь персов Камбиз, готовясь напасть на египетский город Пилузу (сейчас на месте этого города находится Порт-Саид), приказал наловить в его окрестностях побольше кошек. Пустив впереди себя этих кошек и взяв в руки по одной кошке вместо щита, персы пошли в наступление. И египтяне сдались без боя: ведь драться с персами — значило убить священных животных. А на это египтяне пойти не могли.

Шли века. В Египте менялись правители, приходили и уходили завоеватели, а кошка продолжала быть священной, неприкосновенной и глубоко почитаемой. Даже когда исчезла древнеегипетская культура и на смену ей пришла культура арабская, когда в Египте утвердилось мусульманство, кошки продолжали оставаться в привилегированном положении. Коран к кошкам был благосклонен. Правда, кошки потеряли своих жрецов и свои храмы, но почетом, уважением они были окружены, и «материальная помощь» у них оставалась еще долго. Рассказывали даже, что сам Магомет любил кошек. Причем настолько, что когда одна из кошек заснула у него на коленях, а он должен был уйти, то основатель ислама отрезал полу халата, на которой спала кошка, чтобы не потревожить ее сон.

Что касается Магомета, который за свою любовь к кошкам якобы носил, помимо прочих титулов, звание «отца котов», то это, конечно, легенда. Относительно же других покровителей и ревностных защитников кошек имеются достоверные сведения. В частности, султан Эль-Дахер-Бейбарс, царствовавший в Египте в XIII веке и сравниваемый некоторыми учеными с Цезарем по храбрости и с Нероном

по злобности, так любил кошек, что завещал им в окрестностях Каира громадный фруктовый сад для жительства и огромные богатства на их содержание. И в течение многих десятилетий сад этот кишел кошками, в определенное время суток туда сбегались кошки чуть ли не со всего города, уже зная, что между полуднем и закатом солнца их будут кормить.

Заметим кстати, что культ кошек в Египте существовал чуть ли не до наших дней (а может быть, и сейчас кое-где сохранился). Во всяком случае, еще в XIX веке в Верхнем Египте было очень распространено поверье, что в кошек вселяются духи добрых джиннов, приносящих счастье. Однако почтительное отношение к кошкам имеет и оборотную сторону: сейчас в Египте они так размножились, что «кошачья проблема» превратилась в общегосударственную: там их сейчас примерно 10 миллионов.

Так было в Египте. В Европе же было иначе — кошек там не почитали по той простой причине, что они в Европе отсутствовали. Странно: не так уж далеко от Греции и Рима, на берегах Нила, в течение пяти тысячелетий жила и царствовала кошка, а европейцы и не знали о ней. (Правда, некоторые ученые и историки упоминали об этом животном в своих трудах.) Объясняется это, видимо, тем, что египтяне под страхом смерти запрещали вывозить кошек из страны.

Однако рано или поздно это должно было случиться — кошки попали в Европу. В IV веке, как считают, они уже появились в Греции, а вскоре и в Риме. В этих странах, как и в Египте, кошки пользовались любовью и уважением, были покровительницами дома, их запрещалось убивать. В Риме кошка считалась еще и символом свободы и независимости — ее изображали рядом с богиней свободы Либертас.

В Южной Европе кошка несколько задержалась, а затем отправилась дальше, покорять другие страны. И покорила: всюду она была желанной гостьей, в некоторых странах быстро превратилась в священное животное, в других — стала просто очень уважаемой.

А коль священная она или хотя бы весьма почитаемая, то и предсказать может что-нибудь, указать или о чем-нибудь предупредить. Когда-то в Древнем Египте жрецы внимательно приглядывались к поведению кошек, истол-

ковывая каждый ее жест, каждое движение как какой-то знак или какую-то весть. В Европе к поведению кошек тоже присматривались, хотя, конечно же, не так внимательно, как в Древнем Египте.

Уважали кошек всех цветов, но наиболее почитаемыми были именно трехцветные. Так, в некоторых странах считалось, что трехцветные кошки предохраняют дом от пожаров, а людей — от лихорадки. Черные кошки (особенно это относится к черным котам) тоже очень ценились — люди верили: они охраняют сады и поля от всякой напасти, а человека — от болезней.

В Англии считалось, что если черная кошка перебежит дорогу — это добрая примета, если она забежит в дом или в комнату — хозяина ждет радость, если чихнет неподалеку от невесты — молодоженам обеспечена счастливая жизнь.

У английских моряков издавна существовала (говорят, существует и сейчас) такая примета: если на корабле имеется кошка, особенно черная, без единого белого волоска,— это верный признак того, что корабль во время плавания избежит всех опасностей. Если же кошка подводила и корабль терпел бедствие, моряки тем не менее в первую очередь старались спасти животное. В прибрежных районах Англии люди были твердо убеждены: пока кошка в доме, рыбаку не грозит опасность. Вообще в Англии, пожалуй, существовало больше всего добрых примет, связанных с кошками. И когда в средние века началось гонение на кошек, Англия оказалась единственной в Западной Европе страной, где этих животных не преследовали. В X веке был издан закон, определяющий даже наказание за жестокое отношение к кошке и указывающий ее стоимость. И кошки в Англии продолжали благоденствовать.

Но положение кошек в других странах было трудным.

Дело, конечно, не в самих кошках. Христианская церковь, набрав достаточно силы, пошла в открытое наступление на «еретиков». Жгли библиотеки — сокровищницы мировой культуры, уничтожали уникальные памятники, убивали ученых. Девиз у фанатиков-верующих был один: жги, бей, разрушай все, что «против Христа». А «против Христа» было даже умение читать! И христианская церковь обрушилась не только на библиотеки, не только на ученых, но и просто на грамотных людей.

Обрушилась она и на животных, почитаемых раньше (все, что почиталось «там», то есть на Востоке, должно быть уничтожено «здесь»).

Епископ Августин Блаженный заявил: «Неужели из опасения кратковременного пламени, в котором погибнут немногие, представить всех вечному огню геены?» Пламя костров инквизиции было не кратковременным — оно горело века, и погибло в нем огромное число людей (по приблизительным подсчетам историков в средние века было казнено за «ересь», «колдовство» и тому подобные «преступления» не менее 9 миллионов человек). Но жгли не только людей, обвиненных в колдовстве, не только «ведьм» — жгли вместе с ними или отдельно животных, которые были «связаны с дьяволом». Кошкам тут уделялось особое внимание — их всех поголовно объявили ведьмами-оборотнями.

Причин для такого обвинения имелось более чем достаточно. (Помимо главной, но не оглашаемой: кошка пользовалась почетом на Востоке.) Где бывает кошка по ночам и что делает во время своих таинственных прогулок? Ведь сколько ни пытались подсмотреть за кошкой, проследить за ней не удавалось. Значит, не зря таится, значит, творит черные дела! А почему ходит бесшумно? Любой зверь, состоящий из плоти и крови, считали церковники, производит хоть какой-то шум. А эти?.. Так ходить может только дьявол! А почему у кошки в темноте горят глаза? И что это за огонь — уж не адский ли? Имелось немало и других подобных вопросов, но ответ был всегда один: кошка — нечистая сила, исчадие ада, пособница ведьм или сама ведьма-оборотень. И это мнение было узаконено: в 1503 году папа Юлиус II писал, что ведьмы особенно опасны потому, что умеют превращаться в кошек.

Конечно, путаница была изрядная: кошки сами по себе ведьмы и дьяволы или люди принимают обличие кошек? Или наоборот — кошки принимают обличье людей? Но стоило ли разбираться? Проще жечь ведьм на кострах, в каком бы обличье они ни были — человечьем или кошачьем. И жгли. И пытали. Кошек еще и поджаривали, и закапывали живыми в землю. Во всех странах Европы, где господствовал католицизм, творили суд и расправу над кошками (особенно над черными, некогда наиболее уважаемыми); существовали определенные дни (обычно в христи-

анские праздники или в специальные «кошачьи среды»), когда объявлялись массовые облавы и уничтожение кошек.

И ведь так продолжалось несколько столетий.

Естественно, что с изменением «статуса» кошек, с превращением этих животных из уважаемых и почитаемых в гонимых и уничтожаемых появилось множество дурных примет, связанных с кошкой. Главная плохая примета — встреча с кошкой, особенно с черной,— укоренилась почти во всех странах. Считалось, что черная кошка — это ведьма в облике кошки. А что хорошего можно ждать от ведьмы? Только одних неприятностей. И перебежала она дорогу или повстречалась как раз потому, что торопится эти неприятности доставить человеку, идущему по каким-то делам!

В России кошек не преследовали, но тем не менее отношение к ним было не однозначное. С одной стороны, относились к кошке доброжелательно. Верили, что она может предсказать не только появление гостей, но и подскажет, откуда их ждать: куда хвост кошки направлен, оттуда и придут гости. Радовались, когда кошка тянулась к человеку: явное указание, что его ждет обновка или подарок.

Была и такая примета, о которой писал В. И. Даль: «Кто кошек любит, будет и жену любить». Верили, что кошка может излечить от зубной боли, что хвост черного кота якобы избавляет человека от ячменя на глазу, а хвост трехцветной кошки — от бородавок. Была даже примета, охранявшая этих животных: «Убить кота — семь лет ни в чем удачи не видать».

На кошек возлагались и очень важные обязанности — отводить беду. Издавна в России был обычай пускать в новое жилище сперва кошку, а уж потом входить самим.

Когда-то человек считал, что, срубая дерево, он причиняет ему боль, и обязан как-то искупить свою вину, задобрить. Язычники приносили жертвы, в средневековье существовал обычай закапывать овец или коз под фундаментом возводимых храмов.

Но все это было в далеком прошлом. Потом кошка взяла на себя все заботы по регулированию отношений человека со «злыми силами», которые могут поджидать человека в новом пустом доме. Кошка смело переступала порог, и уж как ей это удавалось — никто не знает, но всегда умудрялась отвести беду от хозяев дома.

Однако в России бытовало и иное отношение к кошкам. Их боялись перевозить в санях или на телеге из опасения, что лошадь после этого начнет сохнуть. Потому что они все-таки ведьмы и напустят на лошадь порчу. Или еще: во время сильной грозы считалось, что Илья Пророк мечет молнии в бесов. А так как кошка тоже бес (или в нее вселился бес), то Илья может попасть и в животное. Начнется пожар. Чтоб избежать этого, кошек в сильную грозу выбрасывали на улицу.

Было еще немало примет — добрых и недобрых,— связанных с кошками. Одни люди боялись всех кошек, веря что они ведьмы, другие боялись только черных, третьи не боялись кошек, любили их, верили в их добрые «предсказания».

Давно прошли времена, когда боялись и преследовали кошек. Они снова стали обычными домашними животными, и многим хорошо живется у людей, которые их любят. И кошки отвечают людям взаимностью. И никто уже не верит в ведьм и оборотней. А вот в «кошка дорогу перебежала» еще многие верят.

Нелепо, правда?

Послесловие ко второй части

Сколько стоят суеверия и предрассудки?

Скажем сразу — ни о покупке, ни о продаже предрассудков и суеверий здесь разговор не пойдет, хотя мы все время будем оперировать цифрами. В конечном итоге они выльются в миллионы рублей, тысячи тонн хлеба, миллионы литров молока. Но для начала — цифры другого порядка, которые, как может показаться на первый взгляд, никакого отношения к предрассуд-

кам и суевериям не имеют. И тем не менее они помогут понять, сколько стоят или во что обходятся нам суеверия и предрассудки.

Для начала будем считать мух. Даже не всех мух, а попробуем сосчитать, какое потомство может дать обыкновенная домовая муха. Самка этой мухи откладывает до 120 яичек. За лето она может это проделать 5—6 раз. Большинство новорожденных, как правило, самки. Но если даже самок только половина, то к концу лета количество потомков одной только мухи достигнет нескольких триллионов! А ведь есть мухи, самки которых откладывают по две тысячи яичек одновременно, и они тоже способны давать по 5—6 поколений. Если бы все это потомство выживало, то мухи за одно лето покрыли бы земной шар сплошным слоем толщиной в 14,5 метра. Конечно, такое количество мух не выживет, но остается еще достаточно много. Вред, который приносят мухи, колоссален: они и сельскохозяйственные вредители, они же и разносчики множества опасных болезней. Подсчитано, что на теле одной мухи находится до 3,5 миллиона бактерий, а в ее органах — в 8—10 раз больше. Легко понять, какую опасность для здоровья и жизни людей таят мухи и какой вред приносят они сельскому хозяйству (есть мухи, личинки которых съедают за сутки в 200 раз больше, чем весят сами). И легко представить себе, что произошло бы на Земле, не будь сдерживающих сил, не позволяющих мухам размножаться до катастрофического количества. Силы эти — человек, который ведет постоянную борьбу с вредящими насекомыми, силы эти — птицы и насекомоядные звери. А в отношении мух главная сила — пауки. Они выступают в природе как мощные регуляторы численности насекомых (отметим кстати, что некоторые пауки уничтожают в больших количествах не только мух, но и таких опасных насекомых, как хлопковая тля, малярийный комар).

Да, многие люди не любят пауков, у многих даже безобидный крестовик или мешконос вызывает страх. Это часто происходит неосознанно, инстинктивно — боязнь пауков идет из очень далекого прошлого. Но ведь человек существо мыслящее, его поведением управляет не инстинкт, а интеллект. И если он поймет и уверует, что пауки (за исключением ядовитых, которые составляют примерно одну сотую всех известных сейчас пауков) животные очень

нужные, он изменит свое отношение к ним. Ведь пауки, как заметил немецкий ученый Г. Гудкер, «без особой шумихи уничтожают огромное множество вредителей, покушающихся сожрать наш урожай... Поэтому безо всякого преувеличения можно сказать — люди давно бы умерли с голода, если бы не пауки». Ну, тут есть, конечно, некоторое преувеличение, но факт: пауки сохраняют в значительной мере здоровье людей, спасают огромное количество урожая.

Комары — еще один бич людей и животных.

Конечно, комары занимают определенное место в природе — служат пищей многим птицам и рыбам, кое-где даже являются опылителями растений. Но комары и переносчики очень опасных болезней, например желтой лихорадки, которая за три века (XVII — XIX) унесла 3 миллиона человеческих жизней. Да и в наше время она существует. Например, во время второй мировой войны англичане от желтой лихорадки потеряли в Бирме 250 тысяч человек (в боях убитыми и ранеными — 40 тысяч).

Другая болезнь, распространяемая комарами,— малярия.

Несмотря на то что люди уже знают причину этой болезни и нашли действенные способы лечения ее, она еще продолжает свирепствовать на земном шаре. До недавнего времени ежегодно болело малярией 400 миллионов человек, а 5 миллионов из них умирало.

Комары разносят и другие опасные болезни: туляремию, японский энцефалит, сибирскую язву. Но даже когда комары не распространяют болезни, а просто сосут кровь, вред от них колоссальный. Например, удои коров во время активизации кровососов снижаются на треть. Если уж коровы так страдают от кровососов, то можно представить себе, каково людям! Производительность лесорубов из-за них нередко сокращается вдвое, а на строительстве Братской ГЭС бывали дни, когда из-за гнуса полностью прекращалась работа.

Конечно, люди борются с комарами. Не случайно десятки научных учреждений, тысячи ученых в нашей стране и многих других странах занимаются «комариной проблемой». Но занимаются ею и пауки. И очень помогают людям. А главные помощники в борьбе с комарами — летучие мыши, те самые, которых боятся, о которых рассказывают всякие небылицы и которых, к сожалению, нередко губят люди.

Вообще-то летучие мыши не специализируются только на комарах, хотя у многих видов это основная пища. Уничтожают летучие мыши и других вредящих насекомых (поскольку, как мы уже говорили, в сумерках и ночью летают в основном вредящие). И уничтожают в больших количествах. Например, было прослежено, что один из видов летучих мышей — бурая ночница за час совершила 1200 бросков, а бурый кожан — 1300. Если даже половина бросков была неудачной, (насекомым удавалось спастись, хотя это маловероятно), то и тогда за час каждая съедала 600—650 насекомых.

Летучая мышь, весящая 7—8 граммов, за час охоты поправляется на грамм, съедая около 200 комаров. Днем, отдыхая, зверек худеет до своего нормального веса, а ночью все повторяется.

Подсчитано, что лишь один вид летучих мышей в Техасе уничтожает примерно 7 тысяч тонн насекомых в год (не случайно в этом штате существует закон, охраняющий летучих мышей).

Но летучие мыши не только уничтожают огромное количество насекомых, но и делают это в то время, когда почти все насекомоядные птицы спят, а вредящие насекомые бодрствуют. И это, несомненно, увеличивает значение летучих мышей.

Многое из сказанного о летучих мышах можно отнести и к козодою (о нем мы тоже уже рассказывали) — той самой птице, которая, как и летучие мыши, совершенно незаслуженно обижена, которая живет с клеймом воришки и которую в лучшем случае прогоняют от стада. А ведь птица-то комаров там ловит. И не только комаров.

Среди насекомых, ради которых прилетает козодой к стадам, есть крупное насекомое с большими красивыми глазами. Странно, что такое глазастое насекомое названо слепнем. Но получил слепень свое имя, как считают, за то, что, высасывая кровь, он в это время ничего не слышит и не видит. А крови слепень высасывает немало — до 200 миллиграмов за раз. К этому можно добавить, что свое нападение самка повторяет, как правило, 4—5 раз, при этом не только вызывая очень болезненные ощущения и значительные отеки, но и распространяя такие серьезные заболевания, как туляремия и сибирская язва.

Охотится козодой и на оводов. Правда, крови оводы не

пьют (они вообще ничего не едят, у них нет даже ротового аппарата) и живут всего несколько дней. Но за это время самка подкожного овода успевает отложить яички под кожу животным. Личинки, появляющиеся из этих яичек, вызывают у коров и лошадей, оленей и ослов незаживающие свищи. Еще опаснее овечий и носоглоточный оводы: их личинки губят животных. И скольких оводов до того, как они отложат яички, поймает козодой — даже трудно сказать. Но наверняка немало. А значит, многих животных спасают эти птицы.

О прожорливости тех самых «горемычных вдовушек» или разбойников, которые губят чужих птенцов, одним словом, о кукушках мы тоже уже говорили. Известны случаи, когда кукушки справлялись с полчищами гусениц, способных уничтожить большие участки леса, еще до прибытия спасательных команд, и людям уже почти нечего было делать.

Но прожорливость — не единственное достоинство кукушки.

Есть такие насекомые, которых не едят другие птицы, в частности волосатые гусеницы! А кукушка ест их, и с превеликим удовольствием! У нее желудок устроен так, что волоски впиваются в особые покрытия стенок желудка, а потом это покрытие выводится из желудка, и кукушка готова к новым «подвигам».

Одно из любимых блюд кукушки — гусеницы непарного шелкопряда. А что за насекомое — непарный шелкопряд — легко понять, если знать, что эти бабочки откладывают от 300—450 до 1000 яичек. Кладка может выдержать длительные неблагоприятные условия (морозы, затопление). Гусеницы непарного шелкопряда повреждают до 300 видов растений, а во время массового размножения способны полностью уничтожить растительность на больших участках. К тому же гусеницы защищены длинными волосками, делающими их неуязвимыми для многих птиц. Но не для кукушек!

О пользе жаб мы уже говорили. Можно добавить лишь, что американские ученые подсчитали: одна жаба, несущая «караульную службу» на поле или огороде, сохраняет овощей на сумму от 35 до 60 долларов.

А теперь поговорим о «домовых» и «предвестниках несчастья», о том, во что обходится нам пренебрежительное,

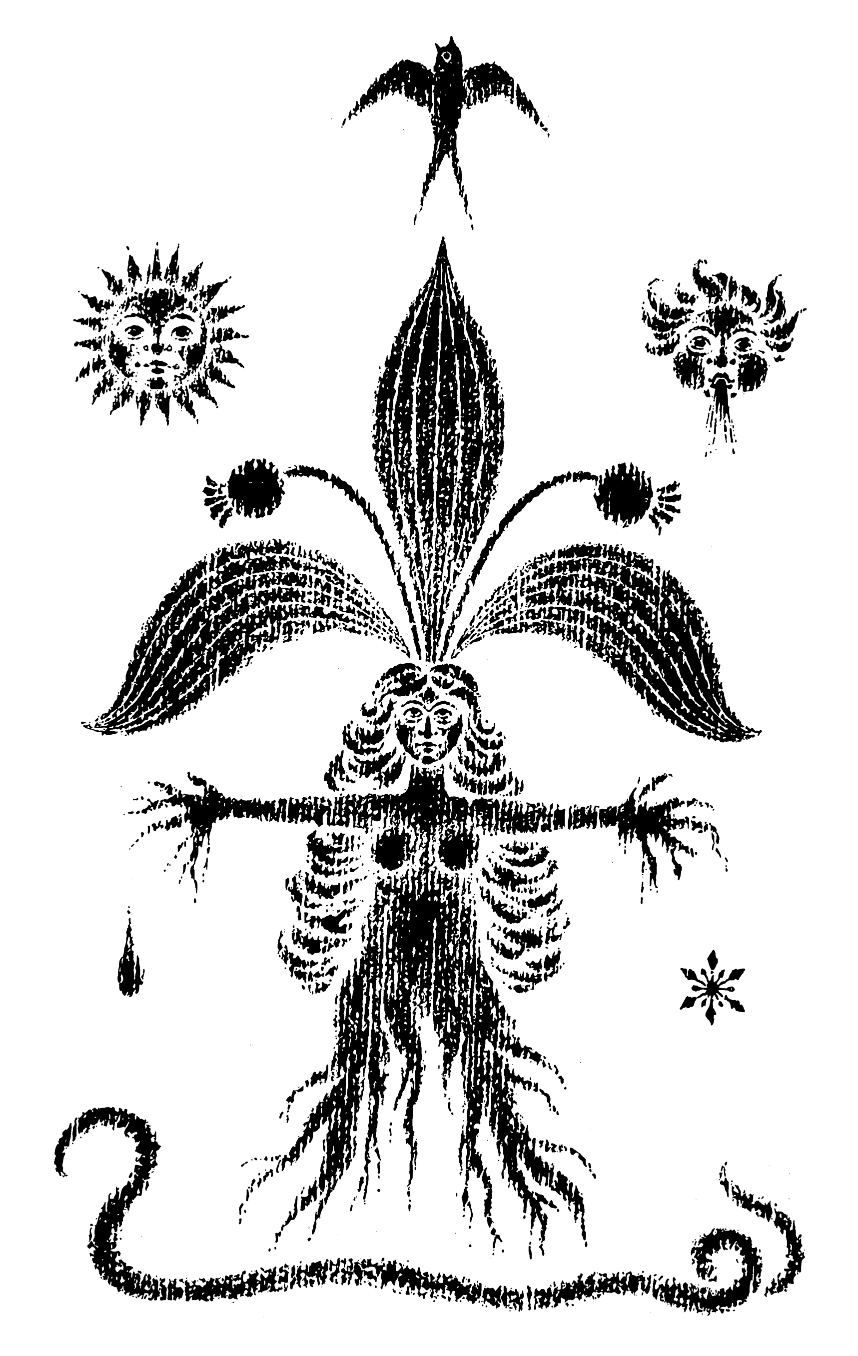
а то и враждебное отношение к ним. Опять цифры: одна сова за год уничтожает примерно 1000 мелких грызунов, а один мелкий грызун поедает в год килограмм хлеба. Таким образом, получается, что одна сова спасает в год тонну хлеба.

Правда, этот расчет не совсем точен. Да, полевка, допустим, съедает в год килограмм зерна. Но поскольку сова ловит грызунов круглый год, то эта цифра может показаться несколько завышенной — зимой грызуны не так активно вредят сельскому хозяйству (если не считать тех, кто орудует в зернохранилищах). Но с другой стороны, уничтожая какую-то часть грызунов весной или в начале лета, сова сдерживает скорость их размножения: эти мыши и полевки не успевают дать потомство. А ведь грызуны очень быстро созревают, и весенний помет мог бы в течение лета дать несколько приплодов. Молодые в свою очередь дадут потомство, и, возможно, было бы и четвертое поколение. Но и «старики» ведь тоже дали бы за лето еще несколько приплодов... Таким образом, считают некоторые ученые, одна сова, уничтожая все ту же тысячу мышей или полевок, спасает не одну тонну хлеба, а по крайней мере три, но может быть, и все пять! Это только одна сова, которую любой охотник может убить своим выстрелом. И выстрел этот будет стоить минимум тонну или пять тонн хлеба — годовой рацион 8—10 или 40—50 человек! Сколько же стоит разоренное гнездо, в котором были яйца или птенцы совы?

«Нечистая сила», «конюшенный домовой», то есть ласка, за ночь «работы» в конюшне поймает десяток-полтора грызунов. За год же, как считают специалисты, уничтожит 4—4,5 тысячи. Можно взять карандаш и опять-таки подсчитать, во что обходится убийство одного «домового».

Но можно и не считать — и так ясно, что из-за нелепых предрассудков, из-за замшелых суеверий мы губим очень нужных нам животных, теряем колоссальные богатства, пускаем на ветер труд огромного числа людей. Вот лишь несколько примеров того, во что обходятся, сколько стоят предрассудки и суеверия!

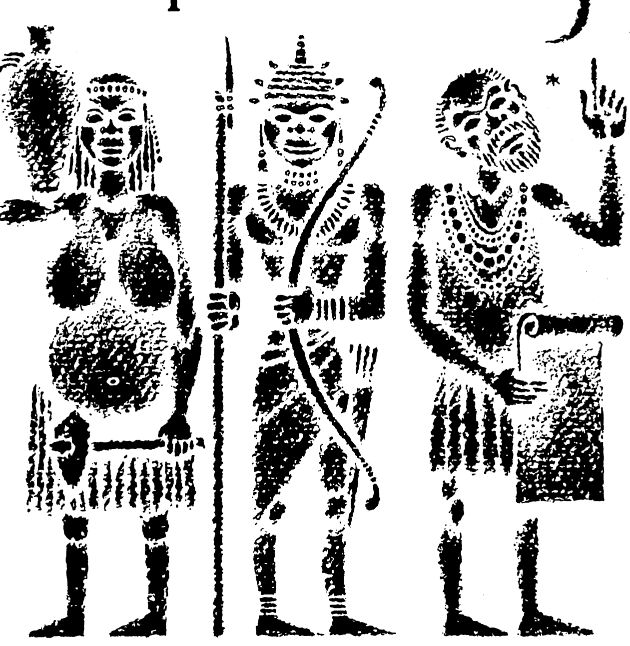

Часть третья

ПУТЕШЕСТВИЕ в прошлое, настоящее и будущее

Предисловие к третьей части

Что было, когда еще не было наук...

Историки считают, что наука в современном ее понимании начала зарождаться за несколько столетий до начала новой эры в Древней Греции. Там формировалось философское направление, которое пыталось осмыслить и объяснить мир не через мифологические представления, а через «естественное начало», то есть ре-

алистически. Конечно, реализм древнегреческих философов, их представление об окружающем мире были далеки от подлинного, но тем не менее уже давали возможность нового осмысления мира, явившись предпосылками создания наук. И именно благодаря попытке реалистически осмыслить мир из философии выделились «конкретные» науки — геометрия и астрономия, механика и физика, наука о живой природе. Великие ученые прошлого — Евклид и Птолемей, Архимед и Аристотель — систематизировали имевшиеся к тому времени у людей знания и «заложили основы доказательного изложения материала, что составило важнейшую черту науки»,— писал академик Б. М. Кедров. Мы не можем сейчас заниматься историей науки и разбирать подробно все ее особенности с момента зарождения. Да это и не наша тема. Нам сейчас важны два момента: систематизация знаний, то есть фактического материала, и доказательность его.

Конечно, и Птолемей в астрономии, и Евклид в геометрии, и Архимед в механике, и Аристотель в зоологии и еще во многих науках, отцом которых он считается, и другие великие ученые прошлого никогда бы не могли стоять у источников систематизированных знаний, если бы опирались только на свой опыт.

К тому времени, когда начали появляться науки, человечество уже прошло колоссальный путь в своем развитии, уже имело огромный опыт и знания, приобретенные в процессе своей трудовой деятельности, путем наблюдений, сопоставлений, обобщений.

Мы уже говорили, что древний человек был беспомощен перед силами природы, перед хищниками, он боялся всего и, не умея объяснить происходящее, выдумывал, фантазировал, создавал легенды и мифы. Но человек не выжил бы в столь трудной обстановке, если бы при всем при этом не имел практических знаний.

Охота для древнего человека была источником существования. А для того чтобы успешно охотиться, требовалось хорошо знать повадки зверей и птиц. И он знал их. И вряд ли будет преувеличением сказать, что без таких знаний человечество просто погибло бы с голоду. Значит, с первых шагов своей сознательной деятельности он стал уже в какой-то степени зоологом.

Он часто уходил далеко от стойбища. Иногда на десятки

километров. Нередко проводил на охоте по многу дней. И возвращался. Значит, хорошо ориентировался. Может быть, делал какие-то отметки по пути, может, как-то иначе фиксировал свой путь, чтоб найти обратную дорогу. Возможно, объясняя молодым, куда идти за добычей, опытные охотники чертили на песке или на куске древесной коры примитивные карты, обозначая на них излучины рек или горные перевалы, ущелья или холмы. А ведь это уже зачатки географии.

Люди болели, получали травмы, дикие звери наносили им увечья.

И люди научились залечивать раны, использовать травы. Например, жители Австралии еще в очень древние времена умели пользоваться шинами, которые применяются и сейчас при переломах костей, и знали не менее 40 лечебных трав. В Древней Индии этих трав было известно не менее 800. В том числе знали траву, с помощью которой и в наши дни изготовляют резерпин — средство, понижающее кровяное давление. Индейцы Америки тоже применяли множество лечебных трав: умели излечивать цингу с помощью настоя из сосновой хвои, хотя никакого представления о витаминах не имели, лечили ожоги, прикладывая к обожженному месту холодный чай, хотя, конечно, ничего не знали о танинах.

Можно привести еще множество подобных примеров, но и так ясно, что люди далекого прошлого обладали немалыми знаниями в областях, которые мы сейчас называем медициной и фармакологией.

Древний человек разделывал тушу убитого животного и поэтому уже видел, что у животных есть сердце, легкие, желудок, кости, кровь. Конечно, он вряд ли представлял себе, для чего служат эти органы, не знал, как их называть, но о самом существовании их и расположении уже имел представление. А это зачатки анатомии.

Он был и физиком, потому что изготовление топоров и наконечников для стрел, так же как и самих стрел, а особенно лука требовало знания каких-то элементарных физических законов.

Научившись выплавлять металл, он стал и металлургом, и химиком. Нам теперь известно, что он был и художником, и скульптором. Знания, добытые опытом, хотя и в очень примитивном виде, были в разных областях. И пе-

редавались из поколения в поколение, увеличивались, обогащались, накапливались.

А разве можно было, не имея соответствующих знаний, заниматься скотоводством, лечить животных, выводить новые породы? Значит, еще до появления зоотехники, ветеринарии, селекционерства человек далекого прошлого был и зоотехником, и ветеринаром, и селекционером. Он был и агрономом, потому что без элементарных знаний невозможно заниматься земледелием. Ведь такие культуры, как, например, рис и картофель, пшеница и горох, просо и лен, хлопок и кукуруза, овес и другие, человек создал много тысячелетий назад. Он сумел отыскать их среди диких растений, определил их пользу, нашел способ разведения, стал выводить новые сорта.

Первобытные люди уже знали Большую Медведицу (ее символическое изображение обнаружено среди наскальных рисунков) и Полярную звезду, умели находить их в небе и ориентироваться по ним.

Позже стали наблюдать за Луной, звездами и по ним определяли время. В общем, это уже зачатки астрономии.

Из далеких времен пришли к нам многие мифы, легенды, поверья, предрассудки, суеверия. Некоторые живут и сейчас. Но из тех же далеких времен пришли к нам и некоторые реальные представления и понятия.

Мы уже говорили о свойствах лечебных трав. Траволечение было скомпрометировано всякими шарлатанами и знахарями: они нередко использовали и растения, не обладающие лечебными свойствами, делали основной упор на молитвы и заговоры. Но ведь растения-то действительно обладают лечебными свойствами — мы теперь это знаем точно. С растениями было связано много суеверий. Теперь мы отделили правду от вымысла.

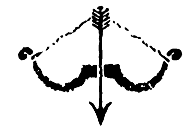
И не только в отношении лечебных свойств растений. Благодаря развитию наук мы сейчас можем отделить истинные, народные приметы, имеющие под собой реальную почву, от примет, ни на чем не основанных. Зная сейчас законы природы, мы можем понять ошибки, которые появились, например, из-за перестановки причин и следствий; зная историю развития человечества, историю формирования мировоззрения человека, мы можем понять, как возникли приметы, основанные на принципе «подобное — подобным». Наконец, отдавая себе отчет в том, что не все

тайны природы еще известны людям, мы, рассуждая логически, можем допустить существование верных примет, механизм которых нами пока не познан.

По сути дела, работа по классификации примет, по выявлению их механизма, по отделению верных от неверных началась недавно, хотя попытки такие предпринимались и много раньше. Но только сейчас, повторяю, благодаря развитию наук, это стало по-настоящему возможным.

Большое количество народных примет связано с предсказанием погоды. И в частности — с предсказанием по поведению животных и растений.

Вот о народных приметах мы сейчас и поговорим.

«То ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет»

ВРЯД ЛИ НАДО ГОВОРИТЬ, почему очень многие приметы связаны с погодой,— ведь людей, не интересующихся погодой, наверное, нет или, по крайней мере, очень мало. Может быть, мы сами не всегда отдаем себе отчет, какое место занимает погода в нашей жизни. Она определяет наше поведение, наше настроение, наше самочувствие. Возьмем самый близкий, самый элементарный пример. Каждый день перед выходом из дома мы должны решать, как одеваться — потеплее или

полегче,— ведь это зависит от погоды; или размышлять: брать ли с собой зонтик или не брать? Ехать ли за город в свободный день или остаться дома?

Есть вопросы и посерьезнее. Многие люди подвержены влиянию погоды — этим часто обусловлено их настроение. А настроение часто влияет на работоспособность.

У некоторых людей, даже совершенно здоровых, от погоды зависит самочувствие. А уж у больных — тем более.

С погодой связана работа воздушного и морского транспорта. Ведь сильные снегопады могут парализовать движение на автомобильных и железных дорогах, гололед создает опасность для жизни людей.

И наконец, самое главное: от погоды зависит урожай. Неблагоприятны для него жара, засуха, суховей или, наоборот, проливные дожди, град, ранний снегопад, морозы. Погоде, то есть ее влиянию на урожай, подчинена жизнь людей. В былые времена от погоды зависели судьбы целых государств.

Управлять погодой люди не могли. Но им хотелось хотя бы знать, что ожидается в ближайшем будущем...

А как узнать? Барометры появились, правда, давно, но все-таки гораздо позже, чем люди стали интересоваться погодой. Да и имелись они не у всех. А о погоде надо было знать, особенно крестьянам, земледельцам. Даже первобытный человек, вероятно, интересовался погодой, ведь от нее зависела и охота, и рыболовство, и весь его быт — например, сухое или мокрое топливо будет у него для костра, надо ли заранее собирать хворост и прятать в пещерах.

Видимо, уже тогда появились первые приметы о погоде.

«В основе народных примет о погоде лежат вполне реальные наблюдения, подтверждаемые если не всегда, то во многих случаях, действительным наступлением ожидаемой погоды: дождя, оттепели, заморозков. Столь же ясно, что скудный, ограниченный опыт древнего земледельца не позволял ему очерчивать трезвые границы своих познаний природы: наряду со здравыми прогнозами погоды у любого народа бытовали и бытуют совершенно фантастические, никаким опытом не подтверждаемые метеорологические приметы»,— писал профессор С. А. Токарев.

Ну в самом деле, как связать погоду с желанием собаки есть траву? А ведь это ходовая примета. Но мы-то

знаем, что травой собаки лечатся, и особенно часто при желудочных заболеваниях. А они никак не связаны с погодой.

Или кошка. Мы уже говорили: существовала примета, утверждающая, что кошка «намывает гостей». Но имеется и другая примета, связанная с кошачьим туалетом: если кошка умывает себе лапкой мордочку, то будет хорошая погода, а если еще и уши — пойдет дождь.

Чистоплотная кошка, как уже говорилось, умывается очень часто. И если верить примете, то и гости будут идти косяком и непрерывно, и дождь все время будет хлестать (кошка, как правило, моет и мордочку и уши).

Есть такая примета, причем довольно распространенная: дворовая птица ощипывается — к дождю. Но не менее ходовая и такая: птица ощипывается — к вёдру (то есть к хорошей погоде). Явное противоречие. Или еще одна примета говорит: «Петухи ночью поют, не вовремя,— к дождю», а другая сообщает: «Петухи не в пору поют — к вёдру».

Ходовые приметы связаны и с гусями. Если верить одной, то гуси хлопают крыльями к морозу, другой — хлопают крыльями к оттепели.

Есть еще немало подобных примет, взаимоисключающих друг друга. Противоречивость и необоснованность многих примет породили скептическое отношение вообще ко всем народным приметам. Этот скептицизм отразился даже в пословицах: «Бабушка гадала — надвое сказала» или: «То ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет».

Но существовали и существуют другие крайности: некоторые люди верят абсолютно во все приметы, связанные с животными и погодой. Между прочим, тоже в некоторой степени предрассудок: животные, мол, лучше нас знают, что к чему, они понимают то, что недоступно человеческому уму. Безусловно, истина лежит посредине. Есть достоверные приметы, когда правильно подмечена зависимость двух явлений или событий, совпадающих по времени или чередующихся в определенной последовательности; но есть и ложные приметы, которые базируются на несуществующих, выдуманных связях.

Так вот, чтоб знать (или узнать) эту лежащую посредине истину, надо твердо помнить очень важное правило: одна примета — это еще не примета. То есть если после

какого-то явления последует другое, то это может быть случайным совпадением — именно так часто появлялись ложные приметы. Настоящие народные приметы тщательно проверялись, становились достоверными, если многократно подтверждались. Ну, допустим, мы заметили, что какое-то растение ведет себя не так, как обычно,— скажем, у него изменилось положение листьев. А вскоре начался дождь. Примета? Возможно. Но возможно, и случайность. Еще раз понаблюдаем за этим растением. И еще, и еще... Если каждый раз (или в подавляющем большинстве случаев) растение будет вести себя одинаково — можно на него положиться, как на барометр. Но и при этом следует перепроверить примету по другим живым «барометрам», которых вокруг много. И если все они (или большинство) скажут одно и то же, можно тогда быть уверенным, что примета верная: подтверждена и проверена. Недаром же в народе говорят: «Один в поле не воин», «Одна ласточка весны не делает», «Одна головня и в поле гаснет».

Однако существуют разные обстоятельства, разные условия, в которых одни и те же животные ведут себя одинаково. И появляются приметы, которые противоречат друг другу, даже взаимно исключают одна другую.

Вот, например, есть такая примета: полет жуков с жужжанием — к ясной погоде. Есть и другая: жуки жужжат и летают к непогоде. Какой верить?

Знаменитый французский ученый Жан Анри Фабр, посвятивший всю жизнь изучению насекомых и оставивший нам уникальный труд «Энтомологические воспоминания», решил проверить, какая из примет верна. Он наловил навозных жуков (геотрупов), посадил их в особый садок, а в своем дневнике записал: «Кому лучше верить — сообщениям метеорологической станции или жукам-навозникам? Мои садки должны ответить на этот вопрос».

Примета, что лёт жуков — к хорошей погоде, более популярна. И видимо, не зря: жуки действительно вылезают на закате солнца из своих норок и, летая низко над землей, отыскивают помет домашнего скота. Найдя его, они тут же принимаются за работу — выкапывают под ним ямку и зарывают в ямку навоз. Но все это проделывают жуки лишь в том случае, если в скором времени ожидается хорошая погода. Если же предстоит ненастье — жуки не появляются. Облачное или ясное небо в данный момент, не

играет роли: для жуков важна погода на ближайшие часы.

Но иногда этот верный «барометр» дает сбой: жуки летают, вроде бы обещая вёдро, а начинается дождь.

Именно так случилось и у Фабра: жуки были очень активны и активность, казалось бы, должна предвещать хорошую погоду, однако через несколько часов начался дождь. «Но перед обычным дождем эти жуки не выходят из своих норок. Нужны были еще какие-то события, чтоб так взволновать их. Разгадку принесли газеты. 12 ноября на севере Франции разразилась сильнейшая буря. Ее отголоски достигли и моей местности. Резкий скачок барометра геотрупы отметили своим поведением».

Оказывается, насыщенность воздуха электричеством сильно подействовала на жуков, они очень взволновались и начали активно двигаться. Отсюда вывод: активными жуки могут быть и перед хорошей погодой, когда ищут работу, и перед плохой, когда они обеспокоены скоплением электричества в воздухе.

Правда, внимательный наблюдатель заметит, что перед хорошей погодой летающие жуки деловиты, энергичны и спокойны. А перед грозой они очень «нервничают» и своим делом не занимаются. Однако такие тонкости замечают далеко не все. И этим можно объяснить противоречия примет о погоде и поведении жуков. Жуки — надежные барометры. Надо только быть к ним повнимательней. Тогда они расскажут и о хорошей погоде, и о надвигающейся грозе.

Еще один живой «барометр», который тоже требует серьезной поправки.

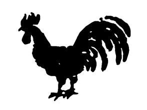
Считают, что стрекозы летают низко над водой к дождю. В некоторых случаях так действительно бывает. Объясняется это, во-первых, тем, что у мелких насекомых при увеличении влажности воздуха крылышки набухают и тянут вниз, к земле (в данном случае, если они летают над водоемами,— к воде). За мелкими насекомыми спускаются и хищные — стрекозы (тут аналогия с насекомыми и ласточками, о которых мы уже говорили). Во-вторых, объяснение этой приметы такое: у самих стрекоз с увеличением влажности воздуха крылья также набухают и влекут их вниз, к воде, над которой они летают.

Второе объяснение малоубедительно, да и первое вызывает сомнения. Дело в том, что стрекоз много и они очень

разные. Некоторые — красотки, лютки, стрелки — постоянно живут у воды и летают над ее поверхностью. Летают слабо, еле-еле, скорее, перепархивают с камышинки на камышинку и очень редко взлетают высоко. Так что их полет не может служить приметой: и перед дождем, и перед хорошей погодой они летают низко над водой.

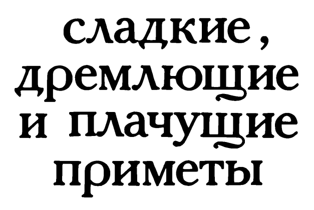
Другие стрекозы — плоские, дозорщики, бабки, коромысла — летают, как правило, далеко от водоемов: над лесными опушками, полянками, над дорогами. Там и охотятся. К воде же прилетают, когда приходит время подумать о потомстве. А так как яички свои стрекозы откладывают в надводные или даже подводные части растений, то естественно, что в это время они летают у самой поверхности. Даже если ненастья не предвидится. Так что и с этой приметой надо быть осторожным.

Но есть немало примет безусловно проверенных и обоснованных. О них сейчас и пойдет речь.

Наказанный клевер,

сладкие, дремлющие и плачущие приметы

КЛЕВЕР — РАСТЕНИЕ знаменитое. И не только тем, что он прекрасный корм для скота. Клевер — растение легендарное. Говорят, на это растение за что-то разгневался бог и не разрешил пчелам опылять его. Плохо пришлось бы клеверу — пчелы не осмелились ослушаться бога,— не будь храбрых шмелей. Шмели не испугались, а

может быть, и соблазнились большим количеством нектара. Пчелам стало обидно, и во время вторичного цветения клевера они уже присаживались на его цветки. Однако опыленный пчелами клевер не давал семян.

Конечно, это легенда. Теперь мы знаем, что первые цветки клевера имеют очень глубокие чашечки, а у пчел недостаточно длинные хоботки. У шмелей хоботки длиннее, и они прекрасно опыляют клевер. Вторые цветки клевера мельче, и пчелы добираются хоботками до пыльцы. Но цветки уже не успевают вызреть и не дают семян.

Эта легенда имела неожиданное и очень любопытное продолжение. Прибыв в свое время в Австралию, колонисты-европейцы привезли с собой семена клевера и посеяли его. Клевер уродился на славу, но семян не дал. Сколько ни бились колонисты, клевер «бастовал». Не помогли и молитвы. Ясно: бог прогневался на людей за что-то. (А может быть, виной тому был «опальный» клевер?) Так или иначе, не быть бы клеверу в Австралии, если бы на помощь ему не пришли умные люди. Они привезли из Европы шмелей. И клевер начал приносить семена. А заодно служить и барометром.

Клевер «знает» заранее об изменении погоды. Достаточно посмотреть на него перед дождем, чтоб убедиться в этом. Перед ненастьем клевер сближает свои листочки, цветок его на тонкой ножке наклоняется вперед и поникает. Верный признак того, что скоро пойдет дождь!

Клевер — один из самых распространенных и самых надежных барометров. Но не единственный среди растений. Вот всем известная и всеми любимая фиалочка. Она радостно смотрит на мир веселым фиолетовым глазом. Это она радуется хорошей погоде. Если же предстоит ненастье, фиалочка закроет свой цветок и поникнет грустно, всем видом показывая, что ожидается дождь.

Полевой вьюнок широко раскрывает цветки — граммофончики перед хорошей погодой и закрывает их перед дождем.

Одуванчики можно встретить всюду — и на лугу, и на пустыре, и на бульваре,— в нашей стране их около 70 видов. Желтые цветы или белые шапочки одуванчиков настолько обычны, что люди почти никогда не обращают внимания на эти растения. А зря. Одуванчик — тоже отличный барометр. Перед дождем желтые соцветия оду-

ванчика плотно сжимаются и остаются полузакрытыми, даже если в это время ярко сияет солнце. А бывает, и под хмурым небом стоят раскрытые. Значит, в первом случае надо ждать дождя, во втором дождя не будет, хотя кажется, что он вот-вот пойдет.

Отцветут одуванчики, а барометр продолжает «работать». Все видели, как белые пушинки одуванчика разлетаются даже при легком ветерке. Но это в сухую погоду. Во время ненастья ни ветер, ни дождь не могут сорвать легкие и, казалось бы, слабо прикрепленные «летучки». А все потому, что, чувствуя приближающееся изменение погоды, одуванчик складывает свой пушистый шарик, как зонтик.

Есть свои барометры и в хвойном лесу. Из них, пожалуй, самый знаменитый — кисличка. Это растение с трехлопастными, похожими на клевер листьями иногда сплошь покрывает большие участки леса. В мае появляются бело-розовые цветы. Перед дождем кисличка складывает свои цветки и прижимает листочки к стебелькам, будто хочет спрятать их от ненастья.

Барометры-растения окружают нас повсюду — их не надо искать специально в лесу или на лугу.

Мальва — растение обычное в палисадниках, садах. Это высокое, с яркими цветами растение заметно издали. Но не всегда! Иногда мальва поникает, яркие цветы не видны — закрыты. Мальва увяла? Ее кто-нибудь сломал? Нет, завтра или послезавтра она снова выпрямится, расправит листья, и издали будут заметны ее цветы. А сегодня увяла, потому что изменилась влажность воздуха, надвигается дождь.

Скучная стоит мальва, скучный вид и у клумбы. Почему? Даже не сразу поймешь, в чем дело. Ага, на клумбе не видно ярко-оранжевых соцветий ноготков — они закрыты. Пусть на небе солнце, пусть ни единого облачка, но ноготки предупреждают: не верьте этому благополучию — скоро пойдет дождь!

А на огороде — свои «барометры».

Стелющееся растеньице с хрупким стебельком — мокрица — частый незваный гость на огородах. Ее можно увидеть и вдоль дорог, и по краям канав, и у стен домов. Но там на мокрицу не обращают внимания. На огороде же мокрица не нужна — мешает культурным растениям. Ак-

тивно уничтожая мокрицу, люди не обращают внимания на ее свойства предсказывать погоду. А ведь маленький белый цветок мокрицы — верный «барометр»: не раскрылся он с утра — жди дождя.

Тут же на огороде есть и другой «барометр» — морковь. Ее зеленый султан лихо торчит вверх в хорошую погоду и поникает в преддверии дождя.

Даже на воде есть верные барометры. Это в первую очередь белая кувшинка, или водяная лилия. Ее цветы, приветливо распахнувшие свои лепестки навстречу солнцу, хорошо видны на фоне темной воды лесного озера. Вечером белая кувшинка складывает лепестки и уходит под воду. Но вот наступает день, солнечный день, а белых цветов не видно. На воде покачиваются лишь полураскрытые бутоны. Это значит: надвигается дождь, и белая кувшинка закрыла свои цветки. Белая кувшинка — водяное растение, но и она очень чутко реагирует на изменение влажности воздуха.

Итак, первый тип растений-«барометров» предсказывает изменение погоды поведением цветков: открыты цветки — будет хорошая погода, закрыты — жди дождя. Или всем своим видом: поникло растение — к дождю, «воспрянуло духом» — к хорошей погоде.

«Работа» растений-«барометров» другого типа тоже связана с их цветками. Но «работают» они как бы в паре с насекомыми.

Акацию знают многие. Садовая акация растет в палисадниках, в парках, из ее стручков ребятишки часто делают свистульки. Цветы у акации желтые, небольшие. Иногда на них совсем не бывает насекомых. А в другие дни насекомые так и вьются над этими невзрачными цветочками.

Если понаблюдать за акацией и насекомыми, то легко заметить, что насекомые посещают цветы акаций только перед дождем. И напротив, нет насекомых — значит, дождя не предвидится.

Конечно, дело здесь не в дожде и насекомых. А во влажности воздуха, которая всегда увеличивается перед дождем. Фиалка, например, закрывает свой цветок, мальва поникает, а акация во влажном воздухе начинает усиленно выделять сладкий сок — нектар. Этот нектар и привлекает насекомых. Итак, получается цепочка: приближающийся дождь — увеличивающаяся влажность — усиленное выделение нектара акацией — появление насекомых.

Так же, как акация, «работает» и жимолость. Цветы жимолости сильно пахнут, и из-за них кустарник этот часто сажают в парках и садах. Но не всегда можно почувствовать запах жимолости: иногда он едва уловим, а иногда, напротив, особенно силен. Во влажном воздухе жимолость выделяет не только много нектара, но и много пахучих, ароматических веществ. Поэтому даже ночью, когда насекомых уже не видно в темноте, по запаху можно сказать, какая ожидается погода.

Но если рядом не окажется акации или жимолости, то луговой горицвет обязательно где-нибудь встретится. Его белые цветы-звездочки из пяти разделенных надвое лепестков можно увидеть с мая по август по лугам и опушкам, в садах и даже на огородах. Днем цветы горицвета плотно закрыты — они будто дремлют. А ночью просыпаются. Горицвет, как и другие растения, спящие днем и бодрствующие ночью, опыляется ночными насекомыми. Приманивает этих насекомых сладкий сок-нектар, а дорогу указывает белая окраска цветов, хорошо видная в темноте, и запах. Однако насекомые реагируют не только на запах, но и на его интенсивность. И вот если запах сильный, они устремляются к цветку, слабый — не летят к нему. Перед дождем горицвет, как и жимолость, и акация, и многие другие растения, усиленно выделяет нектар. Он в свою очередь приманивает насекомых. Нектара человек не видит, а насекомых видит. И они подсказывают ему: нас много на цветках — жди дождя.

Может так случиться, что мы окажемся в густом лесу и не встретим ни горицвета, ни клевера, ни вьюнка. Однако верные приметы помогут и тут узнать, какая ожидается погода.

Стоит внимательно присмотреться — и где-нибудь среди травы под деревом или кустарником сверкнут красные ягодки костяники. Они собраны в небольшие плотные кучки и окружены остроконечными листочками. Эти листочки и расскажут о предстоящей погоде. Листочки костяники закручиваются вниз перед хорошей погодой и раскручиваются или загибаются вверх перед плохой. Причем ее не обманет сияющее на небе солнце — задолго до ненастья листочки уже меняют положение.

По топким берегам ручьев или на берегу того же озера, где растет белая кувшинка, можно встретить еще один

«барометр» — белокрыльник. Впрочем, легко отыскать его можно лишь в хорошую погоду. В плохую или накануне ненастья увидать белокрыльник трудно. И вот почему. У белокрыльника мелкие цветки собраны в крупное тяжелое соцветие — початок. А початок этот наполовину окружен большим листом-покрывалом. Листок этот покрыт густыми шелковистыми волосками сверху и кажется совсем белым, а снизу он зеленый.

В хорошую погоду этот листок, похожий на крыло птицы, плотно прилегает к початку, торчит вверх и его белая сторона хорошо видна даже издали. (Кстати, вот за это белое крыло и прозвали его белокрыльником.) Белокрыльник цветет в первой половине лета. И если в это время торчащее вверх крыло и белый цвет видны издали, значит, наверняка будет хорошая погода.

Перед ненастьем же крыло отстает от початка, отгибается. Чем ближе дождь, тем больше отгибается крыло, становясь в конце концов под прямым углом к початку. И тут его увидать не легко. Ну а если не видно белокрыльника, значит, надвигается ненастье.

Итак, одни растения реагируют на изменение погоды цветами, другие — листьями. А есть и такие, которые «плачут» перед дождем.

В садах, парках, скверах часто встречаются красивые растения — канны. Немцы называют их «дождливыми» деревьями, хотя канны вовсе не деревья. А вот «дождливыми» их называют не зря.

Пучок ярких красных цветов канны высоко поднят на длинном тонком стебле, листья же — широкие, овальные, заостренные на концах — расположены низко.

Если изо дня в день наблюдать за каннами, то можно заметить: иногда по утрам на листьях появляются прозрачные капельки. Они хорошо видны на гладкой поверхности. Это сок канны. Если сок на листьях выступил утром, то днем или вечером пойдет дождь.

Есть немало плачущих «барометров» и в поле, и в лесу, и на берегу рек. Например, стрелолист, телорез, плакун-трава, ежеголовник.

Плачут перед дождем и деревья. Например, у клена с черешков листьев, как раз в том месте, где они прикрепляются к веткам, обильно капают «слезы».

У конского каштана «слезы» липкие, они долго остаются

на дереве. Текут «слезы» перед дождем у ивы, ольхи, черемухи, осины.

И вот теперь мы подошли к вопросу, который, очевидно, уже давно назрел. Отбросив все мысли о сверхъестественном, выясним, как же все-таки растения узнают об изменении погоды? А очень просто: им сообщает об этом влажность воздуха. Как известно, в самом растении находится много воды — до 80 процентов. А корни беспрерывно подают новую, в которой растворены питательные вещества. Поэтому часть воды растения испаряют. Испаряют через листья, точнее, через крошечные отверстия на листьях — устьица. Но испарение происходит не всегда одинаково. В жару, когда воздух сухой, то есть когда в нем мало водяных паров, вода испаряется активно. И чем воздух суше, тем активнее испарение. И наоборот, чем воздух влажнее, тем слабее испарение. А ведь вода поступает в растения все время — и когда воздух сухой, и когда он влажный. Во влажном воздухе, как мы уже говорили, испарение слабее. И в растении образуется лишняя жидкость. Тогда растение начинает «плакать» — лишняя жидкость выделяется в виде капелек. И мы знаем: раз дерево «заплакало», значит, уменьшилось испарение жидкости, а раз уменьшилось, значит, повысилась влажность воздуха, а раз влажность воздуха повысилась, то значит... Да, вот именно так.

Влажность воздуха увеличивается перед дождем за несколько часов. Правда, вначале незначительно, но для растений, которые очень чувствительны к любым атмосферным изменениям, вполне достаточно, и «барометры» начинают действовать. У одних появляются «слезы», у других увеличивается выделение сладкого нектара, у третьих изменяется сила запаха — то сильнее, то слабее испаряются душистые вещества в цветке, у четвертых меняется положение листьев. И не только листьев.

В Сибири издавна существовал самодельный «барометр»: ветку ели пристраивают к стене таким образом, чтоб один конец был свободен и двигался вдоль своеобразной шкалы — отметок на стене. Наблюдая за движением свободного конца ветки, охотники безошибочно определяли предстоящую погоду.

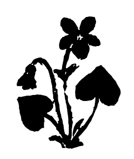
Недавно ученые решили проверить правильность этой приметы. Результаты превзошли все ожидания: оказалось,

что сучок ели длиной в 30 сантиметров способен перед дождем отклоняться на 11 сантиметров.

Растения-«барометры» — приметы верные. Конечно, бывают отклонения, бывают случайности, и поэтому обычно рекомендуют проверить не по поведению одного растения, а нескольких. Это не трудно, потому что растений-«барометров» всюду много. Они очень разнообразны, у них разная чувствительность к влажности воздуха, и от этого зависит срок «предсказания». Так, например, канна менее других барометров чувствительна, поэтому выделяет сок лишь тогда, когда воздух уже достаточно влажный, за 6—10 часов. Горицвет начнет усиленно выделять нектар и издавать сильный запах за 9—12 часов до дождя, жимолость — за 15—20 часов. У костяники закручиваются и раскручиваются листочки тоже за 15—20 часов до изменения погоды, конский каштан «плачет» за сутки и даже за двое до дождя, а клен вообще рекордсмен: он предсказывает ненастье за трое, а то и за четверо суток!

Растений-«барометров», как уже говорилось, много. Это и розы, и шиповник, который перед ненастьем не раскрывает свои цветы, это луговой сердечник и чистотел, поникающий перед дождем, это и многочисленные лютики (в СССР их более полутораста видов), которые перед дождем закрывают свои цветки, это дрема и донник, начинающие перед ненастьем активно выделять нектар, это и ели, у которых перед ненастьем опускаются ветви, а перед хорошей погодой поднимаются, это и другие растения, с которыми связаны верные приметы.

Сейчас ботаникам известно более 500 растений, способных «предсказать» погоду. А сколько еще не известно!

Бегающие, прыгающие, плавающие и летающие

приметы

Мы уже говорили о том, как древние египтяне уважали навозного жука. Но уважали его вовсе не за то, за что следовало. Если бы жрецы знали о метеорологических способностях скарабея (он, как и наши геотрупы, реагирует на изменение погоды), то поражали бы верующих своей осведомленностью о погоде, а жук стал бы еще более священным. Но жрецы этого не

знали. Во всяком случае, в дошедших до нас сведениях о доблестях, приписываемых скарабею, этой не значится. А ведь предсказание погоды — действительно «чудо», которое может «сотворить» жук. Не случайно же Фабр после наблюдений за геотрупами и опытов над ними писал, что они «предсказывают точнее барометров и ошибаются реже метеорологических станций».

Многие насекомые очень чувствительны к изменению погоды. Правда, не все они попали в поле зрения людей и не все стали живыми «барометрами», но некоторые стяжали себе славу в этой области. Особенно пчелы. Может, потому, что люди издавна уделяли этим насекомым особое внимание, может быть, потому, что пчелы действительно необыкновенные синоптики, именно с ними связано много примет о погоде.

Вот некоторые. Если утром пчелы не вылетают из улья и гудят — верный признак близкого дождя. Даже если в эту минуту погода хорошая.

Если пчелы из улья вылетают, но не летят далеко — погода испортится через какое-то время.

Если пчелы вылетают рано утром и возвращаются в улей поздно вечером — «перерабатывают» много времени — это верный признак того, что предстоит длительное ненастье.

Если пчелы рано прекращают работу — завтра будет хорошая погода.

Бывает и так: небо в тучах, где-то в отдалении погромыхивает, а пчелы трудятся как ни в чем не бывало. Значит, мы можем не торопиться домой, под крышу. Раз пчелы спокойны, то и нам нечего волноваться: дождя не будет. А вот если пчелы вдруг бросают работу и, невзирая на безоблачное небо, торопятся домой, значит, обязательно скоро пойдет дождь.

Прекрасные синоптики и муравьи. Народная примета гласит: если муравьи прячутся в гнезда — быть грозе или сильному дождю. Действительно, муравьи чувствуют приближение ненастной погоды за несколько часов. И готовятся. Если вокруг муравейника муравьев мало и большая часть ходов плотно закрыта — значит, муравьи почувствовали изменение влажности воздуха и спрятались. Если же вокруг муравейника кипит жизнь — дождя не предвидится.

Хорошо чувствуют влажность воздуха бабочки. Что стало бы с этими насекомыми, не имей они такой защиты?

Плохо бы им было! Первые же капли ливня прибили бы не ожидающих «нападения» насекомых к земле. Но каждый из нас бывал в лесу и нередко после дождя. Много ли мы видели погибших дневных бабочек? Наверное, не видели совсем или видели очень мало. А это потому, что дневные бабочки, чувствуя приближающийся дождь, заранее прячутся.

Летом бабочки часто залетают в открытые окна. Иногда влетают и тут же вылетают обратно. Но нередко бывает: влетит бабочка в комнату или на террасу, сядет на потолок или на стену, сложит крылышки и замрет. За окном раздолье, сияет солнце, а бабочке почему-то понадобилось сидеть в помещении. Но бабочка знает, почему она тут: пройдет несколько часов — и за окном разразится гроза или пойдет дождь. Это и почувствовала бабочка и заранее нашла надежное укрытие. Конечно, не всегда бабочки влетают в комнаты, но всегда находят надежные укрытия.

Ночные бабочки сильнее дневных, они не так боятся влажности воздуха (ночью вообще в воздухе больше водяных паров, чем днем), но и они при дожде почти не вылетают.

Не только бабочки, но и их гусеницы чувствуют изменение погоды. Фабр, обратив внимание на поведение гусениц перед ненастьем, решил, что они обладают «какими-нибудь способностями для справок в отношении погоды». И действительно, наблюдения позволили Фабру сделать такой вывод: «Гусеница соснового походного шелкопряда чрезвычайно впечатлительна к переменам атмосферного давления, и для нее эта способность драгоценна: она предчувствует бурю, опасную ей во время выходов».

Прекрасные метеорологи пауки. Они не выносят сырости и, боясь росы, редко выходят на охоту утром. Однако, если паук появился утром, значит, нет росы. А это, в свою очередь, значит, что погода испортится, так как отсутствие росы — признак приближающегося ненастья.

Зноя пауки тоже не выносят. Но если паук все-таки вышел на охоту в жару, значит, он почувствовал приближение ненастья, которое может повредить паутину и оставить его голодным. И он спешит насытиться. Итак, паук на паутине в неурочное время — признак приближающегося ненастья, паук на паутине вечером — признак хорошей погоды на следующий день.

Поведение пауков, чувствующих приближение ненастья, многие ученые связывают не с боязнью непогоды самими пауками, а с экономным и предусмотрительным отношением к паутинной сети. Известно, что вещество, из которого делают пауки свои сети, вырабатывают особые железы — паутинные бородавочки. Их продуктивность зависит от количества корма, а сам корм добывается при помощи паутинной сети. Поэтому легко понять: паук должен экономно расходовать паутинное вещество и не плести сети тогда, когда непогода может их разрушить. Но так или иначе, пауки — верные «барометры». И не случайно с ними связано много примет о погоде. Вот например.

Если паук днем паутину ткет — будет погожий день.

Если паук неподвижен среди паутины — жди непогоду.

Если пауков видно много — к хорошей погоде, мало — к плохой.

Если пауки прилежно работают и протягивают длинные нити — надо ожидать хорошей погоды.

Если пауки бездеятельны, сеть не чинят — будет дождь.

Если крестовик сам обрывает основные нити своей сети — жди дождя и ветра.

Пауки и некоторые насекомые, надо полагать, обладают какой-то синоптической чувствительностью. Но есть насекомые, в особенности это относится к мелким перепончатокрылым, которые не имеют специального «аппарата», помогающего им определять предстоящую погоду. И тем не менее они тоже «барометры».

В народе существует примета: комарики-толкунчики пляшут, радуются, что установилась хорошая погода. Примета верная: ни перед ненастьем, ни тем более во время ненастья этих комариков не увидишь. Не появляются они и в перерывах между дождями. Они вылетают, только когда наступает устойчивая хорошая погода, и от радости начинают «плясать».

Конечно, «пляска» от радости — плод богатого воображения народа. Но то, что появление толкунчиков — признак хорошей устойчивой погоды, факт. У комариков нет «аппарата», реагирующего на изменение влажности воздуха. Но у них есть тоненькие, слабенькие крылышки, которые набухают при малейшей влажности воздуха, и комарики уже не могут летать. Вот и появляются они только тогда, когда воздух абсолютно сух.

В то время как большинство животных старается спрятаться перед ненастьем, понадежней укрыться, находятся и такие оригиналы, которые стремятся поскорее покинуть свои жилища. Это в первую очередь относится к земляным червям. Их часто называют и дождевыми, потому что увидеть на поверхности этих червей можно только во время дождя или перед дождем. Черви покидают свои норки вовсе не для того, чтоб принять душ или искупаться в луже. Почувствовав изменение влажности воздуха (каков «аппарат», если он даже в земле реагирует на изменение влажности!), дождевые черви стремятся скорее покинуть норки: вода может их залить, и тогда черви погибнут в собственных «домах».

Одна из очень распространенных примет касается древесных лягушек квакш. Замечено и тщательно проверено, что в хорошую погоду квакши поднимаются на верхушки деревьев или устраиваются на концах ветвей и громко кричат. А перед ненастьем они сидят внизу. Некоторые ученые считают, что лягушки, как и многие животные, очень чувствительны к влажности воздуха. Однако другие исследователи убеждены, что дело вовсе не в лягушках, а в насекомых, которыми они питаются. В ясную погоду, когда воздух сух, летает много насекомых — и лягушки забираются повыше, чтобы легче ловить их. Перед ненастьем насекомые забираются в щели, прячутся в укрытия — и лягушкам незачем лазать на ветки: все равно ничего не поймаешь. Может быть, такое объяснение и верно, может быть, и не совсем, но так или иначе, появление квакш на ветках и их крик — свидетельство предстоящей хорошей погоды (это уже проверено)[1].

[1] Однако квакш не надо путать с нашими зелеными лягушками. Те перед ненастьем появляются на суше, в жару сидят в воде, и понятно почему: если воздух влажный, лягушки не боятся пересохнуть, в жару же их кожа, защищенная лишь слоем слизи, может высохнуть. А это очень опасно для лягушек. Помимо всего прочего, они ведь еще и дышат кожей.

Что же касается крика зеленых лягушек, то и тут нельзя провести аналогию с криком квакш. Крик зеленых лягушек никакого отношения к погоде не имеет. Правда, есть люди, которые убеждены, что лягушачий хор — к дождю. Другие уверены в обратном: лягушки квакают — солнце сулят. На самом же деле ни то ни другое. Квакают и хором поют лягушки в определенное время: весной и в начале лета — в период размножения. Поют самцы, и в это время ни солнце, ни дождь их не интересует.

Но если механизм «работы» квакш еще не ясен до конца, то со многими рыбами все более или менее ясно.

Давно замечено: перед ненастьем рыба выскакивает из воды. Не умея объяснить это явление, люди решили, что рыба как-то чувствует приближение дождя. На самом деле истинным «барометром» здесь тоже служат насекомые. От влажного воздуха набухают их крылья и насекомые падают. Падают на землю и на воду. И здесь становятся добычей прожорливых рыб. Рыбы собираются у поверхности, ожидая падающих насекомых. А некоторые даже выскакивают из воды, чтоб схватить еще не упавшую мошку.

Насекомые маленькие, их не видно. А рыб видно, да и плеск слышен. Так и появилась примета: рыба выскакивает из воды — быть дождю.

Рыболовы знают еще одну примету: рыба перед дождем не клюет. Правильная примета, но объясняется часто неправильно: рыба, мол, чувствуя дождь, уходит поглубже. (А чего ей уходить поглубже — уж не вымокнуть ли она боится?)

Нет, дело здесь не в этом. Опять причина — насекомые. Перед дождем рыба обычно бывает сыта: много нападало в воду насекомых. И не желает она брать какого-нибудь подозрительного червячка, которого насадил на крючок рыболов.

Но есть рыбы, которые действительно реагируют на изменение погоды.

Голец в ясную погоду обычно лежит на дне. Но вот он всплывает, начинает двигаться. И скоро небо затягивается тучами. А вот голец уже начинает метаться в воде, то поднимаясь, то опускаясь, то бросаясь из стороны в сторону. И вскоре начинается дождь.

Другая рыба, вьюн, наоборот, перед дождем и во время дождя опускается на дно, а перед хорошей погодой поднимается на поверхность. Появление на поверхности вьюна — признак того, что ненастье кончается, даже если еще все небо затянуто тучами.

Эти рыбы, особенно голец, настолько популярны как «барометры», что в некоторых азиатских странах, где они водятся, крестьяне держат их в специальных аквариумах. И голец их не обманывает.

А вот пиявка ведет себя иначе. Она тоже очень чувствительна к изменению погоды и активно реагирует на эти

изменения. Поэтому, если пиявка спокойно лежит или ползает по дну, по стеблям подводных растений, волноваться нечего: погода еще долго будет хорошей. Но вот пиявка начинает подниматься на поверхность. Внимание! Приближается ненастье. Может быть, случайно поднялась пиявка? Нет, она висит вертикально, как плавающая бутылка. А другая прицепилась к надводной части какого-нибудь растения и наполовину высунулась из воды. Ясно: скоро начнется дождь.

Если пиявки быстро плавают — это предвещает сильный ветер. Но особенно тревожно ведут себя они перед грозой: судорожно извиваются, вылезают из воды, стараясь прицепиться где-нибудь в сухом месте.

Ну а теперь о птицах. Мы уже знаем, какое большое место в народных поверьях занимали птицы, какую роль отводили им люди в сотворении мира, какое место они занимали в пантеоне богов и какими были оракулами. В общем, с птицами связано множество суеверий. Но с ними связано и немало верных народных примет, особенно касающихся погоды.

Известный путешественник — исследователь Дальнего Востока и прекрасный писатель В. К. Арсеньев в своей книге «В дебрях Уссурийского края» приводит такой случай: его проводник и постоянный спутник, удивительный следопыт Дерсу Узала сказал однажды, что днем дождя не будет — дождь пойдет лишь вечером.

На вопрос Арсеньева, почему именно ночью будет дождь, а днем нет, Дерсу ответил, что птицы перед дождем тихо сидят, а сейчас они ходят, играют, едят.

И дальше Арсеньев пишет: «Действительно, я вспомнил, что перед дождем всегда бывает тихо и сумрачно, а теперь — наоборот: лес жил полной жизнью; всюду перекликались дятлы, сойки и кедровники, и весело посвистывали суетливые поползни».

Но это верное наблюдение относится не только к уссурийским лесам. Тот, кто бывал в лесу перед дождем, замечал, наверное, какая наступала вдруг тишина. Да, птицы хорошо чувствуют приближение ненастья. И умолкают, прячась в густой листве. И только совки-сплюшки перекликаются в лесной тишине. И это тоже признак приближающегося ненастья: совки днем молчат. И раз уж подали голос — значит, чувствуют приближение дождя.

Молчат перед ненастьем лесные птицы, молчит и жаворонок в поле, прячутся под стрехи воробьи, такие непривычно мирные, тихие.

Птицы, как и растения, как и насекомые, хорошо чувствуют влажность воздуха. Но не только это. Например, вороны хорошо чувствуют приближение бури, сильного ветра. Если изо дня в день наблюдать за устраивающимися на ночлег воронами, можно заметить: готовятся ко сну они не всегда одинаково. Иногда садятся кое-как, кто где, одни в одну сторону головой, другие — в другую. Это значит, что ночь будет теплая, безветренная. Но вот однажды все вороны уселись, повернув в одну сторону головы. И сели поближе к стволу, выбрав сучки потолще. Что это может значить? Да только одно: ожидается сильный ветер. И будет он дуть с той стороны, куда головой повернулись птицы, чтоб ветер не задувал под оперение.

Любопытны наблюдения над домашними птицами, в частности над курами. Эти животные, которых и за настоящих птиц-то не считают, оказывается, прекрасные «барометры», способные не только предсказывать погоду, но и определять длительность ненастья.

Так, перед дождем заботливая мамаша-наседка обязательно соберет свое семейство и спрячет его под себя: нечего цыплятам мокнуть! А на улице еще нет дождя, цыплята пищат, им побегать хочется. Но мамаша непреклонна. И почти всегда бывает права: скоро начинается дождь.

Сама она тоже прячется под навес или под крыльцо, хотя ей дождь не очень страшен. Куры, как правило, подготовлены к дождю: они заранее смазали перья жиром. Существует примета: перед дождем куры «обираются» — смазывают перья жиром, доставая его из особой железы под хвостом.

Но не всегда куры прячутся — иной раз они разгуливают под дождем. Наблюдения и многократные проверки показали: так ведут себя куры, если ненастье ожидается длительное.

Прекрасные «барометры» — стрижи. Они никогда не обманывают. Если вдруг среди лета, при ясном небе, стрижи исчезают из города — надо ждать дождя. И дождь пойдет. И ненастье будет затяжное. Куда же подевались стрижи? Спрятались в гнезда? Но там их нет! Стрижи — далеко!

Прекрасные летуны, делающие до ста километров в час, они свободно перемещаются в те места, где ярко сияет солнце и где вдоволь насекомых. И так же легко возвращаются обратно, когда дождь пройдет.

Ну хорошо, но ведь стрижи же не всегда свободны, часть лета в их гнездах находятся птенцы, которых надо кормить. А стрижи нередко отлучаются надолго. Однако птенцы не погибают. Стрижиный секрет был открыт сравнительно недавно. Оказывается, с наступлением ненастной, холодной погоды стрижата впадают в своеобразную спячку, так называемый анабиоз. В это время все жизненные функции — дыхание, кровообращение и так далее — у них почти замирают, им не надо пищи, и они спокойно позволяют родителям отлучаться. Выглянет солнышко, проснутся стрижата, а родители уже тут как тут. И несут своему потомству мошек и букашек.

Однако далеко не все приметы, связанные с птицами, можно принять безоговорочно. Например, есть довольно ходовые приметы: зяблик рюмит — к дождю (то есть вместо его веселой, с залихватским росчерком песенки слышатся монотонные дребезжащие звуки). И еще одна: поет иволга — будет хорошая погода; кричит как кошка — к дождю.

Но дело в том, что рюмит зяблик и кричит кошкой иволга в тех случаях, когда этих птиц кто-то или что-то напугает или если они рассержены. (Зяблик рюмит вообще только тогда, когда у него в гнезде яйца или птенцы.) Это особые сигналы, выражающие угрозу или страх, имеются у многих животных и хорошо известны ученым. А пугается птица, естественно, не только перед дождем. (Хотя можно допустить, что приближающееся ненастье вызывает у нее недовольство, раздражение.) Поэтому зяблика или иволгу вряд ли можно отнести к таким уж точным «барометрам».

С воробьями тоже надо быть очень осторожным. Считают, что перед дождем воробьи купаются в пыли. Но это не доказано. Или вот еще: воробьи взлетают с земли или садятся на дорогу — к дождю, щебечут — на дождь, кричат в кустах перед дождем. Но ведь в таком случае дождь должен идти беспрерывно, так как воробьи все время либо взлетают, либо садятся, постоянно кричат и щебечут.

Очень любопытна и характерна своей ошибкой такая примета: соловьи запели — пошла вода на убыль. Конечно,

никакой связи тут нет. Но вот что интересно: действительно, убыль воды совпадает с началом пения соловьев. Однако дело в том, что по многолетним наблюдениям эти два явления совпадают по срокам. Вот и появилась примета: песнь соловья предвещает спад воды, хотя явления ничем не связаны, кроме времени. С таким же успехом можно было бы сказать и наоборот: спад воды предвещает начало пения соловья.

Часто говорят, что снегири, вернее, их появление свидетельствует о том, что скоро пойдет снег. Даже названы эти птицы снегирями! Действительно, снегири появляются осенью или в начале зимы. Но снег выпадает независимо от их прилета — он может выпасть и до прилета птиц, и после их прилета. Появление снегирей в средней полосе зависит от того, как рано началась зима в северных краях, откуда прилетает большинство этих птиц. Если пришла рано, то и снегири появляются у нас пораньше, если поздно — попозже. Народная примета: свистит снегирь — скоро зима будет, конечно, правильная, потому что зима всегда приходит. Это и без снегирей известно. Другое дело — когда. А вот это птицы сказать не могут: бывает, они уже прилетели, а у нас еще относительно тепло. Или наоборот: уже давно выпал снег, а птицы только появились.

Можно привести еще немало примеров верных прогнозов, которые дают птицы. Можно привести и много неверных, ошибочных. Но и так ясно, что ни безоговорочно верить всем птицам, ни категорически отрицать все птичьи прогнозы нельзя.

Чем выше организовано животное, тем менее оно чувствительно к влажности воздуха. Вот почему меньше всего верных примет связано с млекопитающими и с ними же связано больше всего неверных, ошибочных и даже абсурдных примет. О некоторых мы уже говорили. Вот еще несколько примеров.

Олени сильно бодаются — плохую погоду предвещают.

Катается лошадь по земле — к дождю.

Ослица ухом шевелит — через день будет дождь.

Козы и бараны бодаются к дождю.

Волы закидывают на спину хвост кольцом — к сильному ветру.

Свиньи к ненастью визжат, к теплу чешутся.

Все эти приметы если и подтверждались, то благодаря случайным совпадениям. Возможно, отсутствие тонкой чувствительности к перемене погоды у высокоорганизованных животных объясняется тем, что погода мало влияет на их жизнь: это же не птицы, тем более не насекомые, для которых дождь может быть вопросом жизни. Что, в конце концов, корове или собаке, волу или лошади дождь?

Однако и среди млекопитающих есть живые «барометры».

В Сибири охотники издавна использовали в качестве «барометра» зайца. Зайца ловили и сажали в открытый, но надежно огороженный дворик. Утром можно было заглянуть в этот дворик и точно сказать, какая будет погода. Если снег на дворике истоптан — можно ожидать хорошей погоды: заяц бегал не боясь. Если снег чистый — значит, лежал косой, ждал бурана.

В Сибири живет и маленький славный зверек бурундук. Перед хорошей погодой его не слышно. Но вот вдруг начинает звучать его грустный голосок: он громко и протяжно кричит. Сибиряки называют крик бурундука голосом «медвежьей совести», говорят, что это совесть медведя мучается за разоренные бурундучьи кладовки, в которые эти зверьки собирают орехи и семена на зиму. Конечно, бурундук не стыдит медведя, но погоду предсказывает точно. Начинает кричать он перед дождем, за 9—10 часов. Чувствуют зверьки и другие явления природы. Известен случай, когда перед наводнением в долине реки Иман Приморского края все бурундуки из прибрежного леса переселились в горы!

Возможно, в наших лесах ни один зверек не имеет такого удивительного чутья. Лишь кроты могут соперничать с бурундуками.

Кроты также удивительно хорошо чувствуют изменение погоды: перед сильными дождями они выбираются из земли на поверхность. За многие тысячелетия у кротов выработался охранительный инстинкт, предсказывающий им необходимость таких действий, иначе они давно бы погибли все в своих норах.

В связи с кротами появилась и такая примета: если крот делает высокие кучи — жди дождя, маленькие — дождь не ожидается. Некоторые ученые объясняют эту примету так: перед ненастьем личинки и насекомые, живущие в земле

и служащие кроту пищей, уходят глубже. За ними двигается и крот. Чем глубже он уходит в землю, тем больше у него работы, тем выше кучи выброшенной земли. Перед хорошей погодой добыча крота держится у поверхности, и кроту не приходится перелопачивать много земли.

Маленькие зверьки сеноставки, живущие в горах и сушащие на зиму траву, перед началом дождя собирают сено и тащат его в укрытие.

Считается, что белки заранее узнают о холодах,— известны случаи, когда в одно гнездо перед сильными морозами собиралось по нескольку белок.

Существует еще некоторое количество более или менее верных примет, связанных с млекопитающими, но достоверных все-таки меньше, чем примет, появившихся благодаря поведению других животных.

Здесь было рассказано лишь о некоторых приметах, связанных с животными, растениями и погодой. Но мы и не ставили своей задачей рассказать обо всех — это просто невозможно: ведь сейчас известно не менее 500 растений-«барометров», а животных — примерно 1000. Несомненно, не все они одинаково безусловны, и какое-то количество после тщательных проверок будет отнесено к недостоверным. Но несомненно и другое: люди знают еще не все живые «барометры» — в природе их, очевидно, гораздо больше. И конечно, будут открыты новые.

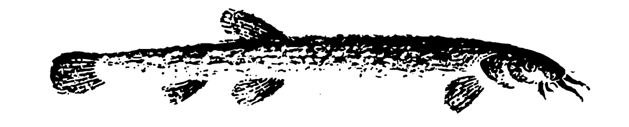
Люди не случайно уделяют народным приметам так много внимания. Ведь чем больше мы будем знать верных примет, тем меньше останется места для суеверных, тем легче будет нам объяснять причины различных «таинств» и бороться с предрассудками.

Но изучать народные приметы надо и по другим причинам...

Послесловие к третьей части

Приметы на лабораторном столе

В первых двух частях, как ты помнишь, мы говорили о суеверных приметах, о том, как они рождаются и почему многие из них, появившись очень давно, живут до сих пор. В третьей говорили о приметах верных и ложных, связанных с погодой, растениями и животными. Немало этих примет

тоже родилось в далеком прошлом. Некоторые уже отжили свой век: убедившись в ошибочности этих примет, люди забыли о них. Другие ложные приметы, несмотря ни на что, продолжают пока существовать. Но и они рано или поздно тоже отомрут. Однако имеются приметы, которые не только существуют сейчас, но у которых есть будущее: ими очень интересуются ученые.

Правда, ученых вообще интересуют приметы. Почему интересуют суеверные — понятно: знание истоков этих примет, понимание их происхождения помогает избавиться от предрассудков, мешающих людям жить. А вот для чего изучают приметы, связанные с погодой, когда существует уже могучая метеорологическая служба?

На нашей планете — во всех ее частях — работают тысячи наблюдательных пунктов, метеостанций, институтов, оснащенных совершенными аппаратами и приборами, синоптики постоянно получают сообщения из самых отдаленных уголков Земли. Ежедневно запускаются тысячи шаров-зондов, исследующих разные слои атмосферы, в распоряжении метеослужбы имеются специальные ракеты, на нее работают метеоспутники, получаемые сведения обрабатываются новейшими электронно-вычислительными машинами. И сейчас уже нет надобности прибегать к помощи примет: не только авиаторы и моряки, земледельцы и медики имеют возможность пользоваться сводками официальных метеослужб, но и все мы ежедневно по радио и телевидению узнаем о погоде на ближайшие сутки, читаем в газетах сводки погоды на предстоящую неделю. Правда, случается, что синоптики ошибаются в своих расчетах. Но уж коль скоро люди, имеющие такие колоссальные технические возможности, ошибаются, то можно ли верить растениям или животным? Впрочем, если даже некоторые животные и растения действительно способны предсказывать погоду, то стоит ли обращать на них внимание, когда существует радио, когда барометры сейчас имеются чуть ли не в каждом доме? И действуют они круглый год, в то время как растения и животные (особенно насекомые или пресмыкающиеся и земноводные) могут «работать» только в определенное время года.

Конечно, нелишне знать верные приметы и пользоваться ими во время походов, загородных прогулок или рыбалки. Но стоит ли заниматься приметами всерьез, стоит ли

ученым тратить силы, время и средства, наблюдать эти приметы в природе, изучать их в лабораториях?

Прежде чем ответить на этот вопрос, вернемся немного назад и вспомним, как «работают» некоторые живые «барометры», в которых мы уверены.

С растениями более или менее ясно — они чутко реагируют на увеличение влажности и ведут себя соответственно: одни «плачут» — выделяют лишнюю влагу, другие закрывают цветки, чтобы уберечь от влажного воздуха пыльцу, третьи под влиянием влажности воздуха и атмосферного давления меняют положение листьев. Конечно, все это растения проделывают не сознательно, тут и объяснять нечего. Так вести себя они научились на протяжении многих тысячелетий, когда выбирались и отбирались, отрабатывались и совершенствовались наиболее подходящие растениям, наиболее выгодные для них способы защиты, помогающие выживанию. С некоторыми насекомыми тоже все понятно. Во влажном воздухе их крылышки набухают — и эти насекомые не могут летать.

И с ласточками и рыбами ясно. Тут дело не в самих птицах и рыбах, а опять-таки в насекомых. Ласточки и рыбы — так называемые косвенные приметы. (Мы судим о предстоящей погоде по поведению этих животных, поскольку мы их видим, а прямые приметы — насекомые — издали не заметны.) К косвенным приметам относятся и кучки земли, выброшенные кротом.

Да, кротовины — косвенные приметы. А прямые — насекомые. Однако здесь насекомые «работают» не так, как в случаях с ласточками и рыбами.

В земле находятся, как правило, бескрылые насекомые. Поэтому, естественно, у них не могут набухать крылья. Да и тянуть вниз находящихся в земле насекомых набухшие крылья не могли бы. Нет, тут другое. А что? И вот сейчас мы подошли к очень важному вопросу: что помогает насекомым узнавать о надвигающемся ненастье и заставляет их уходить глубже в землю? Или наоборот, что заставляет животных вылезать из земли, как например, это делают те же кроты перед очень сильными дождями или половодьем или земляные черви? Как они узнают о приближающемся ненастье, причем нередко знают даже о силе дождя — ведь перед небольшим дождем кроты не вылезают наружу?

На этот вопрос мы можем ответить пока только в очень общей форме: у животных есть какие-то приспособления, помогающие им замечать самые незначительные изменения атмосферного давления (у живущих в земле эти приспособления должны быть особенно тонкими и чувствительными).

Впрочем, высокочувствительными приспособлениями обладают и наземные насекомые. Вспомним, например, бабочек, прячущихся задолго до наступления ненастья. Какой-то «аппарат» сообщает им об изменении влажности воздуха. Причем о самом минимальном: ведь за несколько часов до дождя влажность воздуха изменяется очень и очень незначительно. Но бабочкам этого достаточно. Конечно, действуют они не сознательно — поведение бабочек отрабатывалось и совершенствовалось многие тысячелетия. И «аппарат» тоже.

Очень и очень давно бабочки, очевидно, не имели таких «аппаратов». И многие погибали во время дождя. Но поскольку каждое животное чем-то отличается от другого, в том числе и остротой чувств (одни, например, лучше, чем другие, слышат или видят), то возможно, что у одних бабочек и чувствительность к влажности воздуха была несколько выше, чем у других. Возможно, поэтому перед ненастьем они инстинктивно искали убежища. Во время дождя эти бабочки не погибали. Постепенно на протяжении тысячелетий природа как бы отбирала наиболее приспособленные для жизни организмы. (Это, разумеется, относится не только к реакции на влажность воздуха, но сейчас мы говорим именно о ней.) И вот миллионы и миллионы бабочек гибли, а какая-то часть выживала: почувствовав приближение дождя, эти бабочки прятались. Способность реагировать на повышение влажности часто передавалась по наследству. Однако у одних бабочек это не закреплялось, у других — закреплялось. Но и закреплялось не одинаково. У одних слабее, у других сильнее. Передававшиеся по наследству и закрепившиеся признаки постоянно совершенствовались. В результате естественного отбора оставались, выживали лишь те бабочки, которые острее чувствовали приближение дождя. Они успевали лучше спрятаться. В конечном итоге бабочки настолько усовершенствовали свой «аппарат», что стали чувствовать приближение ненастья не за час, допустим, а за три часа и уз-

навать не только когда пойдет дождь, но и какой он будет — сильный или слабый.

Мы сейчас рассуждаем об этом так, будто точно знаем и о существовании таких «аппаратов» у бабочек, и где они расположены. Но на самом деле мы можем лишь предполагать о существовании каких-то приспособлений, основываясь на самом факте — на поведении этих насекомых перед дождем. А о том, как они появились, мы говорим потому, что уверены: в процессе эволюции в животном, как и в растительном мире выживали наиболее приспособленные. И в течение многих и многих тысячелетий совершенствовались те качества, которые помогали им выживать. Способность же предчувствовать погоду — одно из важнейших условий выживания бабочек.

Кстати, вспомним навозного жука. Ему, очевидно, менее, чем бабочкам, страшна непогода. Но если сам жук, возможно, не очень страшится дождя, то для его потомства дождь губителен: он размоет, растворит комочки навоза, в которые жук откладывает яички и которым будут питаться появившиеся из яичек личинки. Поэтому у жука в процессе эволюции выработалась способность узнавать о предстоящем ненастье и «делать соответствующие выводы».

Есть еще одно важное обстоятельство, которое позволяет нам говорить о существовании того, что мы пока не нашли, не увидели, не распознали.

Сравнительно недавно насекомые для человека были лишь назойливыми, докучливыми или опасными соседями по планете. Люди думали лишь о том, как избавиться от них, как уменьшить вред, наносимый ими сельскому хозяйству. Но чем ближе знакомились со своими шестиногими соседями по планете, тем больше убеждались в том, какие это удивительные существа. И, по меткому выражению академика Д. Ландау, люди многое поняли из того, что не в состоянии были себе даже вообразить.

Например, разве можно было вообразить, что обыкновенный кузнечик, сидя на травинке в Подмосковье, может услышать отзвуки землетрясения, произошедшего в Японии? Действительно, уму непостижимо. Однако сейчас совершенно точно известно, что это так. И слышит он отзвуки ушами, которые расположены у него на ногах. Причем уши по своему устройству, с нашей точки зрения, довольно примитивные. Это лишь один пример фе-

номенального слуха. А ведь слух — не единственный феномен насекомых.

Жан Анри Фабр отлично — может быть, лучше, чем кто-либо из его современников,— знал насекомых. Мало того, он сам наблюдал удивительное явление — прилет самцов бабочек к появившейся из куколки самке. Да, он видел это собственными глазами и все-таки не мог поверить, что самцы чувствуют запах новорожденной на расстоянии нескольких десятков метров. Сейчас известно, что некоторые бабочки способны почувствовать этот запах на расстоянии десяти-одиннадцати километров и прилетать на него. Кажется невероятным. Да, но это факт.

Сравнительно недавно стало известно о том, что стрекозы совершают перелеты в сотни, а то и в тысячи километров. Тоже непонятное явление. Но еще более непонятное и удивительное явление — межконтинентальные перелеты бабочек.

Когда впервые об этом заговорили, большинство ученых лишь пожимало плечами. Сейчас уже в этом никто не сомневается. Теперь известно, что бабочки не только совершают многотысячекилометровые перелеты — например, отправляются из Подмосковья в Африку,— но и летят в очень трудных условиях: над горами, над пустырями, над морями. Уже сам факт этот удивителен. А сколько возникает вопросов в связи с ним? Например, самый элементарный: как бабочки узнают дорогу, как определяют направление? Любой, даже самый маленький ветерок может снести их в сторону от основного курса. И сносит. Но бабочки как-то корректируют свой полет и всегда прилетают в нужное им место. Какой же удивительный «компас», какой уникальный «аппарат» помогает не сбиваться с курса? И еще сотни вопросов возникают у людей в связи с этим открытием. Однако и перелеты бабочек — не единственные «чудеса»: людям известно множество фактов из жизни насекомых, знают они и о необыкновенных поступках шестиногих, об их совершенно необычном поведении, поражающем воображение людей. И ведь всеми этими поступками, всем поведением что-то управляет — какие-то «аппараты», «приборы», «механизмы». Но какие — еще не ясно.

А вот еще одна загадка, которую (пока безуспешно) пытаются разгадать ученые. Речь идет о физиологических

часах (в быту о них часто говорят — «биологические часы»). Эти часы есть и у человека, и у растений, и у животных. Они управляют суточной активностью растений, а животных заставляют спать или бодрствовать, отыскивать корм, строить гнезда, путешествовать и делать еще очень многое. Причем ритмично и регулярно все повторяется изо дня в день, и дни эти могут совпадать из года в год.

Люди уже очень подробно изучили физиологические часы, узнали, что их надо «заводить», что они могут «отставать», «спешить», что их можно «испортить». Не узнали лишь, что из себя представляют эти часы. Есть предположение, что у каждой клетки в организме существуют свои физиологические часы, а управляет этими миллионами крошечных хронометров мозг. Однако это лишь предположение, и если оно верно, допустим, для животных, то что же за часы имеются у растений?

Но часы есть и у растений, и у животных. Так почему же не быть и каким-то «барометрам»? И они тоже есть — это уже подтверждено. Но какие и где находятся, так же непонятно, как непонятны еще и физиологические часы.

Мы уже говорили о том, что рыбы предчувствуют погоду. Это очень точные «барометры». Например, голец ошибается лишь в 3—4 случаях из 100, в то время как официальная служба погоды — в 15—20.

Другие рыбки, которых тоже держат в Японии в аквариумах, предсказывают землетрясение: если они начинают волноваться, надо ждать беды. Японцы даже говорят, что эти рыбки «трясут землю».

До недавнего времени считали, что плавательный пузырь рыбы помогает им плавать. Сейчас известно, что, хоть он и называется плавательным, нужен он рыбам для другого: он служит «прибором», благодаря которому рыба знает глубину своего погружения, точнее — давления воды. Когда рыба опускается глубже, чем ей требуется для оптимального самочувствия, внешнее давление растет, плавательный пузырь сжимается, и это воспринимают многочисленные нервные окончания, расположенные на его стенках. Специальные железки, получив соответствующий сигнал, начинают извлекать газ прямо из крови рыбы и заполняют им пузырь. Количество газа регулируется с боль-

шой точностью, и рыба всплывает как раз настолько, чтобы оказаться на привычной для нее глубине.

Правда, существует немало рыб, у которых нет плавательного пузыря — и рыбы обходятся без него, есть рыбы, у которых плавательный пузырь настолько чувствителен, что реагирует не только на изменение давления воды, но и на изменение атмосферного давления. К таким рыбам, видимо, и относятся рыбки-«барометры». (В наших водах это вьюны, сомы и некоторые другие.)

Но хотя механизм рыбьих «барометров» известен, есть еще много непонятного в его действиях.

Еще сложнее с птичьими «барометрами». Одни ученые считают, что узнавать о предстоящем изменении погоды помогают перья, точнее, пустотелые части контурных перьев — очины, находящиеся в коже птицы. При изменении атмосферного давления меняется давление и в очинах. Это передается через нервные окончания в мозг птицы.

Есть другая гипотеза: птицам помогают узнавать изменение погоды трубчатые кости, наполненные воздухом, и воздушные мешки, расположенные под кожей. Однако это лишь гипотезы. И какая из них верна, сейчас сказать невозможно. К тому же некоторые ученые считают, что ни перья, ни кости не являются основными «барометрами», а служат только дополнительными. Основные же пока неизвестны. Что ж, и это может быть: птицы еще продолжают во многом оставаться таинственными животными.

Ведь даже перелеты птиц, которыми люди уже давно и очень тщательно занимаются, для изучения которых используют самые новейшие приборы и аппараты, последние достижения науки и техники, вплоть до локаторов и искусственных спутников, еще полностью не разгаданы. Существует немало гипотез и теорий относительно причин отлета одних птиц и «постоянной прописки» других, по поводу «пускового механизма», то есть сигналов, оповещающих о времени отлета в теплые края и возвращения на родину. А как птицы находят дорогу на зимовки, возвращаются обратно, причем в те самые места, откуда улетели, как ориентируются в пространстве и во времени? Очевидно, у них есть и «компасы» и «часы». Так почему же птицам не иметь и «барометров»? Ведь многие из них действительно хорошо предчувствуют изменение погоды? Но как?

Безусловно, какие-то неизвестные еще людям «механиз-

мы» или «приборы» есть и у млекопитающих, в том числе и у главной героини нашей книги — кошки. Правда, вряд ли когда-нибудь наука подтвердит, что кошка, царапая пол или умывая уши, сообщает этим о приближении дождя. Но то, что в поведении кошки есть еще много неразгаданного и непонятного, несомненно (и это до сих пор для некоторых людей служит аргументом связей кошки с различными темными силами).

Например, издавна удивляла кошка людей своей способностью, падая с любой высоты — большой ли, малой ли,— опускаться на лапы. И ей это даже ставили в вину, особенно когда в средние века сбрасывали кошек с башен («нечистая сила» помогает!).

Сейчас с помощью специальных киносъемок установлено, что при падении кошка очень ловко пользуется хвостом, регулируя, направляя, а затем останавливая вращение своего тела. Но как она узнает, когда надо прекратить вращение, когда застопорить его и когда вытянуть лапы,— еще не ясно. Считают, что помогает ей удивительный, ни с чем не сравнимый по своим возможностям вестибулярный аппарат. Он же, считают ученые, помогает кошке двигаться в абсолютной темноте, обходить препятствия без помощи зрения, находить нужное место. Да, видимо, кошка в каких-то обстоятельствах может обходиться без зрения. Тем не менее зрение у нее необыкновенное: глаза кошки как бы приспособлены к ночному видению.

Каждый знает, что в темноте глаза у кошки светятся. В глазу кошки есть слой серебристых кристалликов, который увеличивает силу попадающего в него света. Правда, светиться в темноте могут глаза не только кошки, но и некоторых других животных. Но у кошки, пожалуй, светятся ярче всех: на 70—80 метров видны в темноте ее горящие «прожекторы».

А недавно было высказано предположение, что кошки глазами еще и слышат! Во всяком случае, у них в зрачках найдены такие нервные клетки, которые обычно находят у других животных в органах слуха.

Можно рассказать о множестве до конца не разгаданных или не разгаданных вообще секретов кошки. Что же касается приметы, говорящей о похолодании, которое наступает, если кошка жмется к печи или в холодной комнате

свертывается в клубок, и о потеплении, если кошка разворачивается,— так ведь это не примета. Это естественное поведение любого живого существа: во время холода прижиматься к печке или сжиматься, а во время жары вытягиваться.

И тем не менее мы не можем отказать всем млекопитающим в способности прогнозировать погоду. Во всяком случае, мы можем приглядеться, проверить некоторые приметы, говорящие о том, что лошади, например, предчувствуют ненастье.

Известно, что у лошади очень хорошее обоняние. В ее жизни оно играло (когда лошадь еще не была приручена) и играет до сих пор большую роль. Именно благодаря обонянию, считают многие ученые, лошадь находит дорогу к дому, обоняние позволяет ей найти верный путь в пустыне и на заснеженной равнине.

В жизни диких лошадей вода много значила, и путь к водопою они отыскивали по запаху. Водопой же иногда находился за много километров. Но может быть, мы говорим «запах воды», а надо сказать как-то иначе? Например, «влажность воздуха»? И если это так, то почему лошадь не может почувствовать влажность воздуха перед дождем?

Не только лошади знают, где вода. Африканская коровья антилопа гну чувствует дождь за многие десятки километров. И отправляется в район, где после дождя появляется свежая зелень. Советский ученый Н. Лобанов считает, что в погоне за дождем гну проходит до 1600 километров. Но если гну чувствует дождь, идущий так далеко, то, может быть, она ощущает и приближение дождя? Может быть, она реагирует на изменение влажности воздуха? Значит, имеет какой-то «барометр»?

А слоны? Они не могут жить без воды. И когда пересыхают источники и водоемы, слоны добывают воду сами — роют ямы. Но ведь надо знать, где рыть. И слоны знают, ошибаются очень редко. Следовательно, и они как-то реагируют на влажность воздуха, которая в районах подземных водоемов или водоносных слоев земли чуть-чуть выше обычной. Так почему не предположить, что существует и слоновий «барометр»?

Можно привести еще множество примеров, которые дадут и пищу для размышления, и материал для наблюдения.

(Конечно, наблюдения не за слонами, а за животными, окружающими нас.) Но пожалуй, пора вернуться к вопросу, с которого мы начали эту главку,— для чего нам надо знать приметы, связанные с погодой?

Начнем с примера, ставшего уже хрестоматийным,— с медузы.

Давно было замечено, что медузы каким-то образом узнают о приближающемся шторме. И уходят от берега в глубину. Почему так ведут себя медузы — понятно: сильные волны могут выбросить их на берег, а это — смерть. Вот и уплывают они в безопасное место. Но как медузы узнают, что надо уплывать? Никто этого не знал, пока академик В. В. Шулейкин не установил, что существуют особые звуки — штормовые предупреждения, которые он назвал «голос моря». Звуки возникают от трения воздуха о гребни штормовых волн. Они выходят за пределы штормовой области и быстро распространяются по воздуху и по воде. Человеческое ухо не способно уловить эти звуки — они ниже слухового порога человека. Но животные их слышат или воспринимают как-то иначе и стараются оказаться в безопасном месте. Что за «аппарат» у птиц или млекопитающих, воспринимающий «голос моря», мы пока не знаем. А вот медуза открыла людям свою тайну.

Исследовав медузу, ученые установили: слышать «голос моря» помогает ей особый орган равновесия. Мы не будем здесь подробно описывать этот орган, который ученые называют «ухо медузы», скажем лишь, что благодаря этому органу медуза узнает о надвигающемся шторме за много часов. И поскольку плавает она неважно, то заранее отправляется в путь, подальше от опасного для нее во время шторма берега.

«Ухо медузы» устроено относительно просто. И, разобравшись в его строении, ученые сконструировали аппарат, с которым не может конкурировать ни один барометр. В самом деле: обычный барометр предсказывает шторм за два-три часа. И корабли, находящиеся в открытом море, если и получают штормовое предупреждение, не всегда успевают войти в безопасные бухты или порты. А «ухо медузы» предупреждает о шторме за 15 часов. К тому же указывает и путь шторма, и его силу.

А вот еще пример вырванной у животных тайны предсказаний погоды. Есть такие существа — мокрицы. Их

часто принимают за насекомых (действительно, можно спутать), но у мокриц не шесть ног, а в два раза больше — это наглядный отличительный признак.

Мокрицы довольно многочисленны (известно около 1000 видов этих животных) и достаточно широко распространены, хотя обитают только во влажных местах (отсюда и название). Влажность — необходимое условие жизни мокриц. Поэтому им очень важно знать предстоящую погоду: ведь если, допустим, наступит длительная жара, высохнут места обитания мокриц, значит, надо искать новые, где влажность сохранится. Стало быть, необходимо иметь и «барометр», который заранее сообщит о предстоящей погоде, и даже гигрометр, который определит степень влажности нового места, степень его надежности. И мокрицы имеют такие «аппараты». Ученые обнаружили у мокриц крошечные бугорки, покрытые тонкой кожицей, их больше ста, и находятся они главным образом у основания ножек. К кожице подсоединены пучки нервных окончаний. Кожица — чувствительная мембрана, реагирующая на малейшее изменение атмосферного давления и тут же сообщающая об этом нервным окончаниям. Устройство этого «барометра» очень простое, показания необычайно точны. Возможно, ученые и конструкторы заинтересуются этим «барометром» и попытаются создать аппарат «по патенту» мокрицы.

Ученые считают, что животные помогут создать не только сверхчувствительные барометры, но и приборы, предсказывающие такие стихийные бедствия, как землетрясение.

Предотвратить землетрясения люди пока не могут. Но когда стало известно, что накопление разрушительной энергии происходит постепенно в глубине земной коры, появилась, кажется, возможность узнавать о надвигающемся стихийном бедствии заранее. Во всяком случае, этими вопросами уже занимаются во многих странах физики и инженеры. А недавно к ним присоединились и биологи.

Правда, тут вопрос особый. С одной стороны, имеются многочисленные свидетельства того, что животные предчувствуют приближение катастрофы и либо заранее покидают опасное место, либо начинают сильно волноваться (профессор П. И. Мариковский считает: таких животных уже известно не менее 70 видов). Это факты неопровер-

жимые. С другой стороны, нет объяснения такому поведению. Мало того, еще до сравнительно недавнего времени вера в предсказание животными землетрясений считалась предрассудком. Но сейчас положение все-таки изменилось. Особенно после того, как в 1967 году советские ученые открыли у рыб сейсмический слух — способность реагировать на самые минимальные колебания.

А сравнительно недавно на лабораторном столе оказался кузнечик. И вот уже склонились над ним биологи и конструкторы, инженеры и математики. И уже думают ученые о создании сверхчувствительного аппарата по типу уха кузнечика. И если это удастся, сколько человеческих жизней будет спасено!

Люди хотят создать сейсмограф «по патенту» кузнечика, мечтают сделать компасы, подобные тем «аппаратам», которые есть у бабочек, совершающих межконтинентальные перелеты, навигационные приборы, как у птиц. И хотят узнать тайны животных, предсказывающих погоду: благодаря этому будут созданы новые, сверхчувствительные барометры, которые очень нужны и для сельского хозяйства, и для авиации, для моряков и рыбаков, для медиков и для многих и многих других.

Конечно, рано или поздно такие барометры создадут. И возможно, благодаря наблюдениям за животными, благодаря изучению их поведения, раскрытию механизма тех или других поступков. А исходными моментами могут стать некоторые верные приметы.

Вот почему изучение примет — это не только путешествие в прошлое, но и путешествие в будущее!

Оглавление

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Познавательное издание

Для старшего возраста

Дмитриев Юрий Дмитриевич

ТРИНАДЦАТЬ ЧЕРНЫХ КОШЕК

Ответственный редактор Л. А. Чуткова
Художественный редактор О. К. Кондакова
Технические редакторы Л. В. Гришина, Г. Г. Рыжкова
Корректоры И. Н. Мокина, Л. А. Рогова

ИБ № 9812

Сдано в набор 13.08.87. Подписано к печати 05.03.88. А 01384.
Формат 84×108 1/32. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт академический.
Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 13,24. Уч.-изд. л. 12,16
Тираж 100 000 экз. Заказ № 6901. Цена 70 к.
Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга»
Росглавполиграфпрома Государственного
комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Дмитриев Ю.

Д53 Тринадцать черных кошек: Познавательное издание/Худ. А. Райхштейн.— М.: Дет. лит., 1988.— 239 с.: ил. (Библиотечная серия).

ISBN 5—08—001228—5

Книга посвящена проблеме происхождения суеверий и их роли в духовной культуре человечества. Опираясь на новейшие достижения науки, автор разоблачает суть предрассудков и суеверий, связанных с животным миром

Д $\frac{4802000000—251}{М101(03)\text{-}88}$ 021—88 ББК86

70 к.

Издательство
«Детская
литература»